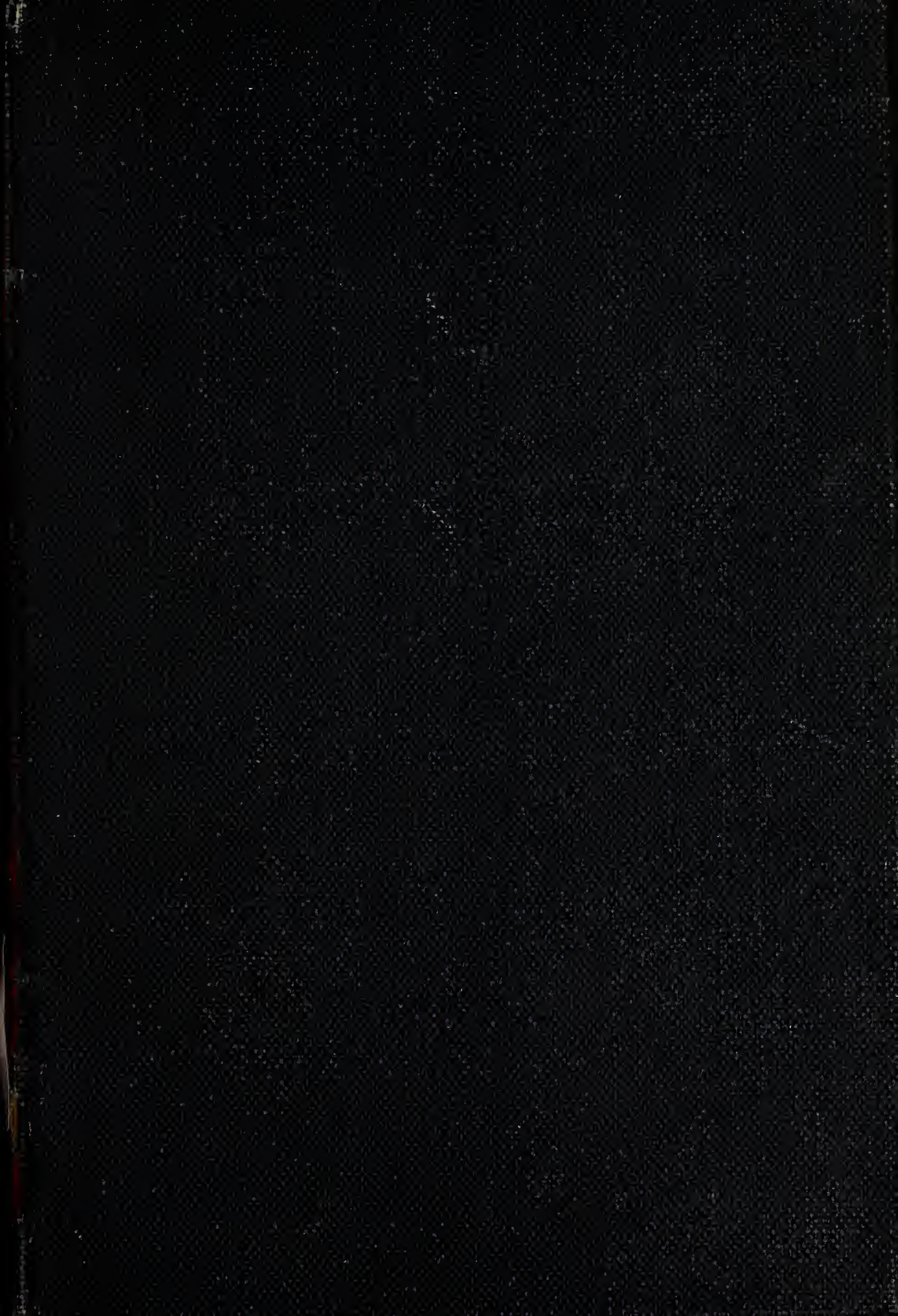

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА
THE LIBRARY OF CONGRESS
1800
Class
Book
YUDIN COLLECTION

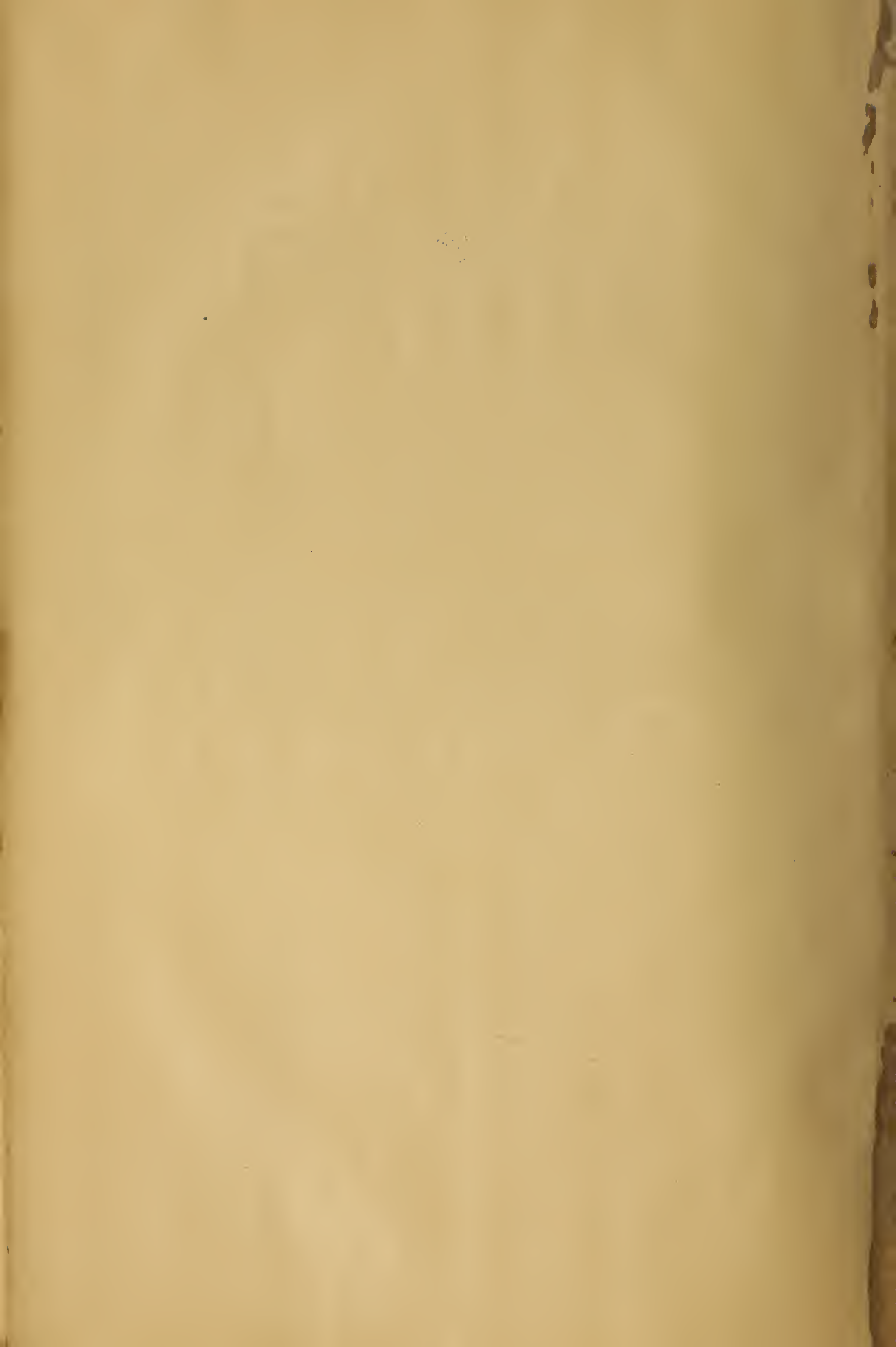

БУНТЪ

СТЕНЬКИ РАЗИНА.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

1859.

БУНТЪ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

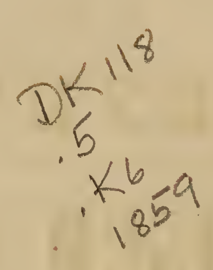
СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.
1859.

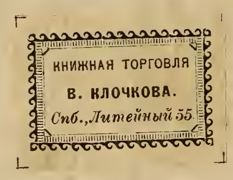

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 7 марта 1859 года.

Ценсоръ *Палаузовъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

БУНТЪ
СТЕНЬКИ РАЗИНА.

I.

Русскую исторію обыкновенно дѣлятъ на періоды; но не во всѣхъ отношеніяхъ выражаютъ этимъ то́, что́ хотятъ. Для отдѣленія одного періода отъ другаго берутъ внѣшнія событія, которыя, хотя имѣли важное вліяніе на судьбу народа, но не уничтожали съ-разу стараго порядка и не вводили съ-разу новаго. Постепенно упадало старое, постепенно возрастало новое. Татарское завоеваніе иначе направило дѣятельность удѣльныхъ князей, произвело перемѣны въ связи городовъ и земель, дало другіе размѣры народнымъ свойствамъ; но и долго послѣ татаръ оставалось больше слѣдовъ до татарскаго времени, чѣмъ перемѣнъ. Государствованіе Іоанна III было то время, когда единодержавіе взяло перевѣсъ надъ удѣльностью; но эта эпоха не изгладила признаковъ

жизни, свойственныхъ удѣльному міру. Дѣленіе на принятые періоды годится для школьнаго изученія событій былевой исторіи; исторія бытовая, исторія народной жизни требуетъ такихъ граней, которыя бы опредѣляли коренныя отличія, принимаемыя страною и жителями, и заключали въ себѣ главные уклады политической, общественной и духовной жизни народа. Такихъ укладовъ русская исторія до Петра Великаго представляетъ два: удѣльно-вѣчевой и единодержавный. Невозможно отыскать такое время, когда между ними провелась раздѣлительная черта. Когда удѣльность господствовала надъ всѣмъ составомъ Руси, сѣмена единодержавія пытались пустить отростки и, напротивъ, когда единовластіе достигло полной силы, отжившія начала удѣльности, воскресая, оказывали признаки сопротивленія.

Картина удѣльно-вѣчевой Руси является наблюдателю въ такомъ видѣ: все дробится, все идетъ къ тому, чтобъ каждый городъ и даже каждое село образовывало самостоятельное цѣлое; и между-тѣмъ, однако, существуетъ федеративная связь этихъ частей, безъ опредѣленныхъ учрежденій для поддержки согласія между ними, основанная болѣе на всеобщемъ чувствѣ и сознаніи единства русской земли и русскаго народа; управленіе посредствомъ цѣлаго рода князей, изъ которыхъ ни одинъ, однако, не имѣетъ значенія государя; народоправленіе, выражаемое фор-

мою вѣчь, формою, которая въ однихъ мѣстахъ созрѣла, въ другихъ не созрѣла, смотря по обстоятельствамъ; перевѣсъ обычая надъ постановленіемъ, побужденія надъ закономъ, личной свободы надъ повинностью, общинности надъ единичностью власти, воли живаго народа надъ учрежденіемъ; вольница, движеніе, броженіе, кочеванье и потому безладица и непрочность.

Напротивъ, признаки единодержавія были таковы: всѣ народные интересы сосредоточиваются въ одномъ лицѣ, которое становится апотеозомъ страны и народа, и потому личность его пріобрѣтаетъ святое значеніе; исчезаетъ бытіе отдѣльныхъ частей; уничтожается народоправленіе; все стремится къ единообразію; преобразованіе обычая въ постановленіе, сознанія въ букву закона, перевѣсъ повинности надъ личною свободою, старѣйшинства надъ общинностью, стремленіе къ осѣдлости, установкѣ и покою.

Въ борьбѣ этихъ двухъ укладовъ русскаго быта: удѣльно-вѣчеваго и единодержавнаго — вся подноготная нашего стараго дѣеписанія. Начала единодержавія со всѣми исчисленными признаками не должно искать въ средней нашей исторіи; оно восходитъ до глубокой древности, до эпохи призванія князей. Уже существованіе княжескаго достоинства показываетъ зародышъ единодержавія. Въ XIV вѣкѣ, утвердившись на московской почвѣ, оно вступило въ открытую и упорную борьбу съ старымъ противникомъ,

истощеннымъ отъ внутреннихъ надрывовъ и устарѣвшимъ отъ лѣтъ и бѣдъ, шагъ за шагомъ брало надъ нимъ верхъ и торжествовало свой перевѣсъ освобожденіемъ страны отъ иноплеменнаго господства и созданіемъ монархическаго государства съ зачатками политическаго могущества. Побѣда достигла высшей степени при Іоаннѣ IV; но этотъ борецъ-побѣдитель, празднуя свое преобладаніе надъ врагомъ и кознями князей и бояръ, претендентовъ удѣльности, и бойнею въ Новѣгородѣ, еще вспоминавшемъ о своемъ вѣчѣ, въ то же время подавалъ избитому, истерзанному врагу руку на мировую учрежденіемъ общинныхъ властей, самоуправою посадовъ и уѣздовъ, созваніемъ земской думы, повидимому вступавшей въ права всѣхъ вѣчъ вмѣстѣ, уже не для какого-нибудь города или земли, а для цѣлой русской державы, и наконецъ своимъ духовнымъ завѣщаніемъ, гдѣ онъ сыну Θедору давалъ независимый удѣлъ. Хорошо, что у Іоанна остался только одинъ сынъ: еслибъ ихъ было нѣсколько, у насъ бы воскресла удѣльность. Оживающій врагъ избралъ тогда на югѣ Россіи уголокъ, гдѣ могъ, оправившись, не только давать отпоръ своему торжествующему сопернику, но и вторгаться въ завоеванные имъ предѣлы. Старое удѣльно-вѣчевое начало Руси облеклось теперь въ новый образъ — то было казачество. Въ лицѣ Ермака оно показало Грозному,

чего можно ожидать отъ него. Между-тѣмъ, по смерти Грознаго, явился въ Москвѣ новый борецъ единодержавія — Борисъ Годуновъ. Онъ нанесъ старому врагу новыя раны введеніемъ кабаковъ и крѣпостнаго права. За-то и старый врагъ отмстилъ этому борцу: онъ ниспровергъ его тронъ, ворвавшись въ Россію въ образѣ казачества, покрылъ ее развалинами и кровью, повелъ Русь до ограниченнаго избранія Владислава, до соединенія съ Польшею, до полугодичнаго правленія посредствомъ земскаго собора... Далѣе идти онъ не могъ: у него не хватало силъ, когда дѣло шло объ устойкѣ на зовоеванномъ полѣ; единодержавіе опять взяло надъ нимъ верхъ избраніемъ Михаила Ѳедоровича, но принуждено было купить свое торжество значительными уступками старому врагу, который показывалъ громко, что онъ еще не при послѣднемъ издыханіи, а долженъ признать себя побѣжденнымъ только отъ неумѣнья продолжать войну. Вражда между ними, однако, была на-смерть и не могла окончиться какими-нибудь взаимными уступками. Едва торжествующая теперь сторона укрѣпилась, какъ тотчасъ же начала уничтожать всѣ уступки, данныя во время тяжкой битвы; она вытѣсняла вліяніе противника и усиленіемъ власти воеводъ, и составленіемъ уложенія, и строжайшимъ укрѣпленіемъ крестьянъ, и образованіемъ регулярнаго войска. Старый врагъ, между-тѣмъ, казалось,

болѣе-и-болѣе молодѣлъ въ своей казацкой одеждѣ. Нѣсколько разъ соперники подавали другъ другу руку, сохраняя въ душѣ злобу, бросали одинъ другому ласковыя увѣренія, думая, ка́къ бы уничтожить одинъ другаго съ корнемъ и съ заводомъ; наконецъ, улучивъ удобное время, побѣжденный столько разъ старикъ отважился на открытый бой. Сталъ у него борецъ Стенька Разинъ.

II.

Казачество возникло тогда, когда удѣльная стихія падала подъ торжествомъ единодержавія; оно было противодѣйствіемъ стараго новому. Ряды казачества наполнялись невольными новымъ составомъ, тѣми, кто не уживался въ обществѣ, для кого не по натурѣ были его узы. Русскій міръ былъ уже раздѣленъ на два государства — Москву и Литву; въ обѣихъ половинахъ явилось казачество. Тогда-какъ въ Южной Руси заложилось славное Запорожье и разлило изъ себя духъ казачества по всей Украинѣ, одинакія событія произвели наплывъ народа съ сѣвера на Донъ. Украина подала помощь этому обществу и населяла берега Дона своими дѣтьми. Ка́къ ни темна первая исторія донскаго казачества, но что молороссійская народность участвовала въ его закладкѣ и воспитаніи, это, лучше всякихъ исто-

рическихъ памятниковъ, доказываетъ нынѣшній языкъ донскихъ казаковъ: среднее нарѣчіе между малороссійскимъ и великорусскимъ языками. Отсюда казачество охватило берега Волги, Терека, Яика и проникло въ далекую Сибирь.

До эпохи самозванцевъ, казачество, повидимому, готовилось образовать отдѣльное общество въ русскихъ южныхъ краяхъ и хотѣло только укрыться съ своею независимостью отъ сѣвернаго единовластія; но, вмѣшавшись въ дѣла Московіи въ началѣ XVII вѣка, оно вошло въ неразрывную связь съ нею и уже не ограничивалось тѣмъ, чтобъ засѣсть съ своими началами въ южныхъ степяхъ, а стремилось распространить эти начала по всей русской землѣ.

Съ этого времени повсюду являются казаки. Правительство, желая установить это броженіе, допустило существованіе казачества внутри державы въ видѣ особаго военнаго сословія, наравнѣ съ стрѣльцами, пушкарями и воротниками. Оно употреблялось преимущественно тамъ, гдѣ нужно легкое наѣздническое военное дѣйствіе, въ особенности для передачи вѣстей отъ одного города до другаго и для конвоевъ. Другіе, которые въ смутныя времена начала XVII вѣка составляли казацкія шайки, были обращаемы въ тягловыя сословія, въ посадскіе, въ крестьяне, отдаваемы владѣльцамъ, отъ которыхъ убѣжали, — словомъ, возвращаемы къ тому гражданско-

му званію, въ какомъ были прежде и они сами и отцы ихъ. Отвѣдавъ вольницы временъ самозванцевъ, многіе уже не уживались на родинѣ, бѣгали, шатались, составляли шайки, называли себя казаками и передавали эти привычки слѣдующему за собою поколѣнію. Такимъ-образомъ казаки въ глазахъ правительства раздѣлялись на вѣрныхъ или признанныхъ властью, и воровскихъ, самозванныхъ казаковъ. Вольный тихій Донъ былъ центромъ казачества. Долго независимый, въ царствованіе Михаила Θедоровича онъ призналъ власть московскаго царя. Въ 1634 году казаки присягнули на вѣрность и обѣщались не нарушать порядка своими разбоями и нападеніями на сосѣдей [1]. Обѣщаніе сохранялось плохо. Казаки продолжали свои набѣги и своевольства, и на Дону постоянно было двѣ партіи въ-отношеніи русскаго правительства: вѣрные, хотѣвшіе согласить свою вольность съ повиновеніемъ верховной московской власти, и воровскіе, которые хотѣли дѣйствовать свободно и считали Донъ независимымъ и самоуправнымъ. Число воровскихъ было значительнѣе, потому-что малѣйшее неудовольствіе обращало въ ихъ ряды и тѣхъ, которые, при другихъ обстоятельствахъ, были вѣрными.

Первые годы царствованія Михаила Θедоровича

---

[1] «Времен. И. М. О. Ист. и Др.», IV. Смѣсь. 54.

были заняты борьбою съ воровскими казаками, какъ назывались шайки бродягъ, нехотѣвшія повиноваться властямъ. Ужасны были эти люди. Въ 1615 году, разсыпавшись по всей московской Руси, и въ-особенности около Волги, близъ Углича, Кинешмы у Пошехонья, около Новгорода, въ Сѣверской Землѣ и украинныхъ городахъ, они грабили города и села и дѣлали надъ народомъ безчеловѣчныя истязанія. Ихъ ожесточеніе, при обычной тогдашней грубости нравовъ, становится понятнѣе, когда примемъ во вниманіе, что эти шайки были составлены изъ людей, оставившихъ свои прежнія повинности и теперь возвращаемыхъ къ нимъ снова насильно. Не желаніе каго-нибудь новаго порядка вещей увлекало эти толпы и внушало имъ ненависть къ прежнему житью, а охота шататься и быть тамъ, гдѣ показалось. Иной былъ прежде монастырскій, а жилъ теперь въ дворянскомъ имѣніи — его отъискивали и возвращали въ монастырское ([2]). Другой былъ холопъ, убѣжалъ отъ своего господина и отдался иному господину въ холопи, а его хотѣли воротить къ прежнему ([3]). Имъ хотѣлось свободно переходить отъ одного существующаго положенія къ другому существующему; новаго, своеобразнаго они не могли выдумать кромѣ ка-

([2]) «Акты Арх. экспед.», 82. 303.
([3]) Улож. гл. XX, § 56.

зацкаго, которое, съ извѣстной точки зрѣнія, было то же, что̀ разбойничье. Въ первые годы Михаила Ѳедоровича, князь Лыковъ разбивалъ такія шайки нѣсколько разъ: подъ Балахною, подъ Симовымъ монастыремъ, куда онѣ пришли какъ-будто съ повинною, а въ-самомъ-дѣлѣ для буйства; потомъ на рѣкѣ Калужѣ, гдѣ былъ повѣшенъ знаменитый атаманъ Боловня, и откуда множество его товарищей отправлено въ тюрьму. Преслѣдуемые и поражаемые, одни сдавались на милость превительства, а другіе удалялись изъ жилыхъ мѣстъ въ низовья Волги, и одна изъ такихъ шаекъ, подъ начальствомъ Калбака, установилась близь Каспійскаго моря и наносила страхъ плава̀вшимъ по немъ судамъ.

На берегахъ Волги существовало тогда казачество какъ отдѣльное общество. Исторія его неизвѣстна. Мы знаемъ о существованіи волжскихъ казаковъ въ смутныя времена: они поддерживали Заруцкаго. Во время войны поляковъ съ турками подъ Хотиномъ, когда запорожцы оказали столь дѣятельное участіе, пришло двадцать тысячъ волжскихъ казаковъ на помощь христіанамъ противъ нѣверныхъ. Они явились поздно, когда было дѣло уже кончено, но ихъ намѣреніе не осталось безъ награды (4). Королевичъ Владиславъ отпустилъ ихъ съ подарками. Это извѣстіе, пе-

(4) «Лѣтоп. Сам. Величка», 1 прилож. стр. 24.

редававаемое южнорусскими лѣтописцами, важно: открывая значительность народонаселенія въ волжскомъ краѣ, оно указываетъ на связь, существовавшую между всѣми вообще казаками; когда малороссійскіе казаки пошли помогать Польшѣ, сочувствіе къ дѣлу отозвалось въ такомъ отдаленномъ краю, какъ низовые берега Волги. Когда Олеарій плылъ по Волгѣ съ голштинскимъ посольствомъ, по берегамъ Волги, отъ устья Камы внизъ, блуждали казаки и были страхомъ для пловцовъ, потому-что нападали на суда. Впрочемъ, то́ были не одни жившіе по Волгѣ: тамъ шатались для разбоевъ и съ Дона, и съ Яика, и со всѣхъ странъ русскаго міра. Волга, главный торговый путь, привлекала ихъ удальство. Въ 1621 году они ограбили караванъ судовъ, и это подало поводъ къ основанію города Чернаго Яра. Въ 1654 году казаки напали на нижнеяицкій учугъ, принадлежавшій гостю Гурьеву, разорили его и перманили въ свои ряды рабочихъ ([5]): въ простонародіи было къ нимъ сочувствіе. Волга, на всемъ ея неизмѣримомъ протяженіи, была поприщемъ воровскихъ казаковъ. Ихъ дѣянія воспѣвались въ пѣсняхъ; къ нимъ относятся разнообразныя преданія; ихъ образъ въ народномъ воображеніи сохраняется съ марами (курганами) и городищами, усѣвающими при-

---

([5]) Доп. V, 225.

воложскія степи. Воровскіе казаки не были въ глазахъ простонародья простыми разбойниками, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; правда, они нападали на суда, на людей, грабили ихъ, убивали, но, по обширному кругу, въ которомъ хотѣла выразиться ихъ дѣятельность, названіе разбойниковъ для нихъ недостаточно. Сами они говорятъ въ своихъ пѣсняхъ: «мы не воры, не разбойники — мы удалые добры молодцы». Это были люди, выскочившіе изъ круга гражданскаго быта, невошедшіе въ другой и несознававшіе опредѣленной цѣли. Народъ сочувствовалъ удалымъ молодцамъ, хотя часто терпѣлъ отъ нихъ; самыя поэтическія великорусскія пѣсни — тѣ, гдѣ воспѣваются ихъ подвиги; въ воображеніи народномъ удалый добрый молодецъ остался идеаломъ силы и мужской красоты, какъ герой Греціи, рыцарь запада, юнакъ Сербіи. Слово «удалый молодецъ» значило у насъ героя, а между-тѣмъ оно смѣшалось съ значеніемъ разбойниковъ.

И такъ, въ половинѣ XVII вѣка казачество охватывало болѣе чѣмъ пол-Руси, а народное недовольство гражданскимъ порядкомъ давало ему пищу и силы: въ казачествѣ воскресали старыя, полуугасшія стихіи вѣчевой вольницы: въ немъ старорусскій міръ оканчивалъ свою борьбу съ единодержавіемъ. Когда власть хотѣла подчинить казаковъ порядку и закону, воровское казачество хотѣло разлить по всей Руси про-

тиводѣйствіе ей. Уже для него было недовольно укрываться въ отдаленіи степей: оно хотѣло поглотить весь русскій народъ. Но, само-по-себѣ, оно было не новымъ началомъ жизни, а старымъ: запоздалымъ, отцвѣтшимъ; оно было страшно на столько, чтобъ задержать русскій народъ, сбить его на-время на старую дорогу, но безсильно и безсмысленно, чтобъ проложить ему новый путь. Удѣльно-вѣчевая вольница встрепенулась, размашисто заколыхала дебелыми мышцами; но умственная сторона ея существа давно уже подверглась старческому разложенію. Она не могла произвести ничего, кромѣ эпохи Стеньки Разина — кровавой, громкой, блестящей, приведшей въ ужасъ и ожиданіе, по словамъ современника, нетолько Московское Государство, но всю Европу (6), и безплодной, какъ матеоръ, много-обѣщающій не знакомому съ тайнами природы и никогда неисполняющій этого обѣщанія.

III.

Весь порядокъ тогдашней Руси, управленіе, отношеніе сословій, права ихъ, финансовый бытъ — все давало казачеству пищу въ движеніи народнаго

---

(6) Stenko Razinus cosacus Donicus perduełlis praeside Conrado Samuele Schurzfleishio. 13.

недовольства, и вся половина XVII вѣка была приготовленіемъ эпохи Стеньки Разина.

Устройство отношеній между землевладѣльцами и работниками, и между господами и слугами было въ числѣ причинъ, способствовавшихъ успѣхамъ возмущенія. До 1592 года крестьяне были люди вольные и по праву, въ опредѣленный годичный срокъ, переходили съ земли одного господина на землю другаго. Въ этотъ годъ, какъ должно думать, судя по смыслу другихъ, позднѣйшихъ указовъ, Борисъ укрѣпилъ ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они тогда жили. Строгость этой мѣры была ослаблена послѣдующими распоряженіями самаго Бориса. Въ 1597 году изданъ указъ, предоставлявшій владѣльцамъ право отъискивать своихъ крестьянъ только тогда, когда они убѣжали отъ нихъ не ранѣе пяти лѣтъ ([1]). По указамъ 1601 и 1602 годовъ, прикрѣпленіе крестьянъ къ землямъ удержалось только въ имѣніяхъ патріаршихъ, митрополичьихъ, владычнихъ, монастырскихъ, бояръ, дьяковъ и большихъ дворянъ и приказныхъ людей, а въ имѣніяхъ дѣтей боярскихъ, жильцовъ, иноземцовъ, дворовыхъ царскихъ людей, подьячихъ всѣхъ приказовъ, стрѣлецкихъ, сотенныхъ и казачьихъ головъ, у переводчиковъ и толмачей посольскаго приказа, патріаршихъ и властелинскихъ приказныхъ лю-

---

([1]) «Истор. смут. врем.», 1 прилож. 1.

дей оставленъ вольный переходъ крестьянамъ (2). Ясно, что это постановленіе, составлявшее свободу крестьянъ у мелкихъ, незначительныхъ владѣльцевъ и дѣлавшее ихъ крѣпкими въ имѣніяхъ знатныхъ и большихъ господъ, клонилось не къ прекращенію шатаній, какъ обыкновенно думаютъ, а къ тому, чтобъ угодить сильнымъ, на которыхъ опереться искала власть Бориса, начинавшаго собою новую династію. Съ-тѣхъ-поръ, бояре и вообще господа постоянно старались о сохраненіи и дальнѣйшемъ утвержденіи такого гражданскаго порядка. При избраніи Владислава, бояре, распоряжаясь дѣлами государства, выговаривали впередъ условіе, *чтобъ на Руси промежъ себя крестіяномъ выходу не быти* (3). Въ смутное время крестьяне всѣхъ вѣдомствъ наполняли толпы казаковъ, или переходили отъ однаго владѣльца къ другому, обманывая всѣхъ равно. По возстановленіи порядка, бояре, имѣвшіе сильное вліяніе на дѣла государства, при непрочности новой власти, поспѣшили сохранить законъ Бориса и постановили обращать бѣглецовъ на прежнія мѣста жительства и вообще оставить тотъ порядокъ дѣлъ, какой введенъ Борисомъ при Ѳедорѣ Іанновичѣ. Съ тѣхъ-поръ крѣпостное право становилось тверже-и-твер-

(2) «А. А. Э.», II, 75. «Ист. см. врем.», 1 прилож. 1.
(3) «Истор. смутн. врем.», 1 прилож. 97.

же. Сначала срокъ для нахожденія бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ и возвращенія ихъ на прежнее мѣсто положенъ пятилѣтній, но въ 1637 году онъ продолженъ на девять лѣтъ, въ 1641 году на десять лѣтъ. Ограниченіе права возврата крестьянъ годами удерживало отчасти старый порядокъ дѣлъ, какой былъ до 1592 года, потому-что крестьяне уходили отъ однаго владѣльца къ другому и выжидали исхода срочныхъ лѣтъ, чтобъ потомъ быть безопаснымъ отъ притязанія прежняго господина. Въ 1645 году [4] дворяне и дѣти боярскіе жаловались, что въ то время, когда они находились въ военной службѣ, крестьяне ихъ уходили къ инымъ владѣльцамъ и особенно къ боярамъ, окольничимъ и въ монастырскія имѣнія. Это понятно, потому-что у богатыхъ владѣльцевъ, имѣвшихъ больше средствъ, крестьяне подвергались меньшимъ повинностямъ, чѣмъ у бѣдныхъ. Бѣднымъ тяжело было судиться съ богатыми. Такимъ образомъ большія села увеличивались, а мелкія деревушки пустѣли. Въ 1647 году постановлено не возвращать бѣглыхъ, только въ такомъ случаѣ, если они прожили внѣ мѣстъ, гдѣ записаны, болѣе пятнадцати лѣтъ [5]. Въ 1649 году уничтоженъ срокъ для поимки бѣглыхъ [6]. Уложеніе окончительно сдѣлало крестьянъ

---

[4] «Акты Арх. Эксп.» IV, 24.
[5] «Допол. къ акт. истор.» III, 116.
[6] «Акт. истор.» IV, 17.

крѣпкими землѣ (7). Оно не только прекратило сроки, не только установило твердое правило на будущее время, что *никому за себя крестьянъ не принимать*, но еще обратило его и на прежніе годы. Такимъ-образомъ, руководствуясь писцовыми книгами, составленными послѣ пожара 1625 года, и всѣхъ крестьянъ, записанныхъ передъ тѣмъ въ писцовыхъ книгахъ, вѣлено отдавать съ ихъ семействами безъ урочныхъ лѣтъ прежнимъ владѣльцамъ, за которыми они числились. Крестьянство распространилось не только на тѣхъ, которые значились въ писцовыхъ книгахъ, какъ хозяева, но и на ихъ дѣтей, родственниковъ (8), которые жили съ ними не въ раздѣлѣ и до того времени считались гулящими людьми.

Званіе крестьянина было отлично отъ званія холопа; но мало-по-малу значеніе ихъ сливалось, и во второй половинѣ XVII вѣка различіе между ними состояло не столько въ ихъ правахъ, сколько въ способахъ пріобрѣтенія господиномъ правъ своихъ. Холопами въ обширномъ смыслѣ назывались всѣ тѣ, которые были обязаны какою-нибудь службою другому лицу. Въ этомъ отношеніи и бояре и князья писались царскими холопами. Въ тѣсномъ смыслѣ холопами, или людьми, назывались вообще рабы: или

---

(7) Улож. гл. XI, § 3.
(8) Улож. гл. XI, § 28, ibid. § 1.

плѣнные, или вошедшіе въ это званіе по долговымъ обязательствамъ, или родившіеся отъ рабовъ. Въ Руси издавна было въ обычаи отдавать себя въ залогъ за занятыя деньги, или продавать за извѣстную сумму. Иные продавали себя съ дѣтьми и со всѣмъ потомствомъ и давали на себя вѣчную кабалу по записямъ. Тогдашнія понятія считали справедливымъ предоставить отцу право распоряжаться судьбою тѣхъ существъ, которыя онъ произвелъ на свѣтъ. Иные же продавали себя на срокъ и давали записи, называемыя закладною кабалою. Сверхъ-того, люди отдавались въ холопство заимодавцамъ по суду, когда они не могли заплатить суммы, слѣдуемой имъ. Кабала служила владѣльцу для предъявленія его правъ на раба. Въ 1597 году установлено, чтобъ всякъ, кто служилъ у хозяина безъ всякой кабалы полгода, дѣлался полнымъ его холопомъ или человѣкомъ (9). Большія злоупотребленія были послѣдствіемъ этого закона. Вольные люди, жившіе въ услуженіи, бѣгали отъ господъ, когда господа по такому закону хотѣли закабалить ихъ себѣ въ вѣчное рабство; богатые обманомъ и насиліемъ порабощали бѣдняка; другіе господа сами ссылали отъ себя слугъ, съ тѣмъ, чтобъ придраться къ тѣмъ, къ кому они пристанутъ. И, въ-самомъ-дѣлѣ, когда слуги для пропитанія на-

(9) «Ист. Госуд. Рос.» X.

ходили себѣ пріютъ у иныхъ господъ, прежніе ихъ господа грозили послѣднимъ судомъ, вымогали не только возврата слугъ, но еще и мнимыхъ убытковъ и пени за передержку. При самозванцѣ этотъ стѣснительный законъ уничтоженъ: попрежнему было постановлено считать холопомъ только того, кто давалъ на себя письменный актъ; искъ господина на холопа приносился не голословно, а на основаніи предъявленной кабалы ([10]). При Шуйскомъ принято правиломъ считать холопомъ только по письменныхъ актамъ; но тотъ, кто служилъ болѣе пяти лѣтъ у господина безкабально, дѣлался его вѣчнымъ холопомъ и безъ акта ([11]). Въ смутное время множество холоповъ разбѣжалось и пошло въ казаки; съ возстановленіемъ власти правительство сначало хотѣло и холоповъ, какъ другія сословія, обратить къ прежнимъ обязанностямъ, но должно было сдѣлать уступку, дозволивъ тѣмъ, которые пошли въ казаки, оставаться въ казачествѣ ([12]). Иногда являлось стремленіе ограничить холопство, по-крайней-мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ государства; такъ, напримѣръ, въ одной грамматѣ 1646 года уфимскому воеводѣ приказано наблюдать, чтобъ никто не отдавалъ себя въ

([10]) «Ист. Госуд. Рос.» X, прим. 39.
([11]) «Акт. истор.» II, 117.
([12]) «Акт. истор.» III, 90.

въ залогъ по крѣпостямъ: на эти мѣры правительство вынуждалось потому, что многіе тяглые и ясачные шли въ холопы и уклонялись отъ государственныхъ повинностей ([13]). Также въ 1665 году въ поволжскихъ областяхъ запрещалось отдаваться въ кабалу и принимать въ залогъ людей ([14]). Въ царствованіе Михаила и Алексѣя постоянно и всюду тяглыхъ и дворцовыхъ возвращали на свои мѣста, и всякая сдѣлка, заключенная ими объ отдачѣ себя въ холопство, уничтожалась. По «Уложенію», полнымъ холопомъ назывался тотъ, кто отдавался въ рабство навсегда; дѣти, рожденныя уже въ рабскомъ состояніи, дѣлались также собственностью господина ([15]). Иное дѣло кабальные холопы, то-есть обязанные служить временно по взаимному условію, или присужденные въ холопство за долги до отработки долга ([16]): вообще наблюдалось правиломъ, чтобъ кабальные дѣлались свободны по смерти господина ([17]). Хотя ходопство зависѣло отъ даннаго на себя письменнаго акта, но если человѣкъ служилъ у господина три мѣсяца безкабально, то безъ всякаго акта господинъ имѣлъ законное право требовать его

([13]) «Акт. истор.» III, 371.
([14]) «Акт. истор.» IV, 346.
([15]) Улож. XX, § 61.
([16]) Улож. XX, § 45.
([17]) Улож. XX, § 18.

закрѣпленія ([18]). Это простиралось и на потомство холопа; если холопъ былъ кабальный и закабалилъ себя на срокъ, а его дѣти безкабально служили тому же господину, на этомъ одномъ основаніи господинъ имѣлъ право требовать закрѣпленія дѣтей, и они дѣлались его рабами, хотя бы отецъ ихъ и они сами этому противились ([19]). Тѣмъ не менѣе, тотъ же человѣкъ, если онъ служилъ у господина и гораздо-большій срокъ безкабально, не дѣлался по этому одному холопомъ, если господинъ того не требовалъ ([20]). Въ началѣ XVII вѣка всѣ имѣли право держать полныхъ холоповъ ([21]). Но послѣ уложенія ([22]) это право не давалось священнослужителямъ и церковнослужителямъ (исключая протопоповъ), боярскимъ людямъ, а также и посадскимъ ([23]). Послѣдніе могли брать кабалы не болѣе, какъ на пять лѣтъ ([24]).

Осталось много свидѣтельствъ, что холопы и крестьяне, по смыслу права, различались между собою ([25]). Крестьяне отдавали себя въ кабалу госпо-

---

([18]) Ibid. § 16.
([19]) Ibid. § 30.
([20]) Ibid. § 18.
([21]) «Акт. истор.» II, 57.
([22]) Улож. гл. XX, § 104.
([23]) Котоших. 89.
([24]) Тамъ же, 95.
([25]) «Акт. Арх. Экспед.» III, 303.

дамъ своимъ, которые иногда и неволили ихъ къ тому (26). «Уложеніе» (27) запрещаетъ господамъ брать кабалы на своихъ крестьянъ. Когда бывали такіе случаи, то, значитъ, положеніе холоповъ было иное, чѣмъ крестьянъ, и правительство не хотѣло смѣшивать эти сословія. Въ 1646 г., при переписи, велѣно строго отличать крестьянскіе дворы отъ людскихъ (28). Многіе добровольно отдавались за денежную ссуду въ крестьяне, на подобіе того, какъ отдавались въ холопы, и давали на себя записи; но такая запись отличалась отъ кабальной (29); тогда-какъ актъ о холопствѣ предъявлялся въ холопьемъ приказѣ, вольный человѣкъ, желавшій отдаться въ крестьяне, приводился въ помѣстный приказъ (30). Владѣлецъ не могъ переводить своихъ крестьянъ изъ помѣстій въ отчины (31). Владѣльческіе крестьяне имѣли право покупать и продавать по актамъ свои недвижимыя имущества; изъ купчихъ на такой предметъ не видно, чтобъ право частнаго владѣнія крестьянъ юридически зависѣло отъ ихъ господъ (32).

---

(26) «Акт. истор.» II, 96.
(27) Гл. XX, § 113.
(28) «Акт. Арх. Экспед.» IV, 25.
(29) «Оп. гор. Шуи», 405.
(30) «Акт. Арх. Эксп.» IV, 26.
(31) Улож. гл. XI, § 30.
(32) «Оп. гор. Шуи», 307.

Обязанности крестьянъ опредѣлялись вытями, записанными въ писцовыхъ книгахъ, то-есть участками земли, съ которыхъ они должны были работать господину и платить хлѣбный и денежный оброкъ; эти выти относились только къ хозяевамъ; до «Уложенія», дѣти, братья, племянники и подсосѣдники, жившіе съ хозяиномъ нераздѣльно, были люди гулящіе (33), и могли измѣнять образъ жизни, вѣроятно при условіяхъ, теперь еще не вполнѣ разъясненныхъ наукою. Все это показываетъ, что крестьяне составляли отдѣльное сословіе отъ холоповъ.

Но крестьянинъ, какъ и холопъ, былъ преданъ произволу владѣльца. Мы не знаемъ никакихъ обезпеченій, которыя бы ограждали какъ того, такъ и другаго отъ этаго произвола. Только въ монастырскихъ имѣніяхъ являются слѣды такого обезпеченія; напримѣръ, нѣкоторые монастыри не могли облагать своихъ крестьянъ болѣе положеннаго, а должны были испрашивать особеннаго позволенія челобитными, если предстояла надобность умножить поборы или увеличить повинности (34). Что же касается до частныхъ, такъ-называемыхъ въ обширномъ смыслѣ, по языку того времени, боярскихъ, также архіерейскихъ имѣній, то, хотя Котошихинъ и говоритъ, что за не-

(33) «Акт. Арх. Эксп.» III, 32.
(34) «Акт. гор. Шуи», 192.

правильное наложеніе поборовъ, по возникшему челобитью, отбиралось имѣніе ([35]), но такіе случаи были дѣломъ произвола власти, а не закона; въ грамматахъ на владѣнія обыкновенно говорилось, что крестьяне обязаны слушать господъ своихъ во всемъ; пахать на нихъ пашню и платить оброкъ, чѣмъ господинъ изоброчитъ, и не видно ни правилъ, которыя бы ограничивали въ этомъ случаѣ произвольное управленіе владѣльца, ни законовъ, которые бы стояли на стражѣ за крестьянъ. Подобный произволъ существовалъ даже и до прикрѣпленія крестьянъ, какъ видно изъ грамматъ тогдашняго времени ([36]). Послѣ «Уложенія», въ купчихъ крѣпостяхъ владѣлецъ продавалъ своихъ крестьянъ съ женами и дѣтьми, и съ племянниками и со всѣми ихъ крестьянскими животами (имуществомъ).

Въ записяхъ на крестьянство писалось, что отдающій себя въ крестьянское званіе дозволялъ продать себя и заложить. Изъ актовъ второй половины XVII вѣка видно, что владѣльцы вотчинныхъ крестьянъ своихъ, наравнѣ съ людьми, отдавали дочерямъ въ приданое безъ земли ([37]). Если владѣльцу запрещалось переводить своихъ крестьянъ изъ помѣстья

([35]) Котоших. 119.
([36]) «Акт. отн. къ юрид. быту» 74. Допол VI, 80.
([37]) «Акт. отн. къ юрид. быту» 415, 602, 483.

въ вотчину, то это установлено не для огражденія крестьянъ, а для соблюденія государственныхъ интересовъ, чтобъ помѣстья, которыя собственно были имѣнія государственныя, только данныя временно въ пользованіе помѣщику, не лишались народонаселенія; за-то инымъ способомъ владѣлецъ могъ передвигать своихъ крестьянъ ка́къ угодно. Такимъ образомъ, хотя выше показано, что существовало различіе между холопами и крестьянами, но, по ихъ положенію, несравненно-болѣе между ними сходства. Какъ тѣ, такъ и другіе не были ограждены отъ произвола господъ.

Если крестьянину, какъ вообще въ то время всѣмъ на своихъ властей, дозволялось на владѣльцевъ приносить жалобы, то на дѣлѣ всегда скорѣе могъ быть оправданъ владѣлецъ, чѣмъ крестьянинъ. Уже въ царствованіе Θеодора Іоанновича Флетчеръ замѣтилъ, что дворянинъ, убившій крестьянина, особенно собственнаго, рѣдко отвѣчаетъ ([38]). Это происходило нетолько отъ злоупотребленія судей: самые законы не давали никакого ручательства подвластнымъ въ ихъ тяжбахъ съ господами. При царѣ Θедорѣ Іоанновичѣ бояре приговорили: если господа будутъ представлять къ суду своихъ крестьянъ и обвинять ихъ въ преступленіяхъ, крестьянъ подвергать пыт-

([38]) Стр. 51, изд. 1591 г.

камъ не по обыску, какъ дѣлалось съ лицами другихъ сословій, а по одному слову владѣльцевъ. Этотъ законъ наблюдался и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ ([39]). Подобно тому-же, по «Уложенію», холопъ, котораго господинъ не кормилъ, могъ явиться въ холопій приказъ и требовать свободы, но получалъ ее тогда, когда жалоба его оказывалась справедливою; а она признавалась справедливою только въ такомъ случаѣ, если господинъ сознавался въ томъ, и, напротивъ, одного отрицательнаго слова было достаточно, чтобъ опровергнуть жалобу холопа ([40]). Въ случаѣ, если владѣлецъ убьетъ въ дракѣ крестьянина другаго владѣльца, послѣдній бралъ изъ имѣнія убійцы лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми вовсе безъ спроса о желаніи послѣднихъ идти къ другому господину ([41]); слѣдовательно, въ этомъ отношеніи законодательство смотрѣло на крестьянина совершенно какъ на собственность. Владѣлецъ бралъ за убитаго своего крестьянина другаго такого-жь, почти такъ же, какъ-бы имѣлъ право взять за убитаго быка другую такую же скотину. Дворянинъ, или сынъ боярскій, могъ, вмѣсто того, чтобъ самому подвергаться правежу, посылать на истязаніе сво-

---

([39]) «Акт. истор.» III, 247.
([40]) Гл. XX, § 41, 42.
([41]) «Акт. истор.» III, 303. Улож. гл. XXI, § 71.

ихъ людей ([42]). Въ случаѣ, если дворянинъ, или сынъ боярскій, медлилъ явиться въ срокъ на службу, брали его людей и крестьянъ и держали въ тюрьмѣ, пока господинъ явится ([43]). Когда, по случаю непріятельскаго вторженія, загоняли людей въ осаду въ городъ, и какая-нибудь помѣщица не слушалась и не являлась, вмѣсто нея наказывали ея людей и крестьянъ. Самъ господинъ имѣлъ возможность наказывать ка́къ хотѣлъ своего подвластнаго. Безъ всякаго суда и слѣдствія виновнаго призывали; онъ самъ скидалъ съ себѣ платье и ложился на брюхо; двое садились ему на голову, двое на ноги и били прутьями иногда до того, что у него разсѣдалась кожа ([44]). Наконецъ тягость крѣпостнаго состоянія увеличивалась еще тѣмъ, что иногда сами люди и крестьяне, по приказанію своего господина, нападали на людей и крестьянъ другаго, бывшаго съ нимъ во враждѣ, и такимъ образомъ, изъ угожденія къ своимъ господамъ, люди и крестьяне били и грабили другъ друга ([45]). Много было причинъ къ побѣгамъ...

Неудовлетворительное состояніе владѣльческихъ людей и крестьянъ не было, однако, несноснѣе состоянія посадскихъ и черныхъ волостей; послѣднее

([42]) «Акт. истор.» III, 307.
([43]) «П. С. З.» I, 507.
([44]) Olear. 273.
([45]) «Акт. гор. Шуи» 51.

бывало нерѣдко тяжеле, и оттого тяглые бѣгали изъ своихъ общинъ и отдавались въ крестьяне и холопы частнымъ владѣльцамъ ([46]), а правительство постоянно возвращало ихъ на свои мѣста ([47]). Посады и черносошныя села были обременены безчисленными повинностями. Они платили царскую дань, полоняночныя деньги (для выкупа плѣнныхъ), четвертныя, пищальныя; отбывали множество повинностей или натурою, или давали за то деньги—напримѣръ, возили къ селитрянымъ заводамъ дрова или золу, или платили ямчужныя, участвовали въ постройкѣ городовъ по *развытью*, то-есть по назначенію для каждаго посада или волости столько и столько сдѣлать городской стѣны или насыпать вала, или же платили за то городовыя; ставили на ямы охотниковъ и давали имъ содержаніе, или платили ямскія, доставляли цаловальниковъ и сторожей къ тюрьмамъ и давали имъ подможныя деньги на содержаніе; выбирали цаловальниковъ къ разнымъ казеннымъ дѣламъ и давали тоже подможныя; мостили мосты по дорогамъ; давали подможныя разнымъ мастерамъ, выбираемымъ изъ нихъ же; давали натурою или деньгами стрѣлецкій хлѣбъ и обязаны были возить

([46]) «Акт. Арх. Эксп.» III, 144—145.

([47]) «Акт. Арх. Эксп.» II, 103, IV, 47. «Собр. госуд. грам.» 209.

его къ мѣсту назначенія; возили царскихъ гонцовъ и всякихъ служилыхъ людей; строили дворы воеводамъ; давали деньги въ приказную избу на свѣчи, бумагу и чернила; во время войны поставляли даточныхъ людей въ войско и содержали ихъ; нерѣдко, при какихъ-нибудь казенныхъ постройкахъ, должны были отправлять рабочихъ, отрывая ихъ отъ обычныхъ промышленныхъ и земледѣльческихъ занятій, и кормить ихъ. Сверхъ-того, всѣ ихъ промыслы и занятія были обложены множествомъ разнообразныхъ пошлинъ ([48]). Общинное устройство, по которому все это требовалось не съ каждаго лица, а съ цѣлой общины, увеличивало тягость повинностей. Всѣ повинности и поборы отправлялись по сохамъ. Сохи были составляемы по писцовымъ книгамъ и отъ одной переписи до другой оставались по закону въ томъ видѣ, въ какомъ составлены, тогда-какъ на самомъ дѣлѣ уклонялись отъ перваго вида, такъ-что число дворовъ и людей то умножалось, то уменьшалось, а единица сохи оставалась въ томъ же видѣ, и повинности взимались однѣ и тѣ же. Правительство знать не хотѣло, сколько отбываетъ каждый членъ общины въ особенности, а предоставляло развытье (раскладку) цѣлымъ общинамъ. Въ

([48]) «Акт. истор.» III, 51. 180, 41. 119; V. 76. Доп. III, 122, IV, 55. «Русск. Вѣстн.», 1840 г. 6—65.

иныхъ мѣстахъ общины пустѣли отъ побѣговъ или перехода ихъ членовъ , въ другихъ увеличивались отъ прилива народонаселенія; въ однѣхъ, по разнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ , средства къ благосостоянію умножались, къ другихъ истощались; а естественно, гдѣ число дворовъ было менѣе и гдѣ средства были недостаточнѣе, повинности становились тяжеле, чѣмъ тамъ , гдѣ дворовъ и средствъ было болѣе. Между тѣмъ за преступленія члена отвѣчала цѣлая община пенею ([49]). Неисполненіе тяжелыхъ повинностей наказывалось строго, и при этомъ часто не обращалось вниманія на причины ; напримѣръ, въ 1624 году за медленность въ сборѣ стрѣлецкаго хлѣба велѣно приводить виновныхъ въ города и передъ съѣзжею избою каждый день до вечера бить нещадно батогами, пока выправятъ съ нихъ хлѣбъ ([50]). Въ 1618 году бѣлозерскій воевода, получившій выговоръ за небреженіе къ собранію поборовъ съ посадскихъ людей , *правилъ нещадно и побивалъ на смерть :* посадскіе разбѣжались и самый городъ, лишенный народонаселенія въ посадѣ , подвергался опасностямъ ([51]). Управленіе, притомъ, было часто очень сложное; напримѣръ, какая-нибудь об-

---

([49]) Допол. V, 247, 316.
([50]) «Акт. истор.», III, 270.
([51]) «Акт. Арх. Эксп.» III, 131.

щина имѣла по грамматѣ право платить поборы исключительно въ какой нибудь приказъ, независимо отъ воеводъ, а между тѣмъ воеводы сбирали съ членовъ ея то же самое и за неисправность били ихъ на правежѣ ([52]). Отягощеніе сошныхъ крестьянъ въ XVII вѣкѣ было столь велико и сборы съ нихъ столь огромны, что они были принуждены занимать деньги за большіе проценты, разорялись до остатка и, спасаясь отъ правежей, разбѣгались ([53]). Нерѣдко способъ отправленія повинностей и злоупотребленія при этомъ были причинами побѣговъ ([54]). Напримѣръ, посылки царскихъ стряпчихъ для покупокъ и сборовъ разныхъ запасовъ сопровождались всегда обязанностями жителей давать имъ подводы даже и въ рабочую пору; эти посыльные брали насилно лишнихъ лошадей, сажали на подводы купцовъ, складывали ихъ товары, взявъ за то съ торговцевъ, разумѣется, дешевле, чѣмъ тѣ могли бы сторговаться съ крестьянами ([55]).

Злоупотребленія воеводъ и вообще служебныхъ лицъ и дурныя стороны правосудія увеличивали тягостное положеніе жителей. Воеводы посылались на

([52]) Допол. I, 125.
([53]) «Акт. истор.» III, 138, 360.
([54]) Допол. IV, 186.
([55]) Допол. V, 313.

кормленье ([56]), смотрѣли на свою должность, какъ на доходъ, и сами высказывали этотъ взглядъ въ своихъ челобитныхъ. Такъ, напримѣръ, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ просился на Бѣлоозеро князь Звенигородскій. Хотя на Бѣлоозерѣ былъ тогда воевода на мѣстѣ, но князь представлялъ, что этотъ воевода живетъ на воеводской должности уже другой годъ и имѣлъ возможность составить себѣ состояніе, а онъ, князь, задолжалъ и умираетъ съ голоду, и людишки его пропадаютъ на правежѣ ([57]). Воеводы—говоритъ одинъ путешественникъ ([58])—не пользуются ни любовью, ни уваженіемъ въ народѣ; каждый годъ прибываютъ они на воеводство вновь свѣжи и голодны, грабятъ и обираютъ народъ, не обращая вниманія

([56]) «Русская Бесѣда», по поводу спора съ г. Чичеринымъ, сильно возстала противъ такого взгляда и доказывала, что на кормленье должно смотрѣть только какъ на извѣстную форму вознагражденія воеводъ за труды, такъ-что, вмѣсто того, чтобъ получать жалованье отъ правительства, какъ дѣлается теперь, правительственныя лица получали извѣстные доходы съ дѣлъ, опредѣленные закономъ. Это такъ. Но, чтобъ оцѣнить какое бы то ни было учрежденіе и показать способъ и степень его вліянія на бытъ и положеніе народа, слѣдуетъ всегда смотрѣть на то, какъ оно прилагалось, а не на его идею.

([57]) «Врем.» IV. Матер. 40.

([58]) Fletch. 32.

ни на правосудіе, ни на совѣсть; а когда окончатъ свой срокъ, то ѣдутъ къ отчету и отдаютъ часть добычи тѣмъ, которые ихъ повѣряютъ въ четвертяхъ и приказахъ. Они грабили иногда совершенно поразбойничьи; напримѣръ, въ 1649 году въ Старорусскомъ Уѣздѣ воевода съ своими людьми ѣздилъ по волостямъ, подвергалъ крестьянъ разнымъ истязаніямъ и вымучивалъ у нихъ деньги: онъ учреждалъ пиры и звалъ къ себѣ подчиненныхъ; тѣ должны были подносить ему *поклонное*; а кто уклонялся, за тѣмъ онъ посылалъ приставовъ, какъ за подсудимымъ, и сажалъ въ тюрьму или осуждалъ на тяжелую работу, отъ которой надобно было откупаться ([59]). Наглость ихъ особенно была безмѣрна въ отдаленныхъ провинціяхъ, напримѣръ въ Сибири: тамъ воеводы отбирали у служилыхъ жалованье для себя и приказывали имъ расписываться въ полученіи его, а въ случаѣ сопротивленія, били ихъ. Въ 1649 году объ одномъ воеводѣ говорили, что онъ ходилъ постоянно съ батогомъ въ полтора аршина длиною и въ палецъ толщиною и билъ людей, кого только встрѣчалъ на улицѣ, приговаривая: я воевода такой-то — всѣхъ исподтиха выведу и на кого руку наложу, ему отъ меня свѣта не видать, и изъ тюрьмы не бывать ([60]). Суды, находясь въ рукахъ этихъ

([59]) Допол. III, 238.
([60]) Тамъ же, III, 216.

грабителей, до крайности были продажны. Они открыто продавали свои приговоры той изъ тяжущихся сторонъ, которая больше дастъ. Не было несправедливости, которая за деньги не могла бы остаться безъ наказанія ([61]). Начать дѣло значило давать взятки воеводѣ и приказнымъ людямъ, да, въ добавокъ, быть битому для того, чтобъ дать больше. «Дѣло не велико, да воевода крутъ — свилъ мочальный кнутъ» говоритъ пословица XVII вѣка ([62]). Въ русской администраціи сдѣлалось какъ-бы формальнымъ правиломъ, что воевода, пріѣзжая на воеводство, собиралъ людей, хулилъ прежнее управленіе и говорилъ, что теперь уже не будетъ такъ, какъ дѣлалось при прежнемъ воеводѣ; что теперь воцарится правосудіе и справедливость — и обыкновенно черезъ годъ эта новая, столь многообѣщавшая власть замѣнялась другою, которая, въ свою очередь, обличала ее, а себя выставляла на-показъ ([63]). Сила выборнаго управленія со старостами и цаловальниками въ XVII вѣкѣ упала; она подчинилась вліянію воеводъ и дьяковъ; тогда и выборные сами-по-себѣ были грабители не хуже воеводъ и дьяковъ. Выборы въ XVII вѣкѣ производились подъ вліяніемъ послѣднихъ, и притомъ

([61]) Мейерб. 165.
([62]) «Арх. ист. юрид. свѣд.» 57.
([63]) Допол. III, 390. IV, 154.

только богатыми членами общины. Разъ-выбранныхъ нельзя было смѣнить до срока, и случалось, что земскіе старосты, ста́кавшись съ воеводами и дьяками да съ товарищами ихъ, откупщиками, сбирали съ жителей разные поборы не по закону, а брали лишнее себѣ въ пользу и дѣлились съ приказнымъ людомъ ([64]). Иногда даже воеводамъ поручалось при сборахъ охранять народъ отъ выборныхъ представителей и отъ богатыхъ мужиковъ-горлановъ, какъ они называются въ актахъ ([65]). Такіе же грабители въ дворцовыхъ селахъ и слободахъ были прикащики. Напримѣръ, въ 1647 году въ селѣ Дуниловѣ, когда жители приносили прикащику свои оброчныя деньги, онъ ихъ не бралъ, но требовалъ *взъемковъ и слуповъ,* билъ на правежѣ, сажалъ въ подполье, а зимою въ одной рубахѣ запиралъ въ холодную повалушу. Онъ бралъ поборы холстомъ, сукнами, отдавалъ насильно замужъ крестьянскихъ дѣвушекъ и проч. ([66]). Отъ всѣхъ такихъ злоупотребленій жители разбѣгались; пустѣли цѣлые посады и большія села. «Удивительно (замѣчаетъ иностранецъ) ([67]) ка́къ люди могутъ выносить такой порядокъ, и ка̀къ

([64]) «Опис. гор. Шуи» 323.
([65]) Допол. IV, 332.
([66]) «Влад. Губ. Вѣд.» 1856 г., № 24.
([67]) Fletch. 33, изд. 1591.

правительство, будучи христіанскимъ, можетъ быть имъ довольно?»

Обозрѣвая русское судопроизводство тѣхъ временъ, невольно припоминаешь замѣчаніе одного иностранца, посѣщавшаго Россію въ XVI вѣкѣ, что здѣсь нѣтъ закона и все зависитъ отъ произвола властей ([68]). Дѣйствительно, самое законодательство было таково, что представляло много случаевъ, когда невинный могъ быть наказанъ какъ преступникъ, не по ошибкѣ, а при совершенномъ сознаніи его невинности. На первомъ планѣ здѣсь стоятъ дѣла по доносамъ о злоумышленіяхъ противъ царя. Если доносчикъ выдерживалъ пытку, то это считалось доказательствомъ справедливости обвиненія. Жена одного конюха доносила на мужа, что онъ хочетъ отравить царскихъ лошадей. Ее подвергли пыткѣ; она выдержала ее; мужа сослали въ Сибирь, а жена пользовалась половиною содержанія, какое получалъ мужъ ([69]). Обыкновенно воръ и разбойникъ обвинялъ кого-нибудь, и если выдерживалъ пытку, то пыткѣ подвергали и обвиняемаго. Можно себѣ представить, какъ легко тогда было мучить невинныхъ ([70])! Въ случаѣ сопротивленія распоряженіямъ властей или неисполненія начальническихъ приказа-

---

([68]) Tuberv. Hacl. 436—443.

([69]) Olear. I, § 8.

([70]) Котоших. 91.

ній, часто было трудно найти виновныхъ въ толпѣ народа; тогда на выборъ наказывали нѣсколько человѣкъ изъ общины, не разбирая того, что такимъ образомъ пострадать могли одни невинные ([71]). Выше было сказано, что должники посылали на правежное истязаніе своихъ людей. По «Уложенію» ([72]), вообще долги помѣщиковъ и вотчинниковъ правились на крестьянахъ. Такимъ-образомъ несчастнаго крестьянина отрывали отъ работы, держали въ городѣ и каждый день у приказной избы колотили по ногамъ, хотя онъ ни духомъ, ни слухомъ не былъ виноватъ въ томъ, что его господинъ надѣлалъ долговъ и не платитъ. Такъ же точно отвѣчали жены и дѣти за мужей и отцовъ ([73]). Если убѣжитъ крестьянинъ, сажали въ тюрьму и били его семейныхъ, родственниковъ, жившихъ съ нимъ не въ раздѣлѣ, и подсосѣдниковъ ([74]). Съ другой стороны, дѣти были преданы безотчетному произволу родителей и обвинялись единственно по ихъ доносамъ. Родители могли отдавать своихъ дѣтей въ рабство ([75]). Выше сказано, что цѣлыя общины отвѣчали за членовъ. Нерѣдко бояре и дворяне подавали челобитную, будто въ такомъ-то посадѣ и въ та-

([71]) «Акт. Арх. Эксп.» III, 91.
([72]) Улож. гл. X, § 262.
([73]) «П. С. З.» I, 369. «Акт. истор.» IV, 357.
([74]) Допол. IV, 299.
([75]) «Акт. истор.», 243. Уложен. гл. XX, § 110.

кой-то волости ихъ ограбили; преступника не находили, потому-что его не было, и вся община облагалась пенею ([76]). По поводу безпрестанныхъ побѣговъ, шатаній и разбоевъ, часто посылались сыщики, которые производили и слѣдствіе и расправу и были мучителями невиннаго народа. Они брали съ жителей содержаніе себѣ и кормъ своимъ лошадямъ, питье, подводы, сторожей, нерѣдко для своей корысти научали преступниковъ клеветать на невинныхъ, чтобъ потомъ лупить съ посадскихъ взятки. Однажды сдѣланъ былъ доносъ, что въ Шуѣ явились продавцы табаку; послали туда сыщика, который задерживалъ посадскихъ и безъ всякихъ уликъ билъ ихъ, вымогая съ кого деньги, съ кого ведро вина и т. п., а кто не давалъ, того, отлупивши, сажалъ въ тюрьму. Случались примѣры, что жители просили заступленія отъ сыщиковъ и губныхъ старостъ, и желали, чтобъ съ ними вмѣстѣ судили воеводы и дьяки([77]). Иногда же просили, чтобъ губному старостѣ поручены были вообще всѣ дѣла ([78]). Народъ не видѣлъ исхода своему положенію и совался изъ огня въ полымя. Но въ этомъ народѣ укоренилась страсть къ ябедничеству. Были лица, составившія себѣ изъ ябедничества ре-

---

([76]) Fletch. 44—45.
([77]) «Опис. гор. Шуи», 241—243, 279, 287.
([78]) «Врем.» IV.

месло. Они стакивались съ воеводами и дѣлили съ ними барыши. Такой ябедникъ подавалъ на кого-нибудь просьбу, жаловался, что тотъ его ограбилъ или поколотилъ; но это дѣлалось только для того, чтобъ настращать отвѣтчика позывомъ въ судъ и взять съ него отступное ([79]). Порокъ былъ древній. Еще въ началѣ XVI вѣка въ грамматѣ Смоленску поручается намѣстнику беречь мѣщанъ и черныхъ людей отъ ябедниковъ ([80]). Иванъ Васильевичъ въ 1562 году пытался искоренить ябедниковъ, которые были большею частью боярскіе люди ([81]), но это осталось безъ успѣха: ябедничества нельзя было вывести, когда судьи находили въ немъ источникъ доходовъ. Если дѣло нужно было рѣшить свидѣтелями, ябедники подводили въ свидѣтели своихъ соумышленниковъ, и судьи, чтобъ показать , будто вовсе не потакаютъ неправдѣ и не имѣютъ никакихъ сдѣлокъ съ обвинителями, сначала притворно отвергали показанія свидѣтелей, указывали на ихъ несообразность, а потомъ показывали видъ, будто мало-по-малу убѣждались ихъ доказательствами ([82]). Въ 1649 году старорусскіе жители жаловались на воеводу, что онъ, пользуясь ябедами, бралъ съ волостей въѣзжее, взыскивалъ кормы, от-

---

([79]) Улож. гл. X, § 186.
([80]) «Собр. госуд. грам.» I, 413.
([81]) «Акт. истор.» I, 271.
([82]) Mejerb. 165

давалъ на правежъ по ложнымъ искамъ, довѣрялъ ябедникамъ посылать приставовъ и съ ними посылалъ своихъ людей; эти приставы и люди воеводы, подъ видомъ разбирательства, доносовъ, производили грабительства; а когда, оклеветанные ябедниками, жаловались самому воеводѣ, онъ сажалъ ихъ въ тюрьму (83). Судъ въ провинціяхъ былъ тяжелъ, и правительство, въ видѣ льготъ, давало граммматы, дозволявшія судиться не иначе, какъ въ Москвѣ (84); но это обременяло столько же обиженныхъ, сколько давало возможность укрыться отъ преслѣдованія обидчикамъ. Напримѣръ, въ 1625 году въ Воронежѣ отецъ подъячаго подалъ искъ на посадскихъ людей, требуя отъ нихъ уплаты долга, который будтобы слѣдовалъ покойному его сыну; у него не было никакихъ актовъ; искъ начатъ по изустной памяти—и, однако, посадскихъ потребовали въ Москву, и они должны были по голословному притязанію истца оставить свои занятія и ѣхать въ такую даль (85). Лица духовнаго вѣдомства: приказные, дворовые, дѣти боярскія и крестьяне архіереевъ и монастырей имѣли такія преимущества, что ихъ не смѣли звать къ суду иначе, какъ только въ опредѣленные сроки, напримѣръ, 1 сентября, или предъ праздникомъ Рож-

(83) Допол. III, 237.

(84) «Акт. Арх. Эксп.» III, 188.

(85) «Ворон. акт.» I, 150.

дества, троицына-дня и т. п. Такимъ-образомъ, получившіе отъ нихъ какое-нибудь оскорбленіе должны были терпѣливо ожидать срочнаго времени и потомъ ѣхать въ Москву; а это не всегда было возможно и въ сроки, напримѣръ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, обязаннымъ службою. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ сроки были уничтожены, но права судиться исключительно въ Москвѣ оставлены ([86]). Съ своей стороны, дворяне, дѣти боярскія и другіе служилые люди являлись къ суду для отвѣта только спустя мѣсяцъ послѣ того, какъ воеводы ихъ распускали; во время службы никто не могъ ихъ безпокоить, да и послѣ того они могли явиться только послѣ третьяго вызова ([87]); понятно, ка́къ терпѣли отъ нихъ тѣ, которые имѣли на нихъ какіе-нибудь иски. Въ Москвѣ правосудіе такъ же было продажно, какъ и въ провинціяхъ. Хотя сидѣвшіе въ приказахъ и цаловали крестъ съ *жестокимъ проклинательствомъ* и обѣщали судить по правдѣ, не дружить сильнымъ и друзьямъ, не брать поминковъ, но ни *во что та вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся и руки своя ко взяткамъ спущаютъ* ([88]). Во время суднаго процеса въ приказѣ обѣ тяжущіяся стороны

([86]) «Акт. истор.» III, 111.
([87]) «Акт. истор.» III, 306. «Ворон. акты.» I, 65.
([88]) Котоших. 93.

должны были жить безвыѣздно въ Москвѣ; если уѣзжалъ истецъ, то терялъ искъ, а если уѣзжалъ отвѣтчикъ, то былъ принуждаемъ къ удовлетворенію иска безъ дальнѣйшаго разбирательства ([89]). Пользуясь этимъ, приказные нарочно протягивали дѣло и вымогали взятки за то, чтобъ отпустить тяжущихся. Пріѣзжавшіе за общественнымъ дѣломъ посадскіе привозили заранѣе собранныя съ жителей суммы на взятки подъячимъ. Надобно было удовлетворить дьяковъ и подъячихъ, и сторожамъ и деньщикамъ дать на пироги да на квасъ; надобно было обдѣлить и крѣпосныхъ людей дьяковъ и подъячихъ ([90]). Подъячіе употребляли безстыдныя уловки, чтобъ поболѣе сорвать: если просителю нужна была справка по дѣлу, подъячій бралъ съ него взятку, а говорилъ не то, что́ нужно, чтобъ потомъ взять еще ([91]). Взятки увеличивались, когда дѣло происходило въ двухъ приказахъ разомъ; случалось нерѣдко и это.

Все это достаточно показываетъ, что причины побѣговъ, шатаній и вообще недовольства обычнымъ ходомъ жизни лежали во внутреннемъ организмѣ гражданскаго порядка. Побѣги были до-того обыкновенны, что въ челобитныхъ на царское имя, гдѣ жалуются

([89]) Ibib. 94.
([90]) «Акт. гор. Шуи» 97.
([91]) Olear. 270.

на злоупотребленія воеводъ, приказныхъ и служилыхъ людей, или гдѣ просятъ объ облегченіи отъ повинностей и поборовъ, жители не боялись грозить правительству тѣмъ, что они разбредутся врознь. Это сдѣлалось почти обычною формою такого рода дѣловыхъ бумагъ. Царствованіе Алексѣя Михайловича было временемъ побѣговъ и шатаній. Ихъ умножали военныя обстоятельства. Дворяне, дѣти боярскія, солдаты, даточные люди разбѣгались со службы и, боясь воротиться въ свои жилища, чтобъ не быть пойманными, шатались гдѣ попало. Правительство посылало за ними сыщиковъ, которые собирали жителей и ловили бѣглецовъ, какъ разбойниковъ (92). Финансовыя обстоятельства способствовали несчастію и бѣдности народа, а вслѣдствіе того и побѣгамъ. Впродолженіе двадцати лѣтъ (1648—1668) постоянно производилась охота за бѣглыми по всѣмъ краямъ государства (93). Сыщики гонялись за ними. Пріѣзжая въ какой-нибудь уѣздъ, гдѣ обнаруживалось большое скопище бѣглецовъ, они приказывали на всѣхъ торгахъ бирючамъ кликать кличъ, чтобъ всѣ лица, начальствующія въ общинахъ, ловили бѣглыхъ и приводили къ нимъ. Пойманныхъ наказывали кнутомъ и водворяли на

---

(92) «П. С. З.» 552.

(93) «Акт. истор.» IV, 167, 190. Допол. III, 294; IV, 125.

мѣстахъ жительства ([94]). Впрочемъ, не всегда легко было водворить такого пойманнаго: уже и тогда русскіе знали увертки показываться непомнящими родства.

Усиленная ловля бѣглецовъ не прекращала бродяжества, но развила разбойничество. Иной бродяга, еслибъ ему дозволили шататься свободно, пропитывался бы безвреднымъ для общества способомъ, переходя отъ одного господина къ другому въ услуженіе, или поселился бы гдѣ-нибудь вдалекѣ, напримѣръ, въ Сибири, куда многіе бѣгали ради льготной жизни; но, зная, что его поймаютъ, испишутъ спину кнутомъ и отправятъ на старое мѣсто, ожесточенный бродяга дѣлался отъявленнымъ врагомъ общества. Рѣдкій уживался на мѣстѣ жительства, будучи возвращенъ туда насильно: еслибъ ему было тамъ хорошо, онъ бы и въ первый разъ не бѣгалъ, а теперь, послѣ того, какъ его разъ поймаютъ, ему, конечно, станетъ хуже: на него наложатъ еще больше повинностей за то, что онъ бѣгалъ; онъ опять навостритъ лыжи, и такъ-какъ знаетъ, что трудно гдѣ-нибудь пріютиться, то побѣжитъ въ темный лѣсъ ([95]); такихъ сходится тамъ много, и составляется разбойничья шайка.

([94]) «П. С. З.» I, 594.
([95]) «Народ. пѣсня.

Вмѣстѣ съ ловлею бѣглецовъ производилась и ловля разбойниковъ. Царствованіе Алексѣя Михайловича богато разбоями, особенно въ десятилѣтіе передъ появленіемъ Стеньки Разина. Сохранилось много актовъ о преслѣдованіи разбойниковъ въ различныхъ мѣстахъ, особенно въ восточномъ краѣ. Въ 1657 году, по поводу распространившихся разбоевъ и убійствъ посадскихъ и крестьянъ, посланы въ понизовые города Казань, Нижній, Алатырь, Курмышъ сыщики изъ дворянъ; они должны были брать отъ воеводъ стрѣльцовъ, пушкарей и затинщиковъ, вооружать уѣздныхъ людей и ловить разбойниковъ и бѣглыхъ (96). Въ 1663 году, въ Тотемскомъ Уѣздѣ приказано крестьянамъ всѣхъ волостей держать у себя ружья для преслѣдованія разбойниковъ; у кого не было ружья, того подвергали наказанію батогами (97). Въ 1664 году, въ Пошехоньѣ и на Унжѣ велѣно воеводамъ созывать дворянъ, дѣтей боярскихъ и служилыхъ людей, ѣздить съ ними по селамъ и деревнямъ всякихъ вѣдомствъ, брать тамъ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, собирать толпу вооруженныхъ крестьянъ, отыскивать разбойниковъ, истреблять ихъ станы и самихъ судить и казнить немедленно (98). Въ 1665

(96) «П. С. З.» I, 445.
(97) Допол. IV, 316.
(98) «П. С. З.», I, 386.

году замѣтили, что преслѣдуемые такимъ образомъ удальцы бѣгутъ преимущественно въ низовья Волги; туда приходили бродяги изъ Воронежа, Шацка, Ельца и другихъ мѣстъ, какъ-будто ища сборнаго пункта ([99]). Поэтому правительство приказывало воеводамъ городовъ Самары, Саратова, Царицына, Чернаго Яра находиться между собою въ постоянной связи, посылать другъ къ другу частыя станицы, отправлять въ степи дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ и ловить подозрительныхъ людей изъ верховыхъ городовъ, называющихъ себя казаками ([100]). Въ 1667 году разбои, воровства, смертоубійства распространились по всей Россіи въ ужасающемъ размѣрѣ. На сѣверъ, на югъ, на востокъ посланы отъ разбойнаго приказа сыщики, предписано всѣмъ воеводамъ содѣйствовать имъ, давать людей, поднимать посадскихъ и крестьянъ, разорять разбойничьи станы, казнить смертью и разными муками злодѣевъ, къ числу которыхъ относили и *вѣдуновъ* (колдуновъ), и замѣчали, что вмѣстѣ съ разбоями распространилось вѣдовство. Смертная казнь постигала вмѣстѣ съ ними не только укрывателей, но и тѣхъ, которые, слыша крикъ разбиваемыхъ людей, не пойдутъ къ нимъ на помощь ([101]).

([99]) «Акт. истор.» IV, 344.
([100]) «Акт. истор.» IV, 346.
([101]) Допол. V, 330.

Эта мѣра не помогла бѣдѣ: бѣда возрастала. На слѣдующій годъ уже въ самой Москвѣ на масляницѣ убивали и грабили по улицамъ. Правительство устроило ночные караулы, обязанные хватать всѣхъ, кто шатается ночью. За исключеніемъ священниковъ и царскихъ стольниковъ, дозволено прочимъ людямъ ходить по Москвѣ ночью только впродолженіе первыхъ четырехъ часовъ (иначе: до десяти часовъ вечера, по нашему счету времени) и то непремѣнно съ оружіемъ ([102]). Было явно, что Русь готовится къ какому-то страшному волненію.

IV.

Въ 1665 году князь Юрій Долгорукій былъ въ походѣ противъ поляковъ. Въ его войскѣ находились донскіе казаки. Наступала осень. Атаманъ одного изъ казачьихъ отрядовъ, Разинъ, явился къ князю, ударилъ челомъ и просилъ отпустить донцовъ на тихій, вольный Донъ. Князь приказалъ ему оставаться на службѣ. Никто изъ ратныхъ людей не смѣлъ уходить со службы безъ отпуска начальника; но казаки считали себя вольными людьми: они думали, что если служатъ бѣлому царю и проливаютъ кровь за его государское здоровье, такъ это дѣлается по доброму хотѣнью, а не по долгу. Атаманъ самоволь-

---

([102]) «П. С. З.», I, 738.

но ушелъ съ своею станицею, но ихъ догнали, и Долгорукій осудилъ на смерть атамана. У него было двое братьевъ: Степанъ, или Стенька, и Фролъ, или Фролка, какъ назывались они уменьшительно. Вѣроятно, они видѣли, какъ повѣсили старшаго брата (1).

(1) Strauss. Reise, 247. — Relation des particularitéz de la rebellion de Stenko Razin 4. Ibid. 13.

Народное преданіе говоритъ, что Стенька прежде того былъ гонцомъ къ турецкому султану и попался въ плѣнъ въ Азовѣ, откуда освободился и, воротясь на родину, началъ свое возмущеніе. Есть замѣчательная пѣсня объ этомъ событіи, помѣщенная въ сборникѣ г. Сахарова:

А и по край было моря синяго
Что̀ на устьѣ Дону-то тихаго,
На крутомъ, красномъ бережку,
На желтыхъ, разсыпныхъ пескахъ,
А стоитъ крѣпкій Азовъ-городъ
Со стѣной бѣлокаменною,
Земляными раскатами и рвами глубокими
И со башнями караульными.
Середи Азова-города
Стоитъ темная темница,
А злодѣйка — земляная тюрьма;
И во той-то было во темной темницѣ
Что̀ двери были желѣзныя,
А замо̀къ былъ въ три пуда,
А пробы были булатные,
Какъ засовы были мѣдные;
Что во той темной темницѣ
Засаженъ сидитъ донской казакъ

Неизвѣстно, ушелъ ли Стенька тотчасъ, или воротился уже послѣ, по отпуску грознаго князя; въ слѣдующемъ году онъ замыслилъ не только отомстить за брата, но и задать страха всѣмъ боярамъ и знатнымъ людямъ Московскаго Государства, которыхъ вообще не терпѣли казаки. Это былъ человѣкъ чрезвычайно крѣпкаго сложенія, предпріимчивой натуры, гигантской воли, порывчатой дѣятельности. Своенравный, столько же непостоянный въ

Степанъ Тимоѳеевичъ.
Мимо то́й да темной темницы
Лучилося царю идти, самому царю,
Тому турецкому Салтану Салтановичу.
А кричитъ донской казакъ
Степанъ Тимоѳеевичъ:
«А ты гой еси, турецкой царь,
Салтанъ Салтановичъ!
Прикажи ты меня поить, кормить —
Либо казнить, либо на волю выпустить».
Постоялся турецкой царь
Салтанъ Салтановичъ:
«А мурзы вы, улановья!
А вы згаркайте изъ темницы
Того тюремнаго старосту».
А и мурзы, улановья металися черезъ голову,
Привели его уланове они старосту тюремнаго;
И сталъ онъ турецкой царь
У тюремнаго старосты спрашивать:
«Еще что́ за человѣкъ сидитъ?»
Ему староста разсказываетъ:

своихъ движеніяхъ, сколько упорный въ предпринятомъ разъ намѣреніи, то мрачный и суровый, то разгульный до бѣшенства, то преданный пьянству и кутежу, то готовый съ человѣческимъ терпѣніемъ переносить всякія лишенія. Въ его рѣчахъ было что-то обаятельное; дикое мужество отражалось въ грубыхъ чертахъ лица его, правильнаго и слегка рябоватаго; въ его взглядѣ было что-то повелительное; толпа чувствовала въ немъ присутствіе какой-то сверхъестественной силы, противъ которой невозможно было устоять, и называла его колдуномъ. Въ его

«А и ты гой еси, турецкой царь,
Салтанъ Салтановичъ!
Что сидитъ у насъ донской казакъ
Степанъ Тимоѳеевичъ!
И приказалъ скоро турецкой царь:
«Вы мурзы, улановья!
Ведите донскаго казака
Къ палатамъ моимъ царскіимъ».
Еще втапоры турецкой царь
Напоилъ, накормилъ добраго молодца
И тошно сталъ его спрашивати:
«А ты гой еси, донской казакъ!
Еще какъ ты къ намъ, въ Азовъ, попалъ?»
Разсказалъ ему донской казакъ:
«А и посланъ я изъ каменной Москвы
Къ тебѣ, царю, въ Азовъ-городъ,
А и посланъ былъ скорымъ посломъ,
И гостинцы дорогіе къ тебѣ везъ;
А на заставахъ твоихъ всего меня ограбили

душѣ дѣйствительно была какая-то страшная, мистическая тьма. Жестокій и кровожадный, онъ, казалось, не имѣлъ сердца ни для другихъ, ни даже для самого себя; чужія страданія забавляли его, свои собственныя онъ презиралъ. Онъ былъ ненавистникъ всего, что̀ стояло выше его. Законъ, общество, церковь — все, что̀ связываетъ личныя побужденія человѣка, все попирала его неустрашимая воля. Для него не существовало состраданія. Честь и великодушіе были ему незнакомы. Таковъ былъ этотъ борецъ вольницы, въ полной мѣрѣ извергъ рода человѣческаго, вызывающаго подобныя личности неудачнымъ складомъ своего общества.

Мурзы, улановья, а моихъ товарищей
Разсадили добрыхъ молодцевъ
И по разнымъ темнымъ темницамъ».
Еще втапоры турецкой царь
Приказалъ мурзамъ, улановьямъ
Собрать добрыхъ молодцевъ
Стеньки Разина товарищей.
Отпущаетъ добрыхъ молодцевъ,
Стеньку въ каменну Москву;
Снарядилъ добраго молодца
Степана Тимоѳеевича,
Наградилъ златомъ, серебромъ,
Еще питьями заморскими.
Отлучился донской казакъ отъ Азова-города,
Загулялся донской казакъ
По матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ,
Не явился въ каменну Москву.

Въ Малороссіи, послѣ Богдана Хмельницкаго, возникли двѣ партіи: одна *значныхъ*, или кармазинниковъ, другая — простыхъ, или голоты. Первые хотѣли такого порядка, который приближался бы къ аристократіи, а къ ней они причисляли самихъ себя; вторые соблазнялись грёзами совершеннаго равенства, даже общности имуществъ, и доставляли собою опору ловкимъ честолюбцамъ. Въ то время правилъ Украиною гетманъ Бруховецкій, одолженный своимъ гетманствомъ этому обольщенію народа. Подобное раздѣленіе было тогда и на Дону: тамъ были казаки домовитые, старые, прямые, настоящіе казаки, и голутвенные люди, какъ ихъ называютъ акты, или голытьба, какъ они прославлены въ пѣсняхъ. Къ послѣднимъ принадлежали разные бѣглецы изъ Московіи; ихъ собралось особенно-много на Дону въ послѣдніе годы, когда ихъ начали такъ дѣятельно преслѣдовать на Руси: на Дону имъ было безопасно: Донъ не выдавалъ гостей съ своихъ береговъ (2) — такъ издавна велось. Все это были бѣдняки, кормились поденною работою или подаяніемъ и тогда пропадали съ голода, потому что на Дону былъ неурожай и дороговизна; и были они готовы на разбой или на бунтъ, если сыщется голова, что съумѣетъ созвать и привязать ихъ къ себѣ. Стенька

(2) Relation 3. Stenko Razin, 15.

въ Черкаскѣ сблизился съ такимъ людомъ и составилъ около себя удалую толпу, какъ говоритъ о немъ современная пѣсня:

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
Породился удалъ добрый молодецъ,
По имени Стенька Разинъ Тимоѳеевичъ;
Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, думу не думывалъ;
Ходилъ-гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ;
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голытьбою!
Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине-море гулять;
Разобьемъ, братцы, басурмански корабли;
Возьмемъ мы казны сколько надобно!

Въ Черкаскѣ былъ атаманомъ Корнило Яковлевъ, старый, заслуженый воинъ; онъ принадлежалъ къ партіи домовитыхъ казаковъ; онъ удерживалъ казаковъ въ вѣрности царю и въ повиновеніи закону, пользовался общимъ уваженіемъ и выигрывалъ у казаковъ умѣньемъ уступить казачьему кругу (такъ называлось казацкое собраніе, рѣшавшее дѣла — тоже, что̀ въ Малороссіи рада), чтобъ потомъ взять надъ нимъ верхъ и поставить на-своёмъ. За нимъ нельзя было разгуляться Стенькѣ; притомъ Стенька еще ничѣмъ себя не выказалъ: не было у него ни славы, ни денегъ; а чтобъ поднять за собою толпу, надобно и того и другаго. Стенька за этимъ хотѣлъ-было съ толпою набранной голытьбы поплыть по Азовскому Морю и пошарпать турецкіе берега, но

Корнило не далъ ему этого сдѣлать. Стенька посадилъ съ собой на четыре струга свою ватагу и въ апрѣлѣ поплылъ вверхъ по Дону. Его голытьба по пути грабила богатыхъ казаковъ и разоряла ихъ домы. Корнило послалъ-было за ними погоню, но она не догнала удалыхъ. Стенька норовилъ туда, гдѣ Донъ сближается съ Волгою, гдѣ былъ всегда сборный пунктъ для воровскихъ казаковъ. Стенька выбралъ высокое мѣсто между рѣкъ Тишини и Иловли, близь городка Паншина, и тамъ заложилъ свой станъ. Недалеко оттуда стоялъ Качалинскій Городокъ, гдѣ прежде постоянно собирались удалые молодцы и усвоили Качалину прозвище «Воровскаго Городка» ([3]).

И вотъ въ Царицынѣ разнесся слухъ, что на Дону собираются казаки-воры и хотятъ перейти на Волгу, напасть на Царицынъ, взять тамъ суда, судовыя снасти, поплыть внизъ по Волгѣ и учинять воровство. Кое-какіе молодцы, почуявъ, что на Дону собирается шайка, предупредили ее и начали шалить на Волгѣ. Первую вѣсть принесъ въ Царицынъ одинъ нижегородскій торговый человѣкъ.

«Застигли насъ на Волгѣ заморозы (говорилъ онъ), и стали мы въ зимовьѣ между Царицынымъ и Саратовомъ, какъ вдругъ напало на насъ двое воровъ: одинъ съ Дона, другой изъ Шацка бѣглый крестья-

([3]) «Акт. истор.» IV, 376.

нинъ; сперва они ограбили стругъ съ икрою, а потомъ напали на меня и всѣ животы у меня отняли, да еще хвалились, что весною будетъ у нихъ большое воровское собранье и пойдутъ воровать на Волгу. Вѣрно эти, что́ насъ ограбили, приходили провѣдывать, нѣтъ ли по Волгѣ струговъ, чтобъ захватить» ([1]).

Тогда въ царицынской приказной избѣ принялись писать донесеніе въ Москву, отписки въ Астрахань, въ Саратовъ, въ Черный Яръ съ просьбою прислать къ Царицыну служилыхъ побольше. Вслѣдъ затѣмъ во всѣхъ городахъ началось то же. Изъ Саратова писали въ Самару, въ Астрахань, въ Царицынъ, изъ Самары въ Саратовъ, въ Царицынъ, въ Астрахань, изъ Астрахани въ Царицынъ, Саратовъ, Самару, и такъ далѣе. Изъ Москвы пошли грамматы во всѣ эти города по одной формѣ, а въ грамматахъ говорилось, чтобъ воеводы жили съ великимъ береженьемъ; а гдѣ объявятся воровскіе казаки, посылали бы на нихъ для промысла служилыхъ людей. Но въ Царицынѣ служилые не прибавлялись, и всѣ дѣйствія противъ воровскихъ казаковъ со стороны царицынскаго воеводы ограничились на первый разъ тѣмъ, что онъ послалъ къ Паншину станицу изъ пяти человѣкъ для провѣдыванія. Начальникомъ такой станицы выбирался вожъ, человѣкъ опытный, бы-

([1]) Ibid. 375.

валый, знавшій степныя примѣты. На этотъ разъ вожемъ былъ Иванъ Бакулинъ. Завидѣвъ издали казацкій станъ, куда нельзя было проѣхать за полой водой, онъ обратился къ атаману паншинскаго городка.

Атаманъ разсказалъ ему, что Стенька насильно взялъ у него разные запасы, и прибавилъ:

— Сказывалъ мнѣ, атаману, атаманъ воровскихъ казаковъ Стенька Разинъ, чтобъ я сказалъ царицынскому воеводѣ: не посылалъ бы онъ служилыхъ людей, а не то, говоритъ, я всѣхъ потеряю напрасно и городъ Царицынъ велю сжечь.

Съ этимъ воротился вожъ и сказалъ:

«Стоитъ Стенька на высокихъ буграхъ, а кругомъ его полая вода: ни пройти, ни проѣхать, ни провѣдать, сколько ихъ тамъ есть, ни языка поймать никакъ не можно, а, кажись, человѣкъ тысячу будетъ, а, може-быть, и поболѣ.»

Тогда Андрей Унковскій (царицынскаго воеводу звали такъ) послалъ къ Стенькѣ двухъ духовныхъ особъ: соборнаго протопопа да старца Троицкаго Монастыря. Онъ написалъ съ ними граммату, да еще наказывалъ и словесно подѣйствовать на атамана. Духовные поѣхали съ тѣмъ, чтобъ застращать увѣщаніями воровское сердце казака и возвратить его съ неправаго пути; но, вмѣсто того, возвратились сами въ Царицынъ, не видавъ Стеньки.

«Къ нимъ за водою проѣхать нельзя (такъ извѣщали они), а стругами изъ Паншина никто насъ перевозить не посмѣлъ; - а паншинскій атаманъ говоритъ, что хочетъ Стенька идти на Волгу, оттуда на Яикъ, а оттуда воевать тарковскаго шамхала Суркая» (5).

Вслѣдъ затѣмъ воровское полчище снялось съ своего стана и перешло на Волгу. Вѣроятно, они проплыли туда рѣкою Камышинкою, ибо этотъ путь былъ обыкновенный для воровскихъ казаковъ, какъ поется въ пѣсняхъ:

Что́ пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Протекала, пролегала мать Камышинка-рѣка:
Какъ со собою она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга;
Она устьицемъ впадала въ Волгу-матушку;
А по славной было матушкѣ Камышинкѣ-рѣкѣ
Какъ плыли-то, выплывали все нарядные стружки:
Ужь на тѣхъ ли на стружкахъ удалые молодцы,
Удалые молодцы, воровскіе казаки;
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
На нихъ бѣленьки чулочки, сафьянны сапожки,
На нихъ штаники кумачны во три строчки строчены,
На нихъ тонкія рубашки съ золотымъ галуномъ;
Какъ и сѣли да гребнули, пѣсенки запѣли.

Ватага Стеньки имѣла казацкое устройство; раздѣлена она была на сотни, десятки; надъ сотнею

---

(5) Ibid. 377.

начальствовалъ сотникъ, надъ десятнею — десятскій. Стенька былъ надъ ними атаманомъ, а у него былъ есаулъ Ивашка Черноярецъ. Они заложили станъ на высокомъ бугрѣ, но гдѣ именно — неизвѣстно: гдѣ-нибудь выше или ниже Камышина. На этомъ протяженіи есть въ нѣсколькихъ мѣстахъ бугры, называемые буграми Стеньки Разина. Народное преданіе говоритъ, что здѣсь чародѣй Стенька останавливалъ плывущія суда своимъ вѣдовствомъ. Была у него кошма, на которой можно было и по водѣ плыть, и по воздуху летать. Какъ завидитъ онъ съ высокаго бугра судно, сядетъ на кошму и полетитъ, и какъ долетитъ до того, что станетъ надъ самымъ судномъ, тотчасъ крикнетъ: «сарынь на кичку!» Отъ его слова суда останавливались; отъ его погляда люди каменѣли. Удалые бросятся тогда на судно, и начнется расправа. Плылъ тогда весенній караванъ... между Нижнимъ и Астраханью каждый годъ два раза (весною и осенью) плавала вереница судовъ, называемая караваномъ; въ караванѣ на этотъ разъ были казенныя суда, патріаршія, и струги частныхъ лицъ; на каждомъ стругѣ было свое особенное знамя. На одномъ стругѣ сидѣли ссыльные, которыхъ везли въ ссылку на житье въ Астрахань. Большое судно везло казенный хлѣбъ; оно принадлежало гостю Шорину и отправлено съ его прикащикомъ. Отрядъ стрѣльцовъ провожалъ караванъ, подъ начальствомъ симбирска-

го сына боярскаго Степана Ѳедорова. У Разина была тысяча молодцовъ; сопротивляться было невозможно. Караванъ былъ остановленъ. Стенька тотчасъ объявилъ чернорабочимъ и простымъ стрѣльцамъ, что онъ не будетъ ихъ обижать, а только расправится съ ихъ начальниками и хозяевами. Изрубили начальника отряда, потомъ принялись за цаловальниковъ, ѣхавшихъ при казенномъ хлѣбѣ, жгли ихъ огнемъ, допрашивали о деньгахъ; прикащика, отправленнаго Шоринымъ при судахъ, повѣсили. Стенька самъ взошелъ на патріаршій насадъ, перебилъ руку монаху–надзорщику и приказалъ повѣсить на мачтѣ трехъ человѣкъ, вѣроятно, за то, что показали охоту сопротивляться. На частныхъ стругахъ хозяевъ или повѣшали на мачтахъ, или побросали въ воду. Дошла очередь до струга, гдѣ сидѣли ссыльные. Стенька освободилъ ихъ, а провожатаго раздѣлъ до нага, посадилъ на пескѣ съ государевой казною и такъ оставилъ. Стенька былъ причудливъ: иного безъ причины убьетъ, другаго безъ причины пощадитъ; въ одномъ мѣстѣ все заберетъ, въ другомъ все побросаетъ. Въ заключеніе Стенька сказалъ ярыжнымъ, какъ назывались рабочіе:

«Вамъ всѣмъ воля; идите–себѣ куда хотите; силою не стану принуждать быть у себя; а кто хочетъ идти со мной, будетъ вольный казакъ. Я пришелъ бить только бояръ да богатыхъ господъ, а съ бѣд–

ными и простыми готовъ, какъ братъ, всѣмъ подѣлиться».

Всѣ ярыжные и стрѣльцы пошли въ его ватагу ([6]).

Стенька добылъ судовъ, ружей, запасовъ и поплылъ къ Царицыну. Со стѣнъ города принялись палить на него изъ пушекъ, но, по извѣстію современника, ни одна пушка не выстрѣлила: весь порохъ запаломъ выходилъ. Стенька былъ чародѣй и умѣлъ заговаривать оружіе. Въ Царицынѣ его испугались, а на судахъ люди ободрились. Онъ послалъ въ Царицынъ своего есаула Ивашку Черноярца требовать наковальню, мѣха и кузнечную снасть. Унковскій не задержалъ есаула и отдалъ ему безъ сопротивленія, что тотъ потребовалъ.

«Что жь я буду дѣлать? (говорилъ онъ) этого есаула, какъ и атамана его, ни сабля, ни пищаль не беретъ, и они своимъ вѣдовствомъ все свое войско берегутъ.»

Въ послѣднихъ числахъ мая, или первыхъ іюня, достигли они Чернаго-Яра. Стенька плылъ въ тридцати стругахъ; у него было до тысячи-трехсотъ человѣкъ. Плѣненныя суда плыли позади, а перёдъ вели старые удальцы. Новички, набранные послѣ разгрома каравана, находились позади, потому-что Стенька еще имъ не довѣрялъ. Когда они поравня-

---

([6]) «Матер. для ист. возмущ. Стеньки Разина» 21, 22.

лись съ Чернымъ Яромъ, ратные люди въ городѣ приготовились къ оборонѣ; но казаки не тронули ихъ; не затронули первые и черноярцы казаковъ. Удалые поплыли внизъ къ Бузану. Тутъ встрѣтился съ ними воевода Семенъ Беклемишевъ. Изъ Чернаго ли Яра онъ вышелъ, или изъ Астрахани — неизвѣстно, равно, какъ и то, прибылъ ли онъ съ ними драться, или уговаривать ихъ; вѣроятнѣе послѣднее. Извѣстно только, что онъ воротился въ Астрахань съ раною на рукѣ, и разсказывалъ, что казаки, для поруганія, вѣшали его на мачту, а потомъ пробили чеканомъ руку, обобрали и отпустили. Три астраханскіе струга съ стрѣльцами пристали къ воровской станицѣ ([7]).

Удалые поплыли по Бузани, протоку, который отдѣляется отъ Волги верстахъ въ пятнадцати выше Астрахани и впадаетъ въ Каспійское Море у Краснаго Яра. Въ этомъ городѣ мало было орудій и ратныхъ людей: сопротивляться и задерживать казаковъ было невозможно, да и Стенька не сталъ безпокоить Красняго Яра, а повелъ свою ватагу по одному изъ множества мелкихъ протоковъ, раздѣляющихъ разной величины острова, которыми усѣянъ широкій изливъ Волги. Повернувъ влѣво, они поплыли вдоль песчаныхъ островов, около сѣвернаго берега Кас-

([7]) «Матеріалы для ист. Ст. Раз.» 23, 24.

пійскаго Моря, и достигли устья Яика. Тамъ уже давно скрывались пособники Разину. Еще когда Стенька сидѣлъ въ Паншинѣ, какой-то Ѳедоръ Сукнинъ писалъ къ нему изъ Яика: «собирайся къ намъ, «атаманъ, возьми Яикъ-городокъ, учуги разори и лю«дей побей. Засядемъ въ нашемъ городкѣ, а потомъ «пойдемъ вмѣстѣ на море промышлять» (8).

Какъ подступилъ Стенька къ Яику, то оставилъ свое войско въ уютномъ мѣстѣ, чтобъ невидно было изъ Яика, а самъ отобралъ трехъ человѣкъ и подошелъ къ воротамъ. Стрѣлецкій голова Иванъ Яцынъ, только-что передъ тѣмъ присланный туда изъ Астрахани, спросилъ: «Что вамъ надобно?»— «Мы», сказалъ Стенька, «только просимъ пустить насъ Богу помолиться». Яцынъ пустилъ ихъ, неизвѣстно съ какого повода; можетъ-быть, видя ихъ малолюдство, хотѣлъ воспользоваться и задержать. Ворота за гостьми тотчасъ были затворены; но эти гости, какъ-скоро вманились въ Яикъ, отворили ихъ сами и вся ватага вошла въ городъ. Иванъ Яцынъ не сталъ сопротивляться, не стрѣлялъ; но это его не спасло. Стенька приказалъ вырыть глубокую яму и повелъ къ ней Ивана Яцына; астраханскій стрѣлецъ Чикмазъ отрубилъ ему голову; то же сдѣлали съ другими начальниками и нѣкоторыми стрѣльцами.

---

(8) «Акт. истор.» IV, 376.

По извѣстію самого Чикмаза, онъ отрубилъ головы ста-семидесяти человѣкамъ; остальнымъ стрѣльцамъ сказалъ Стенька: «даю всѣмъ волю; я васъ не силую: хотите—за мною въ казаки идите, хотите—ступайте-себѣ въ Астрахань».

Нѣкоторые остались съ нимъ въ Яикѣ, а другіе пошли въ Астрахань. Тогда Стенька послалъ за ними въ погоню своихъ казаковъ. Они догнали ихъ на Раковой-Косѣ и требовали, чтобъ шли съ ними заодно, а когда они не хотѣли, то принялись ихъ рубить и бросать въ воду; отъ страха, иные сдавались и приставали къ казакамъ, другіе разбѣжались въ-разсыпную по камышамъ, и послѣ уже сбиралъ ихъ отправленный изъ Астрахани въ погоню за Стенькою полуполковникъ Рожинскій; онъ уже не осмѣлился идти до Яика. Чтобъ расположить къ себѣ чернь, Стенька объявлялъ всѣмъ волю и твердилъ, что не хочетъ силою брать съ собой никого, но говорилъ это съ увѣренностью, что, въ благодарность за такое великодушіе, всѣ у него будутъ оставаться. Когда же въ Яикѣ случилось не такъ, тогда онъ и показалъ, что значитъ свобода, которую онъ всѣмъ предоставляетъ. Таково же было его и правосудіе: когда ему одинъ изъ тѣхъ стрѣльцовъ, что были приведены съ Раковой-Косы, донесъ, что у нихъ четырнадцать человѣкъ составили артель и хотятъ убѣжать въ Астрахань, то Стенька, по од-

ному такому извѣту, жегъ ихъ огнемъ и заколачивалъ до смерти (9).

Просидѣвъ лѣто въ Яикѣ, Стенька въ сентябрѣ отправился въ море и присталъ къ устью Волги, къ протоку, называемому Емансуга. По островамъ вѣтвистаго устья Волги жили тогда татары, носившіе названіе едисанскихъ. Это былъ кочевой народъ мухаммеданской вѣры, съ короткими лицами, маленькими глазами, темножелтою кожею, съ отвислымъ брюхомъ и съ морщиноватыми чертами лица, въ длинныхъ сѣрыхъ балахонахъ или въ овчинахъ, лѣтомъ вывороченныхъ шерстью вверхъ, и такимъ невзрачнымъ видомъ указывалъ на смѣсь монгольскаго племени съ татарскимъ. Лѣтомъ шатались они по степи и по берегамъ моря, занимались скотоводствомъ, охотою и рыбною ловлею; зимою толпились подъ Астраханью, гдѣ жили въ шалашахъ, которые ставили на высокихъ земляныхъ насыпяхъ, управлялись князьями и были въ непримиримой враждѣ съ калмыками. У протока Емансуги былъ тогда улусъ князя ихъ, Алея. На нихъ напали казаки и погромили на-повалъ, прогнали князя и его сына, забравъ въ полонъ дѣтей и женщинъ, отъ которыхъ могли поживиться русскими копѣйками, украшавшими ихъ кругленькія, вверху заостренныя

(9) «Акт. истор.» IV, 378, 418. Матер. 24.

шапочки. Оттуда удалые поплыли къ Терку, напали на какое-то турецкое судно, ограбили и воротились въ Яикъ зимовать.

Свѣдавъ, должно-быть, о невзгодѣ заклятыхъ враговъ своихъ, калмыки, кочевавшіе между Яикомъ и Волгою, вступили въ дружескія сношенія съ ватагою Стеньки. Одна изъ ихъ ордъ, подъ начальствомъ тайджи Мерчени, разбила свои кибитки подъ Яикомъ; началась между ними и казаками безпрерывная торговля. Они промѣнивали другъ другу что̀ награбили. Казаки получали отъ нихъ скотъ и молоко и этимъ содержали себя.

Астраханскій воевода Иванъ Андреевичъ Хилковъ только и оказывалъ противодѣйствіе Стенькѣ тѣмъ, что посылалъ противъ него партіи; но эти партіи не доходили до Яика. Между тѣмъ въ декабрѣ прибыли въ Астрахань донскіе казаки Леонтій Терентьевъ съ товарищами. Они привезли увѣщательную царскую граммату, присланную къ непослушнымъ казакамъ на Донъ, по донесенію войсковаго атамана. Казаки эти были отпущены въ Яикъ.

Стенька надѣялся современемъ управлять Дономъ, и для этого не сталъ раздражать казацкаго сословія, а принялъ посланниковъ съ уваженіемъ. Онъ собралъ кругъ, то-есть предложилъ дѣло приговору вольной братіи; зналъ, однако, что станется такъ, какъ захочетъ онъ. Посланные допущены въ кругъ.

Подавъ граммату, они сказали :

«Бояринъ и воевода астраханскій князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ велѣлъ вамъ говорить, чтобъ вы отпустили астраханскихъ стрѣльцовъ, яицкихъ годовальщиковъ (такое названіе носили стрѣльцы, отправленные изъ главнаго города въ подначальный) и тѣхъ, что въ степи и въ камышахъ вами захвачены, а также и улусныхъ людей, чтó вы въ полонъ взяли».

Стенька, по приговору круга, отвѣчалъ :

«Когда придетъ великаго государя милостивая граммата ко мнѣ, тогда мы всѣ свою вину принесемъ великому государю и стрѣльцовъ отпустимъ, а теперь не пустимъ никого».

Съ тѣмъ и уѣхали казаки.

Поступками Хилкова правительство вообще не оставалось довольно.

На мѣсто его назначили другаго воеводу, князя Прозоровскаго; но пока еще Прозоровскій не доѣхалъ до Астрахани, Хилковъ отправилъ противъ Разина степью товарища своего, Якова Безобразова. Этотъ, по наказу старшаго своего боярина, послалъ въ Яикъ двухъ стрѣлецкихъ головъ (Семена Янова и Никифора Нелюбова) уговаривать Стеньку оставить свое воровство и идти въ Саратовъ съ повинною къ новому астраханскому воеводѣ. Безобразовъ сошелся съ двумя калмыцкими ордами подъ началь-

ствомъ тайджей Дайджина и Мончака. Десять тысячъ калмыковъ осадили-было Разина въ Яикѣ; но все это было напрасно. Весною, когда правительство, узнавъ о такомъ доброжелательствѣ калмыковъ, приказывало обращаться какъ-можно вѣжливѣе съ этими союзниками и предоставить имъ обладаніе полною добычею, какую отнимутъ у мятежниковъ ([10]), калмыковъ уже не было около Яика. Казаки не только не сидѣли въ осадѣ, но на разныхъ мѣстахъ погромили ратныхъ людей Якова Безобразова, а въ наказаніе за то, что ихъ разомъ и увѣщевали и хотѣли повоевать, повѣсили обоихъ стрѣлецкихъ головъ, посланныхъ къ нимъ для сговора, какъ тогда говорилось. Неудачно окончили свое посольство съ такими же увѣщаніями двое стрѣлецкихъ офицеровъ, которыхъ послѣ того Прозоровскій послалъ въ Яикъ изъ Саратова. Одинъ изъ нихъ, пятидесятникъ, воротился къ воеводѣ извѣстить, что другаго его товарища Стенька ночью убилъ и бросилъ тѣло его въ воду ([11]).

23 марта 1668 года удалые выступили въ море и съ-тѣхъ поръ больше года въ Руси не знали навѣрное, гдѣ они обрѣтаются; слышали только отъ

([10]) «Акт. истор.» IV, 381.

([11]) Матер. 25 — 26. — «Ист. войска донск. Ригельм.» 59.

разныхъ лицъ, что они гуляютъ по морю и громятъ Персидское Царство, а другіе говорили, что отдались персидскому шаху въ подданство.

Тѣмъ временемъ въ Астрахани перемѣнилось начальство и вмѣсто Хилкова прибылъ на воеводство бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій. Въ Яикъ посланъ голова Богданъ Сакмышевъ; но яицкіе жители взбунтовались и утопили его ([12]). На Дону примѣръ Стеньки заохотилъ многихъ, такъ что молодцы начали собираться въ станицы и пробираться на соединеніе съ своею братіею, которая отличалась на синемъ морѣ Хвалынскомъ. Въ апрѣлѣ 1669 года удалъ–добрый–молодецъ Серёжка Кривой переволокся на Волгу, прошелъ съ своею толпою мимо Царицына, мимо Чернаго Яра и поплылъ по Бузани; за нимъ, по слѣдамъ, плылъ письменный голова Григорій Авксентьевъ, посланный Прозоровскимъ. Онъ взялъ въ Красноярскѣ двѣ пушечки мѣдныя да три пушечки желѣзныя, и настигъ Серёжку, какъ тотъ поворотилъ въ протокъ Карабузанъ, и учинилъ онъ съ воровскими казаками бой и разбили его на-пропалую воровскіе казаки. Сто человѣкъ стрѣльцовъ передались къ нимъ добровольно, а самъ предводитель, Григорій Авксентьевъ, чуть ушелъ въ одной лодкѣ съ небольшимъ числомъ людей и извѣстилъ

([12]) Матер. 32. — «Ист. войска донск.» 60.

Прозоровскаго, что у Серёжки, по сметѣ, будетъ человѣкъ семьсотъ. Другіе офицеры — одинъ пятидесятникъ, другой родомъ нѣмецъ — попались въ плѣнъ. Серёжка привязалъ ихъ вверхъ ногами, колотилъ «ослопьемъ» и побросалъ въ воду, а потомъ уплылъ съ своими молодцами въ море и нагналъ Стеньку близь персидскаго города Раша (или Решта). Вслѣдъ затѣмъ въ донской землѣ составлялись и другія шайки: по Дону и по Хопру только и рѣчи было, какъ бы перебраться на Волгу, а оттуда погулять по морю. Изъ низовыхъ казачьихъ городовъ молодцы пробирались другимъ путемъ—по Кумѣ-рѣкѣ. Терскіе воеводы доносили, что явился какой-то Алёшка Протокинъ, а за нимъ двѣ тысячи конныхъ ведетъ Алёшка Каторжный, а за нимъ запорожецъ Бо̀ба съ четырьмя стами хохлачей. Вѣсть объ удальствѣ Стеньки Разина достигла уже средоточія казацкаго міра— Запорожья ([13]).

V.

Стенька сначала поплылъ къ берегамъ Дагестана. Казаки чинили неистовыя мучительства надъ дагестанскими татарами. Этотъ народъ, подвластный персидскому шаху и управляемый своими князьями,

---

([13]) «Акт. истор.» IV, 386. — Матер. 29.

былъ свирѣпъ и давно уже возбуждалъ вражду въ русскомъ мірѣ. Негостепріименъ былъ берегъ Дагестана. Никакія права человѣческія не спасали тамъ торговца или путешественника; мало того, что его обирали, но еще и самого обращали въ рабство и продавали изъ рукъ въ руки, какъ скотину. Торгъ рабами билъ главнымъ промысломъ дагестанскихъ рынковъ. Безчеловѣчно было здѣсь обращеніе съ рабами, особенно съ христіанами. Въ своемъ мусульманскомъ фанатизмѣ татары принуждали ихъ къ принятію своей вѣры и за сопротивленіе мучили. Казаки знали это и ненавидѣли ихъ тѣмъ болѣе, что у казаковъ, несмотря на ихъ грубость и варварство, рабства не было: всякій холопъ, прибѣжавшій на Донъ, дѣлался вольнымъ человѣкомъ.

Казаки напали на Тарки, но не могли взять ихъ. Они три дня грабили ихъ окрестности и отправились къ Дербенту ([1]). Здѣсь былъ главный приморскій рынокъ для торговли невольниками. Дербентъ раздѣлялся на три части: верхній городъ, укрѣпленный высокою и толстою стѣною, удержался; но низменную часть казаки такъ разорили, что чрезъ два года потомъ она представляла безлюдную и безобразную груду развалинъ. Весь берегъ отъ Дербента до Баку былъ страшно опустошенъ. Казаки сожигали села

([1]) «Stenko Raz.» 19.

и деревни, замучивали жителей, дуванили ихъ имущества. Жители не предвидѣли этой бѣды и разбѣгались; казакамъ легко доставалась добыча: погромивъ городъ Шабранъ, они со стороны жителей встрѣтили такой ничтожный отпоръ, что сами потеряли только тринадцать человѣкъ. Плавая вдоль берега, налетомъ они наскакивали на поселенія, дѣлали свое дѣло и опять бросались на суда. Такъ достигли они до Баку, и здѣсь имъ удалось разорить посадъ, перебить много жителей, разграбить имущества, набрать плѣнныхъ и потерять не болѣе семи человѣкъ убитыми и двухъ раненными. Въ іюлѣ они достигли Гилянскаго Залива. Здѣсь они узнали, что изъ города Раша (или Решта) ихъ готова встрѣтить вооруженная сила. Стенька пустился на хитрости. Онъ вступилъ въ переговоры съ персіянами.

— Вы напрасно хотите съ нами драться, говорили казаки:—мы убѣжали отъ московскаго государя и пришли въ вашу землю просить его величество шаха принять насъ подъ высокую руку въ подданство. Мы слышали, что въ персидскихъ земляхъ всѣ пользуются справедливостью и мудростью правленія; мы хотимъ отправить въ Испагань нашихъ пословъ просить шаха отвести намъ земли для поселенія на рѣкѣ Ленкурѣ.

Послѣ того состоянія, въ какомъ казаки оставили дагестанскіе берега, казалось, имъ было трудно на-

дѣяться на довѣріе къ себѣ; но Будар-ханъ, начальникъ Раша, согласился на мировую. Вѣроятно, предложеніе казаковъ пріятно защекотало чванное самолюбіе восточной политики, которая всегда славилась и тѣшилась тѣмъ, что чужіе народы, заслышавъ о премудрости правителя, отдаются ему добровольно въ рабство. Казаки взяли отъ рашскаго хана Будара заложниковъ и сами послали трехъ (по другимъ, пять) молодцовъ въ Испагань предлагать подданство. Будар-ханъ позволилъ имъ пристать къ берегу, входить въ городъ и давалъ имъ содержаніе въ день—по однимъ извѣстіямъ, сто пятьдесятъ рублей (2), по другимъ—двѣсти (3).

Казацкихъ посланниковъ въ Испагани приняли сперва благосклонно, только правительство не соглашалось отвести имъ земли именно на рѣкѣ Ленкурѣ. Въ то время московское посольство представляло персидскому правительству, что пребывшіе казаки—разбойники, и приглашало дѣйствовать противъ нихъ оружіемъ. Пока разсуждали въ Испагани, что̀ дѣлать, Будар-хану подтвердили, чтобъ онъ выдавалъ казакамъ содержаніе, пока шахъ не рѣшитъ ихъ судьбы. Но гости скоро повздорили съ хозяевами. По всему видно, сюда слѣдуетъ отнести случай, о

---

(2) Матер. 30.
(3) «Акт. истор.» IV, 340.

которомъ послѣ сами казаки разсказывали въ Астрахани нѣмцамъ, а нѣмцы отнесли его къ Баку. Казаки напали на большой запасъ хорошаго вина, котораго пить не привыкли; они такъ натянулись, что падали безъ чувствъ. Жители увидѣли это, и такъ-какъ вино вѣрно было не куплено казаками, то и напали на казаковъ. Застигнутые врасплохъ, удальцы бросились бѣжать къ своимъ стругамъ; но четыреста человѣкъ изъ нихъ были убиты и захвачены въ плѣнъ. Самого атамана чуть-было не убили; подчиненные закрыли его своими грудьми и вынесли изъ бѣды. Этотъ случай отнесенъ Страусомъ, въ его путешествіи, къ Баку; но, кажется, онъ происходилъ въ Рашѣ: тѣ казаки, которые послѣ ѣздили въ Москву послами отъ Стеньки Разина, разсказывали, что шаховы люди въ мирное время напали на нихъ въ Рашѣ и много казаковъ побили и полонили [4]; сверхъ-того, въ тотъ же годъ, какъ это случилось, одинъ пріѣзжій изъ Шемахи разсказывалъ въ Астрахани, что казаки потерпѣли отъ персіянъ и потеряли четыреста человѣкъ: онъ относилъ это дѣло къ Рашу, а не къ Баку.

Казаки снялись на своихъ стругахъ и поплыли къ Фарабату. Казаки взяли этотъ городъ, сожгли до основанія, разграбили имущества, перебили много

([4]) «Straus Reise», 251—252. Матер. 58.

жителей, набрали много плѣнниковъ и сожгли увеселительные шаховы дворцы, выстроенные на берегу моря. Дѣло произошло такъ: Стенька послалъ къ жителямъ извѣстить, что казаки прибыли для торговли и просятъ впустить ихъ. Въ Фарабатѣ, вѣроятно, не хорошо знали, что́ казаки дѣлали въ Дагестанѣ, и впустили ихъ. Пять дней торговыя сношенія шли самымъ дружелюбнымъ образомъ; на шестой Стенька, напередъ условившись съ своими удальцами, далъ имъ знакъ, поправивъ на головѣ шапку: удальцы бросились на жителей, которые не пришли въ себя отъ страха, и тутъ-то казаки учинили свою страшную расправу. Этотъ случай относятъ къ Фарабату (5). Но современникъ говоритъ, что подобные поступки Стенька дѣлалъ не одинъ разъ и не въ одномъ мѣстѣ, путешествуя по берегамъ Каспiйскаго Моря (6).

И прежде у нихъ было много плѣнниковъ—теперь стало еще больше. Стенька съ своимъ войскомъ остановился на островѣ, гдѣ былъ тоже дворецъ шаха, сдѣлалъ тамъ деревянный городокъ, прокопалъ земляной валъ и сталъ тамъ зимовать, а между-тѣмъ объявилъ персiянамъ, чтобъ они приводили къ нему христiанскихъ невольниковъ, а казаки имъ будутъ отдавать плѣнныхъ персiянъ. За трехъ и четырехъ хри-

(5) «Ист. возм. Ст. Раз.» Попова, 84.
(6) Relation. 6.

стіанъ давали по одному персіянину: видно, плѣнниковъ у казаковъ гораздо было меньше, чѣмъ христіанскихъ невольниковъ у персіянъ. Многіе освобожденные христіане поступали въ ряды казаковъ, и тогда казаки могли величаться, что они вовсе не разбойники, а рыцари, и сражаются за вѣру и свободу своихъ братьевъ по вѣрѣ и племени.

Когда такимъ-образомъ казаки проводили зиму на островѣ и повременамъ набѣгали на сосѣдніе острова, въ Персіи строили флотъ изъ есаульныхъ струговъ, подъ надзоромъ какого-то нѣмца, и думали съ этимъ флотомъ идти укрощать казаковъ. Но прежде чѣмъ приготовленныя силы могли явиться къ гостямъ, послѣдніе, съ наступленіемъ весны, поплыли къ трухменской землѣ, на восточный берегъ Каспія. Тамъ они погромили трухменскіе улусы; но въ одной стычкѣ съ непріятелемъ убитъ неустрашимый товарищъ Стеньки, Серёжка-Кривой. Съ трухменскаго берега казаки поплыли къ Свиному Острову и установились на немъ. Десять недѣль пробыли они на этомъ островѣ и дѣлали набѣги на берегъ для добыванія пищи. Въ іюлѣ явилась давно-жданная сила, которую шахъ цѣлую зиму и весну готовилъ на пришлецовъ. Было семьдесятъ судовъ; въ нихъ, по извѣстію современниковъ, было 3700 или 4000 персіянъ и наемныхъ горныхъ черкесъ. Начальствовалъ надъ ними астаранскій Менеды-ханъ. Съ нимъ въ походѣ былъ

сынъ его и красавица-дочь. Завязалась кровопролитная битва. Закатисто стрѣляли казаки враговъ своихъ; потоплены и взяты въ плѣнъ персидскія сандали, какъ назывались эти легкія суда; только три струга убѣжали съ несчастнымъ ханомъ; но казаки полонили его сына, Шабынь-Дебея, и красавицу — сестру его. Стенька взялъ себѣ въ наложницы персіянку.

Эта битва утвердила славу Стеньки въ удаломъ мірѣ; она и до-сихъ-поръ славится въ пѣснѣ, гдѣ народная фантазія соединила Стеньку съ Ильею Муромцемъ:

Ужь какъ по морю, по морю синему,
По синему морю, по Хвалынскому,
Туда плыветъ Соколъ-корабль;
Тридцать лѣтъ корабль на якорѣ не стаивалъ,
Къ крутому бережку не причаливалъ,
И онъ желтаго песку въ глаза не видывалъ,
И бока-то сведены по-туриному,
И носъ да корма по-змѣиному;
Атаманъ былъ на немъ Стенька Разинъ самъ,
Есауломъ былъ Илья Муромецъ;
А на Муромцѣ кафтанъ рудожелтый цвѣтомъ,
На кафтанѣ были пуговки злаченыя,
А на каждой-то пуговкѣ по лютому льву;
И напали на Соколъ-корабль разбойнички:
Ужь какъ злые-то татары съ персіянами.
И хотятъ они Соколъ-корабль разбить, разгромить,
Илью Муромца хотятъ въ полонъ полонить.
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,

Своей тросточкой по пуговицамъ поваживаетъ;
Его пуговки златыя разгорѣлись,
Его люты львы разревѣлись;
Ужь какъ злые-то татары испугалися,
Во сине море татары побросалися.

Однако побѣда досталась казакамъ недешево. Въ послѣднее время у нихъ выбыло до пятисотъ человѣкъ. Если первый разъ и удалось казачеству такъ славно отдѣлаться, то нельзя было ручаться, чтобъ такъ же удачно они разсчитались съ персіянами, если шахъ, раздражившись этою неудачею, рѣшится во что бы ни стало очистить Каспійское Море отъ гостей. Казацкое войско все убавлялось, а персіянъ могло явиться въ десять разъ больше, чѣмъ отрядъ разбитаго хана. Благоразумно было воротиться заранѣе на тихій Донъ съ большою добычею и богатствомъ, чѣмъ все это потерять, если, засидѣвшись на морѣ, дождутся они новыхъ противъ себя ополченій. У Стеньки были свои планы: ему нужно было обогатиться, чтобъ потомъ привлекать себѣ корыстью новыя толпы; ему нужна была слава въ отечествѣ. Теперь онъ все пріобрѣлъ; но одно пораженіе могло у него отнять и добычу и славу, и пронеслась бы эта слава безъ слѣда. Притомъ же, ка́къ ни были казаки богаты персидскими тканями, золотомъ и всякими узорочьями, а хлѣба у нихъ недоставало; пуще же всего одолѣвало ихъ то, что имъ

не́где было достать свѣжей воды, и они часто пили соленую; отъ этого между ними распространилась болѣзнь, и многіе умирали.

И вотъ —

Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полѣ,
Да еще какъ подалѣй на синемъ морѣ,
Какъ на синемъ морѣ было на Хвалынскомъ,
Что на славномъ было островѣ на персидскомъ,
Собирались музуры добры молодцы;
Они думушку гадали всѣ великую,
Думу крѣпкую, гадали заединую:
Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть?
Да кому изъ насъ, ребятушки, есауломъ слыть?
Атаманомъ быть — Степану Тимоѳеевичу,
Есауломъ быть Василію Никитичу.
Атаманъ рѣчь возговоритъ, какъ въ трубу трубитъ,
Есаулъ-то рѣчь возговоритъ, какъ въ свирѣль игратъ,
Не пора ли намъ, ребята, со синя моря
Что на матушку на Волгу, на быстру рѣку?

Два пути имъ представлялось для возврата въ отечество: обратно черезъ Волгу, или черезъ Куму. Они выбрали первый, потому-что у нихъ недоставало припасовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ они хотѣли узнать: не пошлетъ ли имъ царь милостивой грамматы, какъ Стенька сказалъ донскимъ казакамъ въ Яикѣ. Впрочемъ, они не оставляли намѣренія поворотить и на другой путь, если нужно будетъ ([7]).

([7]) «Матер.» 30 — 35. «Ист. войска донск.» 60. «Straus Reise» 251. «Relation» 6.

VI.

Десять дней плыли казаки отъ Свинаго Острова до устья Волги и 7-го августа 1669 года ночью напали на учугъ Басаргу, принадлежавшій астраханскому митрополиту. Они набрали тамъ для себя икры, рыбы, вязиги, взяли кое-что изъ снастей, буравовъ, неводовъ, багровъ, вѣроятно, чтобъ самимъ ловить рыбу, въ случаѣ нужды, когда придется воротиться въ море, и покинули нѣсколькихъ плѣнныхъ (яссыръ), и какую-то церковную утварь (въ тайкѣ заверчена) (1): быть-можетъ, эта утварь была когда-нибудь ограблена мусульманами и теперь казаки, отнявъ у мусульманъ, возвращали ее въ церковное вѣдомство, какъ-бы въ заплату за то, что́ взяли для себя на учугѣ (2). Они немедленно повернули въ море, услышавъ, что изъ Персіи идетъ къ Астрахани большая купеческая буса.

Шло разомъ двѣ бусы. Одна изъ нихъ была нагружена товарами персидскаго купца Мухаммеда-Кулибека; на другой везли дорогихъ аргамаковъ: то были любительныя поминки персидскаго шаха русскому государю. Казаки напали на первую бусу, ограбили ее, взяли въ полонъ хозяйскаго сына Се-

---

(1) «Акт. истор.» IV, 397.
(2) Тамъ же.

хамбета и требовали за него выкупу пять тысячъ рублей. Отецъ съ терскими стрѣльцами, провожавшими бусу, прибѣжалъ съ вѣстью въ Астрахань (3).

Во все время, когда казаки гуляли по Каспію, по устью Волги плавали служилые люди и провѣдывали, не возвращаются ли удальцы, чтобъ тотчасъ, какъ узнаютъ, дать знать воеводамъ въ Астрахань (4). Астраханское начальство готовилось гораздо-милостивѣе встрѣтить казаковъ, чѣмъ слѣдовало по заслугамъ. Воеводы заранѣе выправили такую милостивую граммату отъ имени царя, которая давала прощеніе казакамъ, если они принесутъ повинную. Нѣсколько причинъ разомъ располагало ихъ къ такому великодушію: во-первыхъ, походъ Стеньки произвелъ сочувствіе на Дону: слишкомъ суровое обращеніе съ казаками могло раздражить донцовъ; во-вторыхъ, астраханскіе воеводы не могли положиться на свои силы; переходъ на сторону воровскихъ казаковъ, стрѣльцовъ и чернаго люда заставлялъ побаиваться, чтобъ и въ Астрахани не повторилось то же въ бо́льшемъ размѣрѣ; втретьихъ, походъ Стеньки приносилъ пользу воеводамъ: воеводы знали, что порядочная часть добычи перейдетъ имъ на поминки. Что же касается до разоренія персидскихъ бе-

(3) «Матер.» 35.
(4) «Акт. истор.» IV, 387.

реговъ, то вѣдь и русскіе терпѣли тоже отъ своевольства персидскихъ подданныхъ: почему же и персидскимъ не потерпѣть отъ русскихъ? Казацкій походъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ возмездіемъ; казаки доказывали это, приводя съ собой освобожденныхъ плѣнниковъ. Только-что передъ возвратомъ Стеньки астраханскіе воеводы получили извѣстіе, что антіохійскій патріархъ, возвращаясь изъ Москвы черезъ персидскія владѣнія, былъ ограбленъ въ Шемахѣ тамошнимъ ханомъ: ханъ отобралъ у него разныя драгоцѣнности и выплатилъ по той цѣнѣ, какую самъ ему назначилъ. Въ Дербентѣ другой ханъ ругался надъ русскимъ гонцомъ и приказалъ ему отвести для помѣщенія скотскій загонъ; наконецъ, въ Персіи убили, въ ссорѣ, родственника русскаго посланника, который умеръ съ тоски отъ дурнаго съ нимъ обращенія. Нѣкоторымъ образомъ Стенька отплачивалъ за оскорбленія, нанесенныя Россіи, а Россія не нарушала согласія съ Персіею, сваливая разореніе береговъ ея на своевольныхъ казаковъ ([5]).

Такъ приготовлялись астраханскіе воеводы встрѣтить Стеньку и давно уже его ждали. Вдругъ прибѣгаютъ въ Астрахань рабочіе съ митрополичьяго учуга и объявляютъ о появленіи казаковъ. Затѣмъ вслѣдъ явился въ Астрахань персидскій купецъ, хозяинъ

([5]) «Матер.» 57—58.

ограбленной бусы. Прозоровскій въ тотъ же день отрядилъ своего товарища, князя Семена Ивановича Львова, съ четырьмя тысячами вооруженныхъ стрѣльцовъ на тридцати-шести стругахъ ([6]). Семенъ Ивановичъ поплылъ скоро; онъ намѣревался вступить съ казаками и въ бой, если нужно будетъ; но у него была царская милостивая граммата. Казаки, ограбивъ бусу, заложили станъ на островѣ Четырехъ-Бугровъ, при концѣ устья Волги. Мѣсто было очень-удобное для защиты: островъ высокъ, берега каменисты; кругомъ все обросло камышами; оставался одинъ небольшой свободный входъ для судовъ. Они ожидали астраханцевъ и готовились поступить, какъ покажутъ обстоятельства. Будетъ возможно — рѣшили они въ кругѣ — бой дадимъ, а если увидимъ, что не сладимъ — уберемся и пройдемъ по Кумѣ домой, да еще отгонимъ лошадей у черкесъ, по дорогѣ.

Когда казаки завидѣли, что противъ нихъ выплываетъ изъ Волги сильное войско, то снялись и убѣжали въ море. Львовъ погнался за ними, гнался двадцать верстъ, наконецъ, когда, какъ видно, гребцы его утомились, Львовъ долженъ былъ остановиться. Онъ послалъ къ казакамъ Никиту Скрипицына съ государевой грамматой и далъ ему словесныя условія.

([6]) «Straus Reise» 248.

Скрипицынъ дошелъ до казаковъ и, вручивъ имъ граммату, говорилъ:

— Вамъ ничего не будетъ; вы пойдете-себѣ спокойно домой на Донъ, если отдадите пушки, которыя побрали на Волгѣ въ насадѣ и въ Яикѣ-городкѣ, также отдадите морскіе струги, отпустите служилыхъ людей, что̀ забрали съ собою на Волгѣ и въ Яикѣ-городкѣ, и пришлете князю Семену Ивановичу купеческаго сына Сехамбета и прочихъ плѣнниковъ.

Казакамъ кстати было такое предложеніе. Болѣзни, которыя начались у нихъ на морѣ, похищали каждый день ихъ братью. Они повернули назадъ къ Четыремъ-Буграмъ, а князь Львовъ растянулъ свою флотилію и заступилъ имъ входъ въ море. Стенька послалъ къ нему двоихъ казаковъ.

Они говорили:

— Просимъ отъ всего нашего казацкаго войска, чтобъ великій государь велѣлъ, противъ своей милостивой грамматы, насъ отпустить на Донъ со всѣми пожитками, а мы за то рады служить и головами платить, гдѣ великій государь укажетъ. Пушки отдадимъ и служилыхъ отпустимъ въ Астрахань; струги отдадимъ въ Царицынѣ, когда по Волгѣ доплывемъ до того мѣста, гдѣ надобно будетъ на Донъ переволакиваться; а о купчининомъ сынѣ Сехамбетѣ, что̀ требовалъ Скрипицынъ, мы подумаемъ, потому-что онъ у насъ сидитъ въ откупу въ пяти тысячахъ рубляхъ.

Львовъ привелъ посланцевъ Стеньки къ присягѣ, чтобъ казаки исполнили въ-точности обѣщаніе. Послѣ этихъ обрядовъ, воевода поворотилъ съ своимъ войскомъ, поплылъ въ Астрахань, а за нимъ плылъ Стенька съ своими казаками. Когда они доплыли до Астрахани, Стенька отдалъ князю Львову купеческаго сына за окупъ, который князь долженъ былъ выдать изъ приказной палаты (7).

VII.

Казаки проплыли мимо Астрахани и пристали къ Болдинскому Устью. Самъ Стенька съ главными казаками прибылъ въ городъ и въ приказной избѣ положилъ, въ знакъ послушанія, свой бунчукъ — символъ власти. Казаки тутъ же отдали пять мѣдныхъ и шестнадцать желѣзныхъ пушекъ, отдали ханскаго сына, взятаго въ сраженіи близь Свинаго Острова, одного персидскаго офицера, взятаго въ Фарабатѣ, и трехъ военныхъ персіянъ. Этимъ хотѣли казаки показать, что вотъ они отдаютъ плѣнныхъ персіянъ; но въ-самомъ-дѣлѣ они отдавали только ничтожное число изъ того, сколько у нихъ сидѣло на судахъ.

— Мы бьемъ челомъ, сказалъ Стенька: — великому государю, чтобъ великій государь пожаловалъ насъ, велѣлъ вины наши намъ простить и отпустить

(7) «Матер.» 36.

насъ на Донъ противъ государевой грамматы; а мы желаемъ выбрать шесть человѣкъ казаковъ и послать въ Москву добить ему великому государю челомъ и головами своими.

Прозоровскій согласился, и выбраны были станичный атаманъ Лазарь Тимоѳеевъ да есаулъ Михайло Ярославовъ съ пятью человѣками и отправлены въ Москву.

Современное сказаніе говоритъ, что Стенька, въ порывѣ своей преданности великому государю, говорилъ, что казаки подклоняютъ его царскому величеству острова, которые завоевали саблею у персидскаго шаха. Разинъ поднесъ самому воеводѣ поминки изъ дорогихъ персидскихъ тканей [1]: безъ того нельзя было обойтись по обычаямъ.

Послѣ того еще нѣсколько разъ были переговоры съ воеводами. Послѣдніе замѣтили, что казаки только показываютъ для вида, будто исполняютъ условія: они не отдали всѣхъ плѣнниковъ. Тѣ изъ казаковъ, чтó были посланы въ Москву, сознавались, что у нихъ осталось девяносто-пять человѣкъ персіянъ, бухарцевъ и трухменцевъ, и, вѣроятно, ихъ было еще больше того, сколько показывали сами казаки. Равнымъ образомъ у нихъ оставались пушки; тѣ же самые казаки говорили, что послѣ сраженія подъ

---

[1] «Москвитянинъ», 1841, ч. IV, 168.

Свинымъ Островомъ имъ достались тридцать-три пушки.

Воеводы напоминали Стенькѣ о его обязанностяхъ.

— Вы должны, говорили они: — отдать сполна всѣ дары, которые пограбили у шахова купчины Мухаммеда-Кулибека, что́ онъ везъ великому государю, а также и всякіе пограбленные пожитки и всѣхъ полонныхъ людей шаховой области.

Стенька отвѣчалъ:

— Бьемъ челомъ великому государю: — этого сдѣлать нельзя. Товары, которые мы побрали на возморьѣ съ бусы, подуванены. Иное продано, иное ужь и въ платье передѣлано. Ни коимъ образомъ собрать всего нельзя, а за то за все мы идемъ къ великому государю и будемъ платить головами своими. А что ты, воевода, говоришь о полонѣ, что мы брали съ шаховой области, такъ это досталось намъ саблею и есть наше прямое достояніе: наши братья за то въ шаховой области побиты и взяты въ неволю. Да и много ли того полону? На пять, на десять человѣкъ одинъ полонянникъ приходится! Этого отдавать намъ не привелось.

— Вы не отдали всѣхъ пушекъ, что́ забрали по Волгѣ и въ Яикѣ, и не отпустили служилыхъ, сказали воеводы.

Стенька отвѣчалъ:

— Мы уже выдали вамъ пушки; а остальныя намъ

нужны на степи, какъ пойдемъ отъ Царицына до донскаго городка Паншина. Мѣсто тамъ непроходное; нападутъ крымскіе, азовскіе и всякіе военные люди: надобно же намъ чѣмъ-нибудь обороняться; а какъ въ Паншинъ прибудемъ, то и пушки въ Царицынъ пришлемъ, а служилыхъ мы неволею не держимъ: кто хочетъ, пусть идетъ куда ему любо.

— Отдайте струги, въ которыхъ плавали по морю, а мы вамъ дадимъ рѣчные струги, сказали воеводы.

Стенька отвѣчалъ:

— Струги отдадимъ. Тринадцать струговъ есть.

— Да еще, сказали воеводы: — слѣдуетъ сдѣлать перепись всему казацкому войску.

Стенька отвѣчалъ, возвысивъ голосъ:

— По нашимъ казацкимъ правамъ не повелось казакамъ перепись дѣлать; ни на Дону, ни на Яикѣ того не было, и въ государевой грамматѣ того не написано, что́ вы, воеводы, говорите. А также и того не написано, чтобъ намъ рухлядь нашу и пушки отдавать.

Воеводы, повидимому, имѣли возможность быть настойчивѣе; но они совершенно сдались на отговорки Стеньки.

Родственники и знакомые взятыхъ казаками въ плѣнъ персіянъ обратились къ воеводамъ для возвращенія своихъ земляковъ, родныхъ и пограбленныхъ имуществъ. Они полагали, что такъ-какъ казаки уже

въ рукахъ начальства, то послѣднее, по-возможности, постарается вознаградить потери, которыя они надѣлали своими разбоями. Воеводы сказали имъ въ приказной избѣ:

— Неволею мы не смѣемъ противъ государевой грамматы брать у казаковъ безъ окупа полонянниковъ и товаровъ, которые они пограбили, чтобъ они вновь воровства не учинили и къ нимъ-бы не пристали другіе люди, и отъ того и вамъ была-бъ бѣда; поэтому вы можете выкупать у нихъ полонянниковъ; а все, что́ мы можемъ для васъ сдѣлать, это то́, что вы будете ихъ выкупать безпошлинно (²).

— Какъ же это можно? возражали персіяне: — ихъ слѣдуетъ казнить, какъ разбойниковъ, а вы не спрашиваете съ нихъ пограбленнаго?

Воеводы отвѣчали:

— Эти казаки — холопы великаго государя, а не разбойники; уже вина имъ отдана; что̀ взяли они грабежомъ — яссыръ и имущества на войнѣ, такъ это зачтено имъ въ жалованье и до того нѣтъ никому дѣла.

Воеводы не осмѣлились взять у казаковъ и даровъ, которые персіяне везли къ царю, не взяли даже аргамаковъ, которые уже впослѣдствіи найдены у Стеньки. Необыкновенная сила воли, все преклоняв-

---

(²) «Матер.» 42.

шая передъ Стенькою и даровавшая ему званіе волшебника, казалось, покорила ему и воеводъ. Они подружились съ Стенькой и каждый день то звали его къ себѣ, то отправлялись къ нему, ѣли, пили, прохлаждались вмѣстѣ ([3]). Не мало Стенька расположилъ ихъ къ себѣ своею щедростью — а воеводы тогда были лакомы... Современное сказаніе говоритъ, что одинъ изъ воеводъ (неизвѣстно кто, Прозоровскій или Львовъ) пришелъ къ Разину на судно. Атаманъ велъ веселую бесѣду съ товарищами. На плечахъ его блистала великолѣпная соболья шуба, покрытая драгоцѣннымъ персидскимъ златоглавомъ. У воеводы разбѣжались на нее глаза, и онъ сталъ просить себѣ шубу. Разинъ отказалъ ему и укорилъ его въ жадности. Воевода сказалъ:

— Атаманъ, знаешь ли: не надобно нами пренебрегать; вѣдь мы въ Москвѣ можемъ для тебя и доброе и злое устроить.

Разинъ грозно взглянулъ на воеводу, скинулъ шубу и, отдавъ ему, сказалъ:

— Возьми, братецъ, шубу; только-бъ не было въ ней шуму!

Воевода (говоритъ это сказаніе) не побоялся шуму и ушелъ въ городъ; а казаки, смотря на него, зубами скрежатали ([4]).

([3]) «Русск. Бес.» № 2, 1857, 100.

([4]) «Москвитянинъ» 1841.

Хотя сказаніе, передающее этотъ случай, изобилуетъ анахронизмами, но подобное извѣстіе можно почитать вѣроятнымъ, ибо черты остаются въ памяти народной долѣе, чѣмъ связь событій, и онѣ совершенно въ духѣ того времени.

Народная пѣсня разсказываетъ, что воеводы въ Астрахани и рады были бы доканать Стеньку, да не могли: ни пушки, ни ружья его не брали, а хоть и удалось было заманить чернокнижника чрезъ приманку красавицы-Маши, но Стенька освободился затѣйливымъ образомъ, посредствомъ стакана воды.

Ужь вы горы, мои горы!
Прикажите-ка вы, горы,
Подъ собой намъ постояти;
Намъ не годъ-то годовати,
Не недѣлюшку стояти —
Одну ночку ночевати,
И тою намъ всю не спати,
Легки ружья заряжати,
Чтобы Астрахань намъ городъ
Во глуху полночь проѣхать,
Чтобъ никто насъ не увидѣлъ,
Чтобъ никто насъ не услышалъ.
Какъ увидѣлъ и услышалъ
Астраханскій воевода.
Приказалъ же воевода
Сорокъ пушекъ заряжати,
Въ Стеньку Разина стрѣляти:
Ваши пушки меня не возьмутъ,
Легки ружьица не проймутъ;

Ужъ какъ возьметъ ли не возьметъ
Астраханска дѣвка Маша.
По бережку Маша ходитъ,
Шелко́выимъ платкомъ машетъ,
Шелковы́мъ платкомъ махала,
Стеньку Разина прельщала;
Стеньку Разина прельстила,
Къ себѣ въ гости заманила,
За убранъ столъ посадила,
Пивомъ, медомъ угостила
И до пьяна напоила,
На кровать спать положила,
И начальству объявила.
Какъ пришли къ нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что́ сковали руки, ноги
Желѣзными кандалами,
Посадили-же да Стеньку
Во желѣзную во клѣтку,
Три дни по Астрахани возили,
Три дни съ голоду морили.
Попросилъ же у нихъ Стенька
Хоть стаканъ воды напиться
И во клѣткѣ окатиться.
Онъ во клѣткѣ окатился —
И на Волгѣ очутился!

Казаки провели подъ Астраханью десять дней и каждый день ходили по городу. Открылась дѣятельная торговля между ними и астраханцами; она была выгодна для послѣднихъ. Фунтъ шелка продавался за восьмнадцать денегъ, и многіе русскіе, армяне, персіяне, живущіе въ Астрахани, въ нѣсколько

дней составили себѣ состояніе. «Я самъ (говоритъ голландецъ, бывшій въ русской службѣ) купилъ за сорокъ рублей огромную золотую цѣпь, величиною въ сажень; за каждымъ золотымъ кольцомъ было по пяти драгоцѣнныхъ камней (достоинство покупки, вѣроятно, преувеличено) (5). Всѣ казаки были одѣты въ шелковыя, бархатныя одежды; жемчугъ и драгоцѣнные камни, въ видѣ вѣнцовъ, украшали ихъ шапки. Атаманъ ничѣмъ отъ нихъ не отличался, кромѣ своего могучаго вида и почтенія, какое ему всѣ оказывали. Передъ нимъ не только снимали шапки, но становились на колѣни и кланялись до земли. Всѣ величали его «батюшка, батюшка!» Расхаживая промежь народомъ, онъ со всѣми ласково и привѣтливо говорилъ, сыпалъ щедро золотомъ и серебромъ, не отказывалъ нуждающимся, и всѣ съ восторгомъ хвалили его; онъ такимъ образомъ заранѣе пріобрѣлъ расположеніе астраханской черни (6). Толпа народа съ любопытствомъ стекалась къ казачьимъ стругамъ и изумлялась, видя, что на атаманскомъ стругѣ, носившемъ, по извѣстіямъ народныхъ пѣсенъ, названіе Сокола, были веревки и канаты свиты изъ шелка, а паруса́ сдѣланы изъ дорогихъ персидскихъ тканей. Приходили къ Стенькѣ нѣмцы, изготовлявшіе, по

---

(5) «Straus Reise», 250.
(6) «Stephan Razin», 20.

приказу воеводы, рѣчные струги для казаковъ. Они принесли къ нему на гостинецъ двѣ стклянки русской водки. Стенька сидѣлъ съ своими чиновниками въ шатрѣ.

— Хорошо, хорошо! сказалъ онъ, увидя ихъ съ водкою:—спасибо. А мы, какъ были на морѣ, такъ водки и въ глаза не видали, не то, чтобъ отвѣдать. Чтó вы за люди?

Тѣ отвѣчали:

— Мы нѣмцы, находимся въ службѣ его царскаго величества на кораблѣ, который пущенъ въ Каспій-ское Море. Мы пришли отдать поклонъ атаману и всему благородному казачеству и принесли на гостинецъ двѣ стскляницы водки.

Стенька далъ знакъ, чтобъ они сѣли, и при нихъ же налилъ водки и выпилъ, сказавъ:

— Пью за здоровье его царскаго величества великаго государя!

«О какими лживыми устами, о, съ какимъ коварнымъ сердцемъ произнесъ онъ эти слова!» говоритъ свидѣтель.

На другой день тѣмъ же нѣмцамъ случилось быть свидѣтелями, кáкъ Стенька съ товарищами кутилъ на стругѣ и катался по Волгѣ.

Казаки пили, ѣли, прохлаждались.

Возлѣ Стеньки сидѣла его любовница, плѣнная персидская княжна. Она была одѣта великолѣпно, въ

вышитое золотомъ и серебромъ платье; жемчуги, брильянты и разные драгоцѣнные камни придавали блеску ея природной, ослѣпительной красотѣ. Уже замѣчали, что она начала пріобрѣтать силу надъ необузданнымъ сердцемъ атамана. Вдругъ, упившись до ярости, Стенька вскакиваетъ съ своего мѣста, неистово подходитъ къ окраинѣ струга и, обращаясь къ Волгѣ, говоритъ:

— Ахъ ты Волга-матушка, рѣка великая! много ты дала мнѣ и злата, и серебра, и всего добраго; какъ отецъ и мать, славою и честью меня надѣлила, а я тебя еще ничѣмъ не поблагодарилъ; на́-жь тебѣ, возьми!

Онъ схватилъ княжну одной рукою за горло, другою за ноги и бросилъ въ волны.

А между-тѣмъ, тотъ же Стенька, наказывалъ строго другихъ за то, что́ себѣ позволялъ. Случилось, говоритъ тотъ же очевидецъ, что какой-то казакъ вступилъ въ связь съ чужою женою. Стенька приказалъ бросить его въ воду, а женщину повѣсить за ноги къ столбу, воткнутому въ водѣ (7). Этотъ случай заставляетъ подозрѣвать, что злодѣйскій поступокъ съ княжною не былъ только безполезнымъ порывомъ пьяной головы. Стенька, какъ видно, завелъ у себя запорожскій обычай: считать непозво-

---

(7) «Straus Reise», 251.

лительное обращеніе казака съ женщиною поступкомъ, достойнымъ смерти. Увлекшись самъ на время красотою плѣнницы, атаманъ, разумѣется, долженъ былъ возбудить укоры и негодованіе въ тѣхъ, которымъ не дозволялъ того, что̀ дозволилъ себѣ и; быть-можетъ, чтобъ показать другимъ, ка́къ мало онъ можетъ привязаться къ женщинѣ, пожертвовалъ бѣдною пярсіянкою своему вліянію на казацкую братію. Стенька былъ женатъ и имѣлъ дѣтей.

Что касается обращенія Стеньки къ Волгѣ, то здѣсь, какъ видно, Стенька вспомнилъ старое народное повѣрье бросить что-нибудь въ рѣку изъ благодарности послѣ водянаго пути—повѣрье, безъ-сомнѣнія, языческихъ временъ, когда рѣки представлялись въ воображеніи одушевленными существами. Такъ въ старинной пѣснѣ о Садкѣ, богатомъ гостѣ, Садко молодецъ, послѣ двѣнадцати лѣтъ странствованія по Волгѣ, захотѣлъ воротиться въ Новгородъ; онъ

Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой,
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ.
«А спасибо тебѣ, матушка Волга-рѣка;
А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
Никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой
И въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ!

Достойно замѣчанія то, что исторія несчастной плѣнницы, переданная потомству Страусомъ, сохранилась до-сихъ-поръ въ темныхъ сказочныхъ преда-

ніяхъ о Стенькѣ. «Плылъ (говоритъ народъ) Стенька по морю на своей чудесной кошмѣ, игралъ въ карты съ казаками, а подлѣ него сидѣла любовница, плѣнная персіянка. Вдругъ сдѣлалась ужасная буря. Товарищи и говорятъ ему:

— Это на насъ море разсердилось. Брось ему полонянку. Нéчего дѣлать.

Стенька бросилъ ее въ море, и буря утихла.

VIII.

Четвертаго сентября воеводы отправили казаковъ на Донъ: они дали имъ рѣчные струги, а казаки должны были оставить свои морскіе; но они ихъ не всѣ оставили, а взяли девять струговъ; ихъ провожать долженъ былъ жилецъ Леонтій Плохово до Царицына, а отъ Царицына до Паншина отрядъ въ пятьдесятъ стрѣльцовъ. Отпуская казаковъ, воеводы по формѣ проговорили имъ нравоученіе: чтобъ они на пути не подговаривали съ собою никого на Донъ и не принимали тѣхъ, кто станетъ къ нимъ приставать, дабы тѣмъ не навлечь гнѣвъ великаго государя.

Отплывъ до Чернаго Яра, Стенька услышалъ, что изъ Астрахани везутъ тѣхъ стрѣльцовъ, которые въ Яикѣ передались на сторону Стеньки, а когда казаки отплыли на море, убили своего начальника Сак-

мышева, присланнаго изъ Астрахани для занятія Яика, сами же поплыли на море, но были разбиты и взяты въ полонъ княземъ Львовымъ. Стенька послалъ къ начальникамъ этого отряда приказаніе явиться къ нему; есаулы, которые пришли съ этимъ требованіемъ, обращались очень невѣжливо; тѣмъ не менѣе, исполняя волю атамана, изъ отряда пришли къ нему сотникъ и пятидесятникъ. Стенька былъ тогда пьянъ. Онъ сначала обругалъ ихъ и грозно требовалъ, чтобъ къ нему отпустили всѣхъ тѣхъ, которые, принявъ его сторону, подвергались за то тюремному заключенію и теперь, какъ колодники, слѣдуютъ для опредѣленія въ иную службу; «иначе (говорилъ онъ) я возьму ихъ съ собою!» Однако, онъ мало-по-малу смягчился, сталъ ласковѣе и кончилъ тѣмъ, что попросилъ вина. Сотникъ привезъ ему три ведра, а Стенька отдарилъ его персидскими матеріями и сафьяномъ. Такъ же дружелюбно поступилъ онъ и съ казанскими стрѣльцами, которые съ нимъ встрѣтились на волжскомъ пути: голова отдѣлался тѣмъ, что подарилъ три бочки вина, а Стенька не толька не ограбилъ его, но еще и отдарилъ. Нѣсколько человѣкъ простыхъ стрѣльцовъ перебѣжало въ его шайку. Узнавъ объ этомъ, Леонтій Плохово замѣтилъ ему:

— Побойся Бога, атаманъ: ты скоро забываешь великую къ себѣ милость государя! Отпусти бѣг-

лыхъ, вороти служилыхъ, которые къ тебѣ перебѣжали.

— Этого у насъ, у казаковъ, никогда не водилось, чтобъ бѣглыхъ выдавать; а кто къ намъ придетъ, тотъ воленъ; мы никого не силуемъ: хочетъ— пусть прочь идетъ.

Когда Стенька прибылъ въ Царицынъ, къ нему пришла толпа донскихъ казаковъ жаловаться на воеводу.

Одинъ изъ нихъ говорилъ:

— Мы прiѣзжаемъ въ Царицынъ покупать соль, а онъ деретъ съ насъ по алтыну съ дуги.

— У меня отнялъ двѣ лошади съ саньми и хомутомъ, говорилъ другой.

— А у меня пищаль, говорилъ третiй.

Взбѣшенный Стенька прибѣжалъ къ воеводѣ въ приказную избу и требовалъ, чтобъ воевода тотчасъ вознаградилъ обиженныхъ казаковъ. Унковскiй не сталъ противорѣчить и заплатилъ все, что́ вымогалъ Стенька при своемъ проводникѣ.

— Смотри жь ты, воевода, сказалъ тогда Стенька:—если услышу я, что ты будешь обирать и притѣснять казаковъ, когда они прiѣдутъ сюда за солью, отнимать у нихъ лошадей и ружья да съ подводъ деньги брать, я тебя живаго не оставлю!

Воевода долженъ былъ выслушать это нравоученiе.

Но видя, что можно давать подобныя нравоученія, этимъ не ограничился Стенька. Онъ узналъ, что, ожидая его прибытія, Унковскій приказалъ на кружечномъ дворѣ продавать вино вдвое дороже. Это сдѣлано было, кажется, между-прочимъ, чтобъ не допустить казаковъ много пьянствовать. Самъ Прозоровскій предостерегалъ воеводъ черноярскаго и царицынскаго и писалъ къ нимъ, чтобъ они не продавали вина казакамъ. Столько же становился лютъ казакъ, когда его лишали вина, сколько дружелюбенъ, когда ему подносили его. Стенька съ казаками опять пришелъ на воеводскій дворъ. Воевода чуялъ на себя грозу и заперся въ приказной избѣ. «Выбивайте бревномъ дверь!» кричалъ Стенька. Унковскій заперся въ задней избѣ, а когда услышалъ, что казаки и туда ломятся, выскочилъ изъ окна и зашибъ себѣ ногу. Стенька искалъ его повсюду, бѣгалъ даже въ церковъ и кричалъ: «зарѣжу!» Но Унковскій куда-то запрятался. Стенька, не найдя его, съ досады велѣлъ отбить у тюрьмы замо́къ и выпустилъ колодниковъ, а казаки хвалились пустить по городу «краснаго пѣтуха» и перебить всѣхъ приказныхъ съ воеводою. Какой–то запорожецъ изъ ихъ шайки поймалъ-таки воеводу и оттрепалъ ему бороду.

Тогда казаки (неизвѣстно, съ позволенія ли Стеньки, или только ободренные его поступками) напали на два купеческіе струга, ограбили ихъ и схватили

сотника, который везъ царскую граммату: они бросили въ воду эту бумагу (1).

Между-тѣмъ, Прозоровскій уже узналъ, что прощенный милостивою царскою грамматою атаманъ опять подбиваетъ къ себѣ служилыхъ, и послалъ къ нему нѣмца Видероса.

— Бояринъ и воевода, говорилъ нѣмецъ:—присылаетъ тебѣ приказаніе немедленно отправить всѣхъ лишнихъ людей въ Астрахань, подъ опасеніемъ царской немилости. Увѣряю тебя, что въ другой разъ не такъ легко будетъ получить прощеніе, какъ въ первый, и, можетъ-быть, съ новыми грѣхами придется разомъ и за старые заплатить.

Стенька вспыхнулъ, по своему обычаю, прежде всего помянулъ родительницу нѣмца, потомъ схватился за саблю и чуть-было не перекрестилъ ею посланнаго.

— Ка́къ же ты смѣлъ, закричалъ онъ:—прійти ко мнѣ съ такими непочтительными рѣчами? Чтобъ я выдалъ друзей своихъ, которые ко мнѣ пристали ради любви и пріятства! Ты еще смѣешь грозить немилостью! Хорошо! Скажи же своему воеводѣ, что я не боюсь ни его, ни кого-нибудь повыше его. Подожди; вотъ я съ нимъ опять свижусь и поведу арзсчетъ! Дуракъ онъ, трусъ этакой! Онъ

(1) «Матер. для ист. возм. Стен. Раз.» 43—46, 48.

теперь надѣется на свою силу и деретъ носъ вверхъ, да еще хочетъ со мной обращаться будто съ холопомъ, когда я отъ рожденія вольный человѣкъ! У меня силы и власти больше, чѣмъ у него. Я расплачусь съ этими негодными, какъ слѣдуетъ расплачусь; я имъ покажу, ка́къ принимать меня безъ почета, будто такъ-себѣ, какого-нибудь простака!

Нѣмецъ отъ страха едва держался на ногахъ, глядя на бѣшеные, распаленные глаза атамана, и готовился испустить духъ подъ его тяжелою рукой.

Но нѣмецъ на этотъ разъ остался живъ и, возвратясь опять въ Астрахань, разсказалъ все Прозоровскому, который призадумался ([2]). Было отъ чего задуматься...

IX.

Отправившись на Донъ, Стенька выбралъ себѣ мѣсто между Кагальницкою и Ведерниковскою Станицами, на островѣ, который былъ протяженіемъ въ три версты. Тамъ устроилъ онъ городокъ Кагальникъ и приказалъ обвести его землянымъ валомъ; казаки построили себѣ земляныя избы.

Разнеслась молва о его славѣ; со всѣхъ сторонъ посыпала къ нему голытьба; бѣжали къ нему и съ Хопра казаки верховыхъ станицъ, и съ

([2]) «Straus Reise», 253.

Волги гулящіе люди; откликнулась его слава и въ Украинѣ: приходили къ нему и братья-сѣчевики. Когда онъ пришелъ изъ Царицына, войско его состояло изъ полуторы тысячи ([1]), а черезъ мѣсяцъ, какъ доносили посылаемые царицынскимъ воеводою, у него было двѣ тысячи семьсотъ человѣкъ ([2]). Онъ былъ для всѣхъ щедръ и привѣтливъ, раздѣлялъ съ пришельцами свою добычу, одѣлялъ бѣдныхъ и голодныхъ, которые, не зная куда дѣться, искали у него и пріюта, и ласки. Его называли батюшкой, считали чудодѣемъ, вѣрили въ его умъ, въ его силу, въ его счастье. Старый домовитый казакъ, если ему удавалось обогатиться, старался зажить хорошенько, не заботился о голи, становился высокомѣренъ съ нею. Стенька былъ не таковъ: не отличался онъ отъ прочихъ братьевъ-казаковъ ни пышностью, ни роскошью; жилъ онъ, какъ всѣ другіе, въ земляной избѣ; одѣвался хотя богато, но не лучше другихъ; все, что́ собралъ въ персидской землѣ, раздавалъ неимущимъ. Стенька будто жилъ для другихъ, а не для себя. Онъ медлилъ явиться въ Черкаскъ, пока у него не составилась такая партія, которая бы могла стать въ-уровень съ противною партіею; но въ Черкаскѣ былъ важный залогъ для него: тамъ была

([1]) «Матер.» 189.
([2]) Ibid. 52.

жена его, тамъ жилъ и братъ его Фролка. Стенька послалъ ([3]) въ Черкаскъ казака Ивана Болдыря сообщить имъ, чтобъ они тайно ушли къ нему. Дѣло пошло на счастье Стеньки — семья его убѣжала изъ Черкаска ([4]); вмѣстѣ съ нею прибылъ въ Кагальникъ Фролка, неразлучный спутникъ успѣховъ и гибели своего брата.

Съ тревогою поглядывали изъ Черкаска прямые казаки на этого зловѣщаго предводителя голытьбы.

Онъ никого не грабилъ. Торговцы, ѣхавшіе изъ Москвы въ Черкаскъ, были захвачены казаками, но казаки не обирали ихъ; Стенька только принудилъ ихъ не ѣздить въ Черкаскъ и торговать въ Кагальникѣ. Казаки платили имъ исправно, и торговцы сами охотно начали туда ѣздить и одѣлять ихъ живностью ([5]). Стоялъ Стенька смирно и, по современному выраженію, задоровъ ни съ кѣмъ не дѣлалъ ([6]). Тѣмъ было страшнѣе; какъ ни старался царицынскій воевода узнать его тайные планы, сколько ни посылалъ провѣдывать и русскихъ и татаръ—ничего не узналъ и писалъ въ своемъ донесеніи въ Москву: «и приказываетъ Стенька своимъ казакамъ безпрестанно, чтобъ они были готовы, а какая у него мысль, про-

([3]) Ibid. 51.
([4]) Ibid. 190.
([5]) Ibid. 189.
([6]) Ibid. 190.

то и казаки немного свѣдаютъ, и ни которыми мѣрами у нихъ, воровскихъ казаковъ, мысли довѣдаться немочно» ([7]).

А между-тѣмъ, все прежнее было приготовленіемъ къ тому, что̀ Стенька зимою обдумывалъ въ своемъ земляномъ городкѣ.

Въ Москвѣ не оказали полнаго одобренія распоряженіямъ Прозоровскаго. Въ грамматѣ отъ имени царя въ Астрахань было замѣчено, что воеводы не поняли смысла милостивой грамматы, посланной для врученія казакамъ. Тамъ было сказано, чтобъ отпустить казаковъ съ моря на Донъ, а не изъ Астрахани Волгою. «Вы пропустили воровскихъ казаковъ мимо города Астрахани и поставили ихъ на Болдинскомъ Устьѣ выше города (писано было теперь въ Астрахань); вы ихъ не разспрашивали, не привели къ вѣрѣ, не взяли товаровъ, принадлежащихъ шаху и купцу, которые они ограбили на бусѣ, не учинили раздѣлки съ шаховымъ купцомъ. Не слѣдовало такъ отпускать воровскихъ казаковъ изъ Астрахани; и если они еще не пропущены, то вы должны призвать Стеньку Разина съ товарищами въ приказную избу, выговорить имъ вины ихъ противъ великаго государя и привести ихъ къ вѣрѣ въ церкви по чиновной книгѣ, чтобъ впередъ имъ не воро—

([7]) Ibid. 52.

вать, а потомъ раздать ихъ всѣхъ по московскимъ стрѣлецкимъ приказамъ и велѣть беречь, а воли имъ не давать, но выдавать на содержаніе, чтобъ они были сыты, и до указу великаго государя не пускать ихъ ни вверхъ, ни внизъ; всѣ струги ихъ взять на государевъ дѣловой дворъ, всѣхъ плѣнниковъ и награбленные на бусахъ товары отдать шахову купцу, а если они не захотятъ воротить ихъ добровольно, то отнять и неволею». Изъ этого видно, что правительство давало милостивую граммату для возвращенія на Донъ только въ томъ случаѣ, когда казаковъ нельзя будетъ поймать въ руки, а въ противномъ случаѣ оно хотя и даровало имъ жизнь и избавляло отъ казни, но пресѣкало имъ средства къ возобновленію своего удальства. Еслибъ воеводы не спасли Стеньки Разина заранѣе, этотъ удалецъ вѣрно былъ бы отправленъ на стрѣлецкую службу куда-нибудь далеко отъ тихаго Дона и Волги-матушки.

Воеводы, получивъ такое замѣчаніе, отговаривались старыми примѣрами, что подобная казацкая шайка, подъ начальствомъ Ивашки Кондырева, состоявшая изъ двухсотъ человѣкъ, также была нѣкогда пропущена и поставлена на Болдинскомъ Устьѣ; что ихъ не отдавали за приставы (подъ стражу) и не приводили къ вѣрѣ; что теперь воеводы требовали нѣсколько разъ отъ Стеньки возвращенія плѣнниковъ и от-

дачи награбленнаго на бусахъ, но не смѣли отнять у нихъ насильно, потому что тогда къ нимъ пристали бы многіе люди и произошло бы кровопролитіе. Воеводы оправдывались еще тѣмъ, что такъ поступили съ совѣта митрополита (8).

Казаки, которые пришли въ Москву съ повинною, разсказывали о своихъ похожденіяхъ и немедленно были отправлены въ Астрахань подъ стражею, но на дорогѣ ушли и степью пробрались на Донъ къ своему атаману.

При концѣ зимы правительство послало жильца Евдокимова въ Черкаскъ съ царскою грамматою для вида, но въ-самомъ-дѣлѣ провѣдать, что́ дѣлаетъ и замышляетъ Стенька, о которомъ толковали много, да никто ничего вѣрнаго сказать не могъ (9). Евдокимовъ съ провожатыми прибылъ на Донъ на ѳоминой недѣлѣ въ воскресенье. Корнило Яковлевъ собралъ кругъ. Евдокимовъ, поклонившись атаману и всему казачеству на всѣ стороны, отдалъ граммату и сказалъ:

— Великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣ-

---

(8) Ibid. 47—48.
(9) Допол. VI, 57.

дичъ и наслѣдникъ и государь и обладатель, велѣлъ всѣхъ васъ атамановъ и казаковъ спросить о здоровьи.

Корнило, приподнявъ грамату, поднялъ ее вверхъ и громко *вычиталъ* кругу.

Казаки слышали похвалы своему званію и обѣщанія прислать обычные запасы, которые правительство каждогодно посылало на Донъ.

Всѣ за то поблагодарили, чтó называлось челомъ ударить по его государской милости. Отпустили Евдокимова и сказали, что пошлютъ вмѣстѣ съ нимъ станицу въ Москву къ великому государю.

На другой день явился въ Черкаскъ Стенька съ своею ватагою. Простые казаки приняли его съ восторгомъ; онъ возбуждалъ ихъ противъ Евдокимова и говорилъ, что московскіе бояре подстрекаютъ нарушать казацкія вольности.

Во вторникъ, Корнило Яковлевъ собралъ опять кругъ: разсуждали, кого выбирать въ станицу.

Вдругъ Стенька входитъ въ кругъ и спрашиваетъ:

— Куда вы это станицу выбираете?

Казаки отвѣчали:

— Мы выбираемъ станицу съ Герасимомъ Евдокимовымъ къ великому государю въ Москву.

Стенька собралъ изъ своихъ казаковъ такой же кругъ и велѣлъ привести Евдокимова. Его схватили и поставили въ кругу. Стенька сказалъ:

— Говори правду: отъ великаго ли государя, или отъ бояръ ты сюда пріѣхалъ?

Евдокимовъ отвѣчалъ:

— Я пріѣхалъ отъ великаго государя съ государевою милостивою грамматою.

Стенька грозно закричалъ:

— Не съ грамматою ты пріѣхалъ, а лазутчикомъ, за мною подсматривать, да про насъ узнавать.

Съ этими словами Стенька ударилъ посла, и казаки принялись отмѣривать ему ударъ за ударомъ.

— Въ воду, въ воду его! посадить въ воду! кричалъ Стенька.

Напрасно Корнило Яковлевъ бросился въ толпу, представлялъ мятежникамъ, что такъ непригоже.

Стенька гнѣвно закричалъ ему:

— Владѣй своимъ войскомъ, а я буду владѣть своимъ.

Герасима Евдокимова, избитаго до полусмерти, бросили въ Донъ.

Его товарищи посажены подъ стражу.

Уже черезъ нѣсколько времени потомъ Корнило освободилъ ихъ тайно и отправилъ въ Москву ([10]).

Корнило только по имени былъ атаманомъ. Толпа переходила къ Стенькѣ; онъ распоряжался, кричалъ, что настало время идти противъ бояръ, и созывалъ

([10]) «Матер.» 195 — 196.

молодцовъ съ собой на Волгу. Бояръ ненавидѣли многіе; имя царя, напротивъ, было священнымъ и для самой крайней вольницы. Но Стенька пошелъ дальше всѣхъ! Стенька сдѣлался врагомъ и самой вѣры, ибо вѣра не покровительствуетъ мятежамъ и убійствамъ.

Въ Черкаскѣ, не задолго передъ тѣмъ, сгорѣли церкви. Зная щедрость Стеньки, нѣкоторые убѣждали его поусердствовать на возобновленіе храмовъ. «На-что церкви? Къ-чему попы? говорилъ Стенька.—Вѣнчать, что-ли? Да не-все-ли равно: станьте въ парѣ подлѣ дерева да пропляшите вокругъ него—вотъ и повѣнчались!»

Онъ набиралъ молодёжь, приводилъ къ вербовому дереву, заставлялъ ихъ парами проплясать вокругъ него и потомъ увѣрялъ, что они отъ этого стали мужъ и жена (11). Это не было выдумано Стенькой, а взято имъ изъ древнихъ народныхъ воспоминаній, какъ говорится въ пѣснѣ о Дунаѣ:

Тутъ они обручались,
Кругъ ракитова куста вѣнчались (12).

Какъ ни уродливо, среди набожныхъ понятій XVII вѣка, выдавались такія сцены, опередившія вѣкъ

---

(11) Ibib. 192. «Ист. войска донск.» 61. Доп. IV, 57. Relation. 8.

(12) «Древн. русск. стих.» 96.

Шометта и Гебера, но и тогда находились люди, которымъ онѣ нравились.

X.

Въ маѣ Стенька поплылъ на судахъ вверхъ по Дону и достигъ Паншина. Неизвѣстно, ка́къ велика была тогда его дружина; замѣчательно, что въ ней было много малороссіянъ, какъ и прежде. Сначала Разинъ погромилъ орду калмыковъ, блуждавшихъ между Дономъ и Волгою, отогналъ у нихъ скотъ для прокормленія своей ватаги и потомъ подступилъ къ Царицыну.

Уже тамъ не было его стараго знакомца Унковскаго; вмѣсто него сидѣлъ другой воевода, Тургеневъ. Царицынъ, по выраженію современника, взятъ лестью и коварствомъ.

Уже царицынскіе жители были расположены къ Стенькѣ. Одинъ изъ нихъ, Степанъ Дружинкинъ, служилъ у Стеньки и зналъ хорошо мѣстность. Стенька поручилъ ему спустить по Волгѣ суда, что́ казаки привезли съ собою изъ Паншина. Ночью это дѣло было сдѣлано. Казаки сѣли на суда, другая половина по сушѣ окружила Царицынъ конницею и пѣхотою. Стенька отправился громить татаръ, кочевавшихъ въ тридцати верстахъ отъ Царицына. Царицынскій воевода заперъ ворота, уставилъ всюду стрѣльцовъ,

приготовился къ защитѣ и съ часу на часъ ожидалъ вспоможенія сверху.

Тогда пять человѣкъ царицынцевъ явились къ есаулу Васькѣ Усу и сказали:

— Дозволь намъ выходить изъ города, выгонять животину и брать воду.

— Скажите вашему воеводѣ, сказалъ Васька:— чтобъ онъ отперъ городъ, а коли не послушается, такъ вы отбейте замóкъ и впустите насъ.

Царицынцы послушались: сбили замóкъ и отворили въѣзжія ворота ([1]). Казаки входили въ городъ; царицынцы приставали къ казакамъ. Тургеневъ старался-было удержать ихъ, но напрасно. Онъ, съ племянникомъ своимъ, заперся въ башнѣ; съ нимъ были боярскіе люди и всего только десять человѣкъ стрѣльцовъ; а изъ царицынцевъ три человѣка остались вѣрны. 13-го апрѣля Стенька пріѣхалъ въ Царицынъ; нѣкоторые духовные встрѣтили его съ почетомъ ([2]), а царицынцы устроили ему привѣтственную попойку и угощеніе ([3]). Покутивъ, какъ слѣдуетъ, Стенька съ казаками сталъ добывать башню. Воевода разсудилъ лучше погибнуть, чѣмъ сдѣлаться игрушкою. Башня была взята, и всѣ люди, защищавшіе ее,

([1]) «Матер.» 14.
([2]) «Акт. истор.» IV, 400.
([3]) «Матер.» 14.

погибли въ свалкѣ; а воеводѣ и племяннику его не удалось смертью въ битвѣ избѣгнуть поруганія. Его взяли живьемъ, повели на веревкѣ къ Волгѣ, кололи, наругались надъ нимъ и потомъ бросили въ воду.

Едва успѣлъ Стенька раздѣлаться съ Тургеневымъ, какъ услышалъ, что сверху плывутъ московскіе стрѣльцы, посланные для защиты низовыхъ городовъ, тѣ, которыхъ ожидалъ воевода.

Стенька говорилъ царицынцамъ: «Это плывутъ злодѣи, посланные измѣнниками-боярами, чтобъ васъ всѣхъ побить».

Казаки вышли изъ города, и самъ Стенька сплылъ на стругахъ на луговую сторону, а съ нагорной стороны расположилась его конница. Въ семи верстахъ отъ Царицына, близь Денежнаго Острова, отрядъ былъ застигнутъ врасплохъ. Съ одной стороны стрѣляли по немъ казаки съ берега, съ другой стрѣляли по немъ со струговъ. Стрѣльцы, еще не зная, что́ сдѣлалось съ Царицынымъ, изъ всѣхъ силъ работали веслами, чтобъ скорѣе дойти до города, и ожидали себѣ тамъ помощи; но чуть только поровнялись съ Царицынымъ, какъ оттуда на нихъ ударили изъ пушекъ, а тутъ и тѣ, что́ плыли на стругахъ, и тѣ, что́ шли по берегу, поражали ихъ. До пятисотъ человѣкъ погибло отъ выстрѣловъ. Остальные, человѣкъ триста, видя, что спасенія нѣтъ, передались

Стенькѣ (4). Начальникъ отряда, голова Иванъ Лопатинъ, взятъ живой: казаки ругались надъ нимъ, кололи его, терзали и, наконецъ, утопили. Такая же участь постигла офицеровъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, десятниковъ; оставленъ въ живыхъ только полуголова Ѳедоръ Якимовъ. Суда достались побѣдителямъ.

Стенька обласкалъ взятыхъ стрѣльцовъ и посадилъ къ себѣ гребцами. Когда они сокрушались о томъ, что измѣнили государю, онъ сказалъ имъ:

— Вы бьетесь за измѣнниковъ–бояръ, а я съ своими казаками сражаюсь за великаго государя (5).

Стенька сидѣлъ въ Царицынѣ около мѣсяца и ввелъ въ городѣ казачье устройство: раздѣлилъ жителей на десятки и сотни и, вмѣсто воеводы, назначилъ городоваго атамана. Царицынцы величали Стеньку, какъ освободителя. Въ то время, вѣроятно, онъ уже началъ посылать въ верховыя страны своихъ эмиссаровъ съ возмутительными письмами для возбужденія народа. Между–тѣмъ, казаки ограбили нѣсколько насадовъ, которые плыли по Волгѣ, не зная о занятіи Царицына. Отрядъ Стеньки взялъ Камышинъ (6). Бѣглецы изъ Московщины, бывшіе въ казацкомъ войскѣ,

---

(4) Ibid. 7.
(5) Ibid. 5, 7. Relat. 36.
(6) «Акт. истор.» IV, 402.

одѣтые не по-казацки, подошли къ стѣнамъ этого городка и выдали себя за людей, присланныхъ изъ Москвы на помощь городу. Воевода съ приказными и служилыми обрадовался этому, потому что военной силы было въ Камышинѣ мало, и поручилъ имъ держать ночью караулъ. Тѣ открылись жителямъ и перетянули ихъ на сторону Стеньки. Казаки, между-тѣмъ, сидѣли уже въ засадѣ. Ночью выстрѣлили съ городской стѣны изъ пушки. То былъ сигналъ. Ворота растворились: казаки вошли въ городъ; за ними прибылъ и Стенька. Воеводу и приказныхъ утопили (7).

Въ Астрахани долго бы не знали, что̀ происходитъ въ Царицы̀нѣ, еслибъ случай не спасъ одного промышленика, Павла Дубенскаго. Онъ плылъ по Волгѣ на легкомъ стругѣ. За семьдесятъ верстъ не доѣзжая до Царицына, встрѣтилъ онъ бѣглецовъ изъ отряда Лопатина, спасавшихся отъ пораженія, и узналъ обо всемъ. Онъ волокомъ перетянулся въ рѣку Ахтубу, этимъ путемъ дошелъ до Астрахани и доставилъ Прозоровскому печальную вѣсть о томъ, что помощь, которой ожидали въ низовьяхъ Волги, уже не существуетъ, и сообщеніе съ верховыми областями пересѣчено (8). Въ Астрахани это извѣстіе надѣлало боль-

---

(7) Straus Reise, 256.
(8) «Матер.» 246.

шой суматохи. Сгоряча воевода Прозоровскій съ товарищами и митрополитомъ перебирали совѣтъ за совѣтомъ, а между-тѣмъ въ стрѣльцахъ и простомъ народѣ возникало волненіе и распространилось тайное расположеніе къ Разину: его эмиссары тамъ уже работали.

Еще 16-го апрѣля отправленъ былъ для подкрѣпленія въ Царицынъ сотникъ Богдановъ съ восьмьюстами человѣками конницы, состоявшей изъ русскихъ и татаръ. Эта сила была ничтожна. Воеводы принялись за работу: собрали, какіе находились въ Астрахани, суда, день и ночь работались новыя и вооружались пушками; такихъ судовъ готово было до сорока. На нихъ посадили двѣ тысячи-шестьсотъ стрѣльцовъ и пятьсотъ вольныхъ людей. Начальство надъ флотиліею отдано князю Семену Ивановичу Львову. Сверхъ-того, одинъ полкъ отправленъ на помощь Богданову; этотъ полкъ состоялъ подъ начальствомъ перекрещеннго поляка Ружинскаго; въ немъ офицеры были иностранцы.

Когда эта флотилія отправилась къ Астрахани, передъ нею, какъ-бы въ острастку и для примѣра, былъ повѣшенъ одинъ изъ агентовъ Разина, пойманный въ Астрахани. Прежде смерти, его такъ страшно истерзали пытками, что самый безжалостный варваръ не могъ смотрѣть на него безъ состраданія, говоритъ очевидецъ. Быть-можетъ, объ этомъ-

то неудачливомъ возмутителѣ поетъ народная пѣсня, называя его сынкомъ Разина, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, въ какомъ подчиненные называли Стеньку батюшкой.

Какъ во славномъ во городѣ
Во Астрахани,
Очутился, проявился
Тутъ незнамый человѣкъ.
Шибко, щепетно по городу
Похаживаетъ,
Въ одной тоненькой рубашкѣ
Да во нанковомъ халатѣ
На-распашечку.
Астраханскимъ купчишкамъ
Онъ не кланяется,
Господамъ ли да боярамъ
Онъ челомъ не бьетъ,
Астраханскому воеводѣ
Онъ подъ судъ нейдетъ.
Увидалъ же воевода
Со параднаго крыльца;
Приказалъ же воевода
Къ себѣ его привести:
«Ужь вы слуги, мои слуги,
Слуги вѣрные мои,
Вы подите поймайте
Удалова молодца?»
Поймали, соковали
Удалова молодца,
Привели ко воеводѣ
Незнамова на глаза.
Какъ и сталъ же воевода
Его спрашивати:

«Ужь и чей такой дѣтинка,
Чей удалой молодецъ?
Ты какого поведенья,
Чьего матери, отца?
Не со города-ль Казани,
Съ каменной славной Москвы,
Или со Дону казакъ,
Иль купецкій сынъ?»
— Я не съ города Казани,
Не со каменной Москвы,
Я не съ Дону казакъ,
Не купецкій сынъ:
Я съ матушки со Волги
Стеньки Разина сынокъ.

Стенька обо всемъ зналъ, чтó задумали противъ него въ Астрахани. Для него сообщеніе по Волгѣ не прерывалось. Когда пришло къ нему извѣстіе, что противъ него идетъ сила, онъ собралъ кругъ. По общему приговору, онъ оставилъ въ Царицынѣ, для охраненія, по одному казаку изъ каждаго десятка, а со всею остальною силою поплылъ внизъ по Волгѣ. Всего войска у него было отъ восьми до десяти тысячъ.

Народная пѣсня говоритъ:

Какъ по матушкѣ по Волгѣ
Легка лодочка плыветъ,
Какъ во лодочкѣ гребцовъ
Ровно тридцать молодцовъ;
Посередь лодки сидитъ
Стенька Разинъ самъ.

Какъ возговоритъ онъ Стенька
Ко товарищамъ своимъ:
«Ужь и чтой-то это, братцы,
Мнѣ тошнымъ-тошно,
Мнѣ сегодняшній денечекъ
Да грустнехонько?
Какъ и знать-то мой сынокъ
Во неволюшку попалъ.
Ужь я въ Астрахань зайду —
Выжгу, вырублю,
Астраханскаго воеводу
Я подъ судъ возьму.»

Стенька плылъ на стругахъ, а по нагорной сторонѣ шелъ отрядъ въ семьдесятъ человѣкъ конницы подъ начальствомъ Васьки Уса и Еремѣева. Подъ Чернымъ Яромъ увидали они флотилію князя Семена Ивановича Львова.

Воровскіе прелестники Стеньки уже успѣли направить стрѣльцовъ въ пользу казацкаго предводителя. Затесавшись между отправленными противъ него стрѣльцами, они нашептали своимъ товарищамъ, что Стенька идетъ за народъ, и если они ему передадутся, то сдѣлаютъ пользу и добро и себѣ и всему народу. Только-что Стенька появился въ виду этого войска, на всѣхъ судахъ вспыхнулъ мятежъ; всѣ простые служилые въ одинъ голосъ закричали:

— Здравствуй, нашъ батюшка, смиритель всѣхъ нашихъ лиходѣевъ!

И начали они вязать своихъ начальниковъ и, повязавъ, отдавали казакамъ.

Стенька кричалъ:

— Здравствуйте, братья! Мститесь теперь надъ вашими мучителями, что́ хуже турокъ и татаръ держали васъ въ неволѣ; я пришелъ даровать вамъ льготы и свободу. Вы мнѣ братья и дѣти, и будете вы такъ же богаты, какъ я, если останетесь мнѣ вѣрны и храбры ([9]).

— Здравствуй, нашъ батюшка, Степанъ Тимоѳеевичъ! повторяла толпа.

И начали они бить стрѣлецкихъ головъ, побили всѣхъ сотниковъ и дворянъ, оставивъ въ живыхъ одного князя Львова.

— Что́ дѣлается у васъ, въ Астрахани? спрашивалъ Стенька. — Будутъ противъ меня драться?

Ему отвѣчали:

— Въ Астрахани свои люди; только ты придешь, тутъ же тебѣ городъ такъ и сдадутъ ([10]).

Только одинъ стрѣлецъ, Данило Тарлыковъ, спасся изъ этой кутерьмы и принесъ страшную вѣсть въ Астрахань. Прозоровскій совѣтовался съ митро-

---

([9]) «Straus Reise», 254. Вслѣдъ за этой побѣдой, Стенька взялъ Черный Яръ. Воевода и многіе служилые люди, которые стрѣляли на казаковъ со стѣнъ, были замучены.

([10]) «Акт. истор.» IV, 402.

политомъ и трудно было что-нибудь придумать. Астрахань стояла вдалекѣ отъ средоточія государства. Всѣ средства, запасы, порохъ, оружіе — все она получала изъ Казани или изъ Москвы. Она тогда не была этимъ всѣмъ бѣдна, но мало надежды подавали угрюмыя лица ея защитниковъ и жителей, также смотрѣвшихъ исподлобья. Спасти ее могли только свѣжія силы, еслибъ онѣ пришли изъ Москвы; но въ Москвѣ не знали, что̀ угрожаетъ Астрахани. Невозможно было дать знать туда скоро. О Волгѣ нѐчего было думать, когда по ея руслу приближался къ Астрахани густой рядъ струговъ Стеньки. Какъ на бѣду случилось, что нельзя было послать гонца и степью: тамъ кочующіе черные калмыки рѣзались съ волжскими калмыками; дрался Большой Нагай съ Малымъ, а татары-малыбаши — съ татарами-енбулаками. Ни проходу, ни переходу. Воевода и митрополитъ рѣшились послать гонца черезъ Терекъ; нельзя было ожидать ничего отъ такого посольства: далекъ былъ слишкомъ путь. Пока гонецъ могъ добѣжать до Москвы, Стенька пять разъ взялъ бы Астрахань. Но утопающій хватается и за соломенку. Воевода выбралъ гонцомъ того же самого Тарлыкова, что̀ одинъ убѣжалъ изъ Чернаго Яра, далъ ему двухъ провожатыхъ русскихъ, да пять человѣкъ татаръ. До Терека онъ доѣхалъ благополучно, но на дальнѣйшемъ пути утонулъ; а проважатые его воро-

тились въ Астрахань и застали тамъ уже казаковъ, которые казнили ихъ за то, что они собирались звать изъ Москвы противъ нихъ войско ([11]).

XI.

Уже давно разныя предзнаменованія пугали Астрахань зловѣщими угрозами. Еще въ прошломъ году, 4-го января, сдѣлалось такое землетрясеніе, что, по выраженію современника, всѣ хоромы задрожали, а куры съ нашестей попадали. Вслѣдъ за тѣмъ услышали, что въ Шемахѣ отъ землетрясенія погибло три части города, а въ Терекѣ въ одну изъ пятницъ— день, какъ извѣстно, вообще несчастный — было три такіе подземные удара, что хоть какой человѣкъ, такъ не устоялъ бы на мѣстѣ. «Неложно вольный свѣтъ перемѣняется», говорили тогда и учинили заповѣдь ни вина, ни пива не пить, ни винограду не ѣсть, а паче табаку не пить, а кто станетъ пить вино и табакъ держать, того смертію казнить. Потомъ въ церкви Рождества Богородицы, въ Астрахани, въ полночь до седьмаго часа слышашали какой-то зыкъ колокольный, а послѣ того, 27 апрѣля, что-то шумѣло въ церкви Воздвиженія: впослѣдствіи узнали, что въ это самое время въ Яикѣ

([11]) «Матер. 247. «Ист. войска донск.», 63.

воры убили Богдана Сакмышева, посланнаго воеводами занять городъ послѣ Стеньки, когда тотъ ушелъ на море. Передъ приходомъ Стеньки съ моря въ Астрахань, опять затряслась въ Астрахани земля, и воевода съ митрополитомъ, сошедшись, говорили: «будь чему-то недоброму!» Однако они не воспользовались предзнаменованіями, а отпустили Стеньку на свои головы. Прошелъ годъ — и вспомнили они о предзнаменованіяхъ [1].

Уже давно замѣчалъ воевода, что астраханскіе стрѣльцы и служилые люди, съ-тѣхъ-поръ, какъ въ городѣ побывалъ Стенька, вспоминаютъ о немъ съ сочувствіемъ. Когда пришла вѣсть, что Стенька взялъ Царицынъ, нашлись такіе смѣльчаки, что болѣе-и-болѣе становились откровенны, и около нихъ стали сходиться по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и водили подозрительныя рѣчи. Воевода сталъ ихъ унимать, а они, говоритъ очевидецъ, и самому воеводѣ болтали, что̀ имъ на языкъ взбредетъ. Своевольствамъ стрѣльцовъ, которыя впослѣдствіи разразились ужаснымъ взрывомъ, помогало въ тотъ вѣкъ вообще то, что стрѣльцы не находились въ полной зависимости отъ воеводъ: воеводы не только не смѣли ими распоряжаться, безъ согласія стрѣлецкихъ головъ, но еще въ царскихъ наказахъ стрѣлецкимъ головамъ под-

---

(1) «Матер.» 243—244.

тверждалось беречь подчиненныхъ стрѣльцовъ отъ воеводъ и приказныхъ людей. Такимъ-образомъ и теперь воеводы и приказные люди ничего не могли сдѣлать съ стрѣльцами, когда между ихъ начальниками были тайные приверженцы Стеньки.

Въ это время стоялъ въ Астрахани первый русскій корабль «Орелъ». Матросы и работники на немъ были нѣмцы; капитанъ былъ извѣстный Бутлеръ. Эти чужеземцы-наемники, увидя, что Астрахань не показываетъ нерасположенія къ Стенькѣ, задумали убраться по-добру-по-здорову. Бутлеръ самъ созвалъ ихъ и говорилъ:

«Мы теперь въ воровской ловушкѣ, и нѣтъ намъ спасенія; какъ придутъ казаки, они съ насъ сдерутъ кожи: ненавидятъ они нѣмцевъ! Собирайте скорѣе свои пожитки, сядемъ на лодки и убѣжимъ въ Персію. Да не медлите ни четверти часа, пока ворота не заперли!»

Пятнадцать нѣмцевъ сейчасъ овладѣли лодками. Но черезъ нѣсколько времени Бутлеръ передумалъ и разсудилъ лучше погибнуть въ битвѣ, чѣмъ постыдно бѣжать. Онъ послалъ имъ сказать, чтобъ они остались; но нѣмцы сочли за лучшее послѣдовать первому приказанію своего начальника, чѣмъ последнему. Они поплыли по Каспійскому Морю и достигли Персіи. Тамъ ни одинъ не избѣжалъ бѣды: ихъ поймали и продавали въ рабство, передавая

за деньги отъ одного господина къ другому. Въ числѣ ихъ былъ Страусъ, оставившій описаніе этихъ дней.

Исходила первая половина іюня — и новыя зловѣщія предзнаменованія увеличивали страхъ ожиданія. 13-го числа рано, когда еще митрополитъ служилъ заутреню, прибѣжали въ храмъ испуганные караульные стрѣльцы, чтó стояли въ кремлѣ города у Пречистенскихъ Воротъ. Они говорили:

«Въ полночь за три часа до свѣта видѣли мы на небесахъ чудо: все небо отворилось надъ Астраханью, и на весь городъ просыпались искры, будто изъ печи».

Митрополитъ обратился къ тѣмъ, чтó подлѣ него стояли, и сказалъ:

«Сіе видѣніе предвѣщаетъ, что изліется на насъ фіалъ гнѣва Божія» (2).

Пересказалъ онъ о чудѣ Прозоровскому. Тотъ вздохнулъ и сказалъ: «Господи! на тебя единаго надежда. Укрѣпи нашъ градъ!»

Затѣмъ толпа стрѣльцовъ собралась и начала роптать за то, что имъ не платили жалованья, которое всегда давалось впередъ. «Чтó намъ служить безъ денегъ и отдавать себя на убой?» кричали они. —

(2) Ibid. 258.

«У насъ нѣтъ ни денегъ, ни запасовъ и вѣрно цѣлый годъ не будетъ: мы пропали!» ([3])

Конные и пѣшіе стрѣльцы пошли на воеводскій дворъ и кричали:

— Подай намъ наше денежное жалованье, воевода!

— До-сихъ-поръ, сказалъ имъ воевода: — казны великаго государя ко мнѣ не прислано, но я вамъ дамъ своего сколько могу; дастся вамъ изъ сокровищницъ митрополита, и Троицкій Монастырь тоже поможетъ; только ужь вы не попустите взять насъ богоотступнику и измѣннику; не сдавайтесь, братья и дѣти, на его измѣнническія внушенія, но поборайте доблественно и мужественно противъ его воровской силы, не щадя живота своего за святую соборную и апостольскую церковь — и будетъ вамъ милость великаго государя, какая вамъ и на умъ не взойдетъ!

Митрополитъ далъ имъ шестьсотъ рублей; Троицкій Монастырь, по приказанію митрополита, далъ имъ двѣ тысячи. Жалованье это заплачено имъ впередъ, и они расписались въ полученіи, съ обѣщаніемъ служить вѣрно, и съ тайнымъ намѣреніемъ отдаться Стенькѣ. Это дѣлалось за четыре дня до роковаго дня ([4]).

([3]) «Straus Reise», 254.
([4]) «Матер.» 248.

Между-тѣмъ Стенька приближался къ Астрахани— и новыми предзнаменованіями грозила природа. Пошли проливные дожди съ ледянымъ градомъ; наступилъ такой холодъ, что всѣ надѣли теплыя одежды. На самомъ разсвѣтѣ одного изъ послѣднихъ дней, караульные, стоявшіе у Пречистенскихъ Воротъ, прибѣгаютъ къ митрополиту и извѣщаютъ, что на небѣ опять явленіе Митрополитъ вышелъ изъ палаты. На южномъ небѣ радужными цвѣтами играли три столпа; наверху ихъ были круги, наподобіе вѣнцовъ, изъ радужныхъ цвѣтовъ. «Быть бѣдѣ! быть гнѣву Божію!» говорили митрополитъ и воевода ([5]).

18 іюня рыбаки принесли вѣсть, что Стенька подъ Астраханью. Полчище его пристало къ берегу и расположилось станомъ на урочищѣ Жареныхъ-Буграхъ. Къ стѣнамъ Зеленаго города причалилъ стругъ, а въ немъ сидѣло двое человѣкъ. Одинъ изъ нихъ былъ астраханскій священникъ воздвиженской церкви. Ѣхалъ онъ изъ Астрахани въ государевомъ дворцовомъ насадѣ, и когда поровнялся съ Царицынымъ, казаки схватили всѣхъ, кто былъ на стругѣ, въ томъ числѣ его, и привели къ Стенькѣ. Теперь-то посылалъ его Стенька на переговоръ. Другой былъ боярскій человѣкъ князя Семена Львова, измѣнившій своему господину, вмѣстѣ съ другими,

---

([5]) Ibid. 249.

подъ Чернымъ Яромъ. Они предлагали сдать городъ; вмѣсто отвѣта, ихъ схватили: воевода считалъ недостойнымъ для себя сноситься тогда съ Стенькою. Начали этихъ посланныхъ пытать и вывѣдывать; и пытали накрѣпко; попъ сказалъ имъ только, что у Стеньки войска восемь тысячъ, а боярскій человѣкъ не сказалъ ничего: отъ него не добились даже, какъ его зовутъ. Воевода приказалъ боярскаго человѣка казнить, а попъ посаженъ въ каменной тюрьмѣ въ Троицкомъ Монастырѣ (6).

Должно быть, къ этому событію относится слѣдующая народная пѣсня:

Изъ славнаго изъ устьица синя моря
Тутъ плыветъ, выплываетъ нова выкладна,
Хорошо кладна изукрашена.
Она плыветъ, подплываетъ къ Астрахани,
Къ тому ли царству астраханскому.
Добры молодцы въ городѣ во Астрахани
Погуляли, поцарствовали,
Попили, поѣли, на отвалъ пошли:
Увидали молодцы воеводу изъ окна.
Закричалъ воевода громкимъ голосомъ:
«Заловите, поимайте добрыхъ молодцовъ!»
Добрый молодецъ противности не чинилъ,
Во дворецъ самъ подскочилъ.
Сталъ воевода его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, добрый молодецъ,
Не утай самъ себя».

---

(6) «Акт. истор.» IV, 491.

«Я самъ тебѣ разскажу
Всею правду объявлю:
Я со Камы со рѣки
Стеньки Разина сынъ.
Заутра хотѣлъ къ тебѣ батюшка
Въ гости побывать:
Чѣмъ же будешь батюшку подчивать?»
«Я пивушка не кушаю,
Винца въ ротикъ не беру;
Есть у меня наготовлены сухари;
Они въ Москвѣ крошены,
Въ Казани сушены,
То я встрѣчу его — буду подчивать!»
Испугался добрый молодецъ,
Отъ него прочь бѣжалъ,
И подбѣгаетъ къ своей выкладной.
Закричалъ громкимъ голосомъ:
«Охъ братцы, мои товарищи!
Пригряньте ко мнѣ выкладну,
Не оставьте меня при бѣдности:
На насъ воевода осердился».
Добры молодцы ужаснулися,
Заторопились, отгрянули ко крутому берегу.

Митрополитъ и воевода дѣятельно принялись каждый за свое дѣло. Митрополитъ созвалъ духовенство и устроилъ крестный ходъ вокругъ всего Бѣлгорода (то-есть настоящаго города въ нашемъ смыслѣ этого слова), въ срединѣ котораго находился кремль, или за́мокъ. Впередъ несли икону Божіей Матери; обходили кругомъ стѣну, и всякій разъ, когда шествіе доходило до какихъ-нибудь воротъ, совершалось

молебствіе. Прозоровскій осматривалъ городскія укрѣпленія. Астрахань была тогда обведена кирпичною стѣною, до полуторы сажени въ толщину и до четырехъ саженъ вышиною; наверху стѣнъ были зубцы въ сажень шириною и въ полторы сажени въ вышину. По пряcламъ стѣны и по угламъ стояли двухъярусныя башни; на нихъ висѣли колокола, въ которые звонили для возбужденія въ бояхъ отваги. Въ стѣнахъ находилось въ два ряда четыреста-шестьдесятъ пушекъ (7). Воевода съ городовымъ прикащикомъ обошелъ всѣ стѣны, осмотрѣлъ орудія, развелъ по бойницамъ и по стрѣльницамъ стрѣльцовъ съ ружьями, саблями, бердышами, разставилъ при пушкахъ пушкарей, затинщиковъ при затинныхъ пищаляхъ, вдѣланныхъ въ очень узкія стѣнныя отверстія, а при воротахъ воротниковъ. Чтобъ пресѣчь всякое сообщеніе города съ внѣшностью, онъ приказалъ всѣ ворота завалить кирпичомъ. По тогдашнему обычаю, посадскіе должны были участвовать въ оборонѣ—кто съ пищалью или самопаломъ, кто съ топоромъ или бердышемъ, а другіе съ кольями и съ камнями. Для этого близь оконъ были заранѣе приготовлены кучи камней, чтобъ ими метать на непріятеля, и припасался кипятокъ, чтобъ лить на враговъ въ случаѣ приступа. Для порядка, всѣ осажденные были раздѣлены на сотни и десятки.

---

(7) Olear. 37. Straus. 200.

Воевода назначилъ осадныхъ головъ, которые выбирались обыкновенно изъ отставныхъ дворянъ.

Стенька, съ своей стороны, занимался приготовленіемъ къ осадѣ. По совѣту двухъ астраханскихъ перебѣжчиковъ, Лебедева и Куретникова, онъ сошелъ съ Жареныхъ-Бугровъ, посадилъ свое войско въ струги и поплылъ по болдинскому протоку, который окружалъ Астрахань съ востока; по этому протоку онъ вошелъ въ другой—Черепаху, а оттуда въ рѣку Кривушу, обтекавшую Астрахань съ полуденной стороны. Городъ былъ окруженъ водою. Въ XVII вѣкѣ вода считалась для города лучшею естественною оградою; но съ юга Астрахань была приступнѣе: тотчасъ за стѣною находились виноградные сады. Когда узнали въ городѣ о переходѣ Стеньки, митрополитъ приказалъ копать ровъ изъ своихъ прудовъ къ солончаку, какъ называлось мѣсто на югѣ отъ Астрахани, чтобъ покрыть его водою.

Вдругъ приводятъ къ воеводѣ двухъ нищихъ. Одинъ изъ нихъ слылъ въ городѣ подъ именемъ Тимошки Безногаго. Персіяне подсмотрѣли, ка́къ они выходили изъ города и опять вошли въ него, прежде чѣмъ были завалены ворота. Бояринъ, по обычаю, приказалъ ихъ пытать накрѣпко, и они сказали :

— Мы похвалились вору Стенькѣ Разину въ приступное время (когда начнется приступъ) зажечь Бѣлый Городъ.

Воевода приказалъ ихъ тотчасъ казнить смертью. Но это событіе показало ему, какъ много неожиданныхъ опасностей кроется внутри города. Иностранецъ капитанъ Бутлеръ посовѣтовалъ тогда запретить рыбакамъ разъѣзжать по Волгѣ и сжечь татарскую слободку подъ городомъ, чтобъ не дать притона казакамъ.

Двусмысленныя, угрюмыя лица стрѣльцовъ и астраханскихъ посадскихъ не переставали тревожить воеводу. 20 іюня онъ призвалъ на митрополичій дворъ стрѣлецкихъ офицеровъ и лучшихъ людей астраханцевъ. Главнымъ лицомъ надъ стрѣльцами былъ голова Иванъ Красуля, или Красулинъ, тайный сообщникъ Стеньки. Митрополитъ говорилъ имъ :

«Поборитесь за домъ Пресвятыя Богородицы и за великаго государя, его царское величество; послужите ему, государю, вѣрою и правдою, сражайтесь мужественно съ измѣнниками : за то получите милость отъ великаго государя здѣсь, въ земномъ житіи, а скончавшихся въ брани ожидаютъ вѣчныя блага вмѣстѣ съ христовыми мучениками».

— Рады служить великому государю вѣрою и правдою, не щадя живота, даже до смерти, отвѣчалъ Иванъ Красулинъ.

Наступила ночь. Татары послѣдовали примѣру нѣмцевъ. Ямгурчей, мурза Малаго Нагая, стоявшій подъ

Астраханью, взялъ дѣтей своихъ, улусныхъ людей и убѣжалъ далеко въ степь.

Слѣдующій день (21 іюня) склонялся уже къ вечеру. Вдругъ зазвонили въ колокола на астраханскихъ башняхъ: то была тревога. Все заволновалось. Воровскіе казаки съ лѣстницами шли на приступъ къ Астрахани.

Воевода вооружился въ панцырь и выѣхалъ изъ двора на своемъ боевомъ конѣ. Впереди вели простыхъ лошадей подъ покровами, ударили въ тулунбасы, затрубили въ трубы на сигналъ къ сраженію. Съ воеводою ѣхалъ братъ его, Михаилъ Семеновичъ. Около нихъ собрались стрѣлецкіе головы, дворяне и дѣти боярскія; примкнули къ нимъ подъячіе и приказные люди. Спѣшили къ Вознесенскимъ Воротамъ. Прозоровскій обратился къ толпѣ ратныхъ и говорилъ:

«Дерзайте, братья и дѣти, дерзайте мужественно; нынѣ пришло время благопріятное за великаго государя пострадать, доблественно даже до смерти, съ упованіемъ безсмертія и великихъ наградъ за малое терпѣніе. Если теперь не постоимъ за великаго государя, то всѣхъ насъ постигнетъ безвременная смерть. Но кто хочетъ въ надеждѣ на Бога получить будущія блага и наслажденія со всѣми святыми, тотъ да постраждетъ съ нами въ сію ночь и въ настоящее

время, не склоняясь на прельщенія богоотступника Стеньки Разина.»

Ночная тѣнь покрывала землю. Казаки показывали видъ, что хотятъ идти на приступъ къ Вознесенскимъ Воротамъ, и потому въ этой части города сошлись осажденные; но на-самомъ-дѣлѣ казацкій атаманъ выбралъ другой путь, и казаки подставляли въ другомъ мѣстѣ лѣстницы; тамъ астраханцы не стали ни стрѣлять на нихъ изъ пищалей, ни камней метать, ни варомъ обливать: они подавали имъ руки и пересаживали черезъ стѣны. Только въ подошевныхъ бояхъ башни гремѣлъ на нихъ изъ пушекъ вѣрный пушкарь Томило съ товарищами и, кажется, никому не сдѣлалъ зла. Воевода, между-тѣмъ, все вниманіе обращалъ на Вознесенскія Ворота и не видалъ, что̀ дѣлается на другихъ пряслахъ стѣны, какъ вдругъ услышалъ за собою зловѣщій казачій ясакъ ([8]), говоритъ современникъ. Вѣроятно, это было пять выстрѣловъ, одинъ за другимъ, изъ вѣстовой пушки; пять выстрѣловъ значили, на военномъ языкѣ того вѣка, сдачу города и назывались *ясакомъ на сдачу*.

XII.

Вслѣдъ за роковымъ сигналомъ, астраханцы (молодшіе люди, то-есть чернь и бѣдняки) съ ярост-

---

([8]) «Матер.» 251.

нымъ крикомъ бросились бить дворянъ, дѣтей боярскихъ, пушкарей, людей боярскихъ, и кто-то, неистовый, налетѣлъ на князя Прозоровскаго и ударилъ его копьемъ въ животъ: князь упалъ съ лошади. Вѣрный старый холопъ схатилъ его, пробился съ нимъ сквозь разъяренную толпу, унесъ въ соборную церковь и тамъ положилъ на коврѣ. Братъ воеводы, Михаилъ Семеновичъ, погибъ близь стѣны отъ самопальнаго выстрѣла. Все кругомъ разразилось измѣною; стрѣльцы величали батюшку Степана Тимоѳеевича. Не предалъ своего долга пятидесятникъ конныхъ стрѣльцевъ Фролъ Дура; не братался онъ съ ворами, по истинѣ поборалъ, говоритъ современный сказатель. Онъ послѣдовалъ за раненымъ княземъ и сталъ въ церковныхъ дверяхъ; онъ рѣшился не иначе впустить въ храмъ Божій казаковъ, какъ чрезъ свое мертвое тѣло ([1]).

Митрополитъ прибѣжалъ въ церковь. Задушевная дружбу соединяла его съ воеводою. Слезно всхлипывая, припадалъ къ нему на грудь архипастырь сѣдою головою, утѣшалъ словесами надежды будущихъ благъ, исповѣдывалъ и причастилъ св. таинъ. Начали сбѣгаться въ храмъ дьяки, подъячіе, стрѣлецкіе офицеры, купцы, дворяне, дѣти боярскія, всѣ, кому грозила бѣда отъ рабовъ, подначальныхъ и

([1]) Ibid.

бѣдняковъ. Испуганныя матери съ грудными младенцами, дѣвицы, дрожавшія за свою честь, столпились за святымъ мѣстомъ у иконы Пресвятой Богородицы и шептали, въ страхѣ, молитвы. Двери храма были затворены желѣзною рѣшеткою. Неустрашимый Фролъ Дура стоялъ у входа съ обнаженнымъ ножомъ; онъ, конечно, не надѣялся охранить привалившій въ церковь людъ, но думалъ, по-крайней-мѣрѣ, умереть его защитникомъ, какъ слѣдовало вѣрному слугѣ царя и христову воину.

Заря занималась. Въ Пречистенскихъ Воротахъ вырубили калитку, и казаки входили ею въ городъ; съ другой стороны они вступали черезъ житный дворъ. Толпа бросилась на паперть соборнаго храма. Фролъ Дура былъ изрубленъ въ куски, но испустилъ дыханіе не прежде, какъ успѣвъ нанести ножомъ своимъ удары врагамъ.

Казаки выстрѣлили сквозь желѣзную рѣшетку во внутренность храма; одна пуля попала въ полуторагодоваго ребенка, котораго мать держала на рукахъ передъ иконою Казанской Богородицы. Помостъ обагрился младенческою кровью, говоритъ лѣтопись. Другая пуля задѣла святую икону; потомъ казаки разломали рѣшетку и бросились на беззащитныхъ.

Лежавшаго на коврѣ Прозоровскаго вынесли и положили на землѣ подъ раскатомъ (такъ называлась церковная колокольня). Вслѣдъ за тѣмъ казаки хва-

тали всѣхъ, искавшихъ убѣжища въ храмѣ, вытаскивали, вязали имъ назадъ руки и сажали рядомъ подъ стѣнами раската. Дожидали суда Стеньки.

Часовъ въ восемь утра явился Стенька судить. Онъ началъ судъ свой съ Прозоровскаго. Онъ взялъ его подъ-руку и повелъ на раскатъ. Они стали рядомъ наверху; всѣ видѣли, какъ атаманъ сказалъ воеводѣ что-то на-ухо, но князь, вмѣсто отвѣта, отрицательно покачалъ головою. Что̀ говорилъ ему Стенька на-ухо—это осталось тайною между ними. Тотчасъ послѣ того Стенька столкнулъ князя головою внизъ, стороною на зимній востокъ.

Сошедши съ раската, Стенька сотворилъ короткій и нецеремонный судъ надъ связанными. Всѣхъ приказалъ побить атаманъ. Стрѣльцы, казаки и чернь однихъ рубили мечомъ, другихъ бердышами, иныхъ били кольями. Тогда, говоритъ лѣтописецъ, мимо церкви до приказной избы текла кровь человѣческая, яко рѣка. Стенька приказалъ собрать тѣла, отвезти въ Троицкій Монастырь и похоронить въ одной общей братской могилѣ. Когда убитыхъ сваливали въ землю, надъ могилою стоялъ старецъ и считалъ тѣла, и насчиталъ ихъ четыреста-сорокъ-одно. Тутъ былъ и князь Прозоровскій. Передъ Стенькою всѣ люди были равны: онъ не позволилъ копать ему особой могилы.

Окончивъ судъ надъ людьми, Стенька засудилъ

бумаги, которыми эти люди завѣдывали. Онъ приказалъ вытащить изъ приказной палаты всѣ дѣла и сжечь ихъ на площади всенародно.

— Вотъ такъ, говорилъ онъ: — я сожгу всѣ дѣла наверху у государя!

Только иноземцы оказывали сопротивленіе. Защищались нѣсколько времени нѣмцы у Вознесенскихъ Воротъ, пока капитанъ ихъ, Видеросъ, не былъ изрубленъ своими же подчиненными. Долѣе ихъ сопротивлялись люди черкесскаго князя Каспулата Муцаловича, природные черкесы, съ двумя русскими, всего девять человѣкъ. Они заперлись въ пыточной башнѣ и давали отпоръ до полудня; а когда у нихъ не стало свинцу, то заряжали ружья деньгами. Наконецъ, выбившись изъ силъ и истративъ весь порохъ, они бросились изъ башни за городъ, но ихъ догнали и изрубили.

Все имущество убитыхъ было подуванено между казаками, приставшими къ нимъ стрѣльцами и бѣдными жителями города. Ограблены церковныя сокровища; ограбили торговые дворы, русскій, гилянскій, индійскій, бухарскій; всѣ товары были отвезены въ Ямгурчеевъ Городокъ, и тамъ происходилъ раздѣлъ. Астрахань обращена въ казачество: жители получили числовое дѣленіе, общее казакамъ, на тысячи, сотни и десятки [2], должны были правиться кру́гомъ или

[2] «Акт. истор.» IV, 423.

народнымъ сборищемъ, управляться выборными атаманами, есаулами, сотниками и десятниками.

Устроивъ казачество, Стенька вывелъ толпу астраханцевъ, обращенныхъ въ казаки, за городъ и приводилъ ихъ къ крестному цалованію. Они присягали стоять за великаго государя и за своего атамана Степана Тимоѳеевича, войску служить и измѣнниковъ выводить. Священники поневолѣ должны были совершать обрядъ присяги; немногіе, которые противились, поплатились за это: одного атаманъ приказалъ посадить въ воду, а другому велѣлъ отсѣчь руку и ногу.

Три недѣли послѣ того провелъ Стенька въ Астрахани и почти каждый день былъ пьянъ. Астраханскій народъ озлобился до неистовства на все, что̀ принадлежало къ высшему классу народа почему-нибудь. Стенька, въ угодность народу, разъѣзжалъ по городу, обрекалъ на мученія и на смертъ всякаго, кто чѣмъ-нибудь навлекъ неудовольствіе народа. Однихъ рѣзали, другихъ топили, инымъ рубили руки или ноги и пускали ползать и истекать кровью, для забавы толпы. Хозяева и прикащики ограбленныхъ лавокъ и гостиныхъ дворовъ, бо̀льшею-частью иностранцы, были также умерщвлены. Тогда погибъ давній знакомецъ Стеньки, сынъ хана, взятый въ плѣнъ въ сраженіи близь Свинаго-Острова, братъ несчастной княжны, принесенной въ жертву Волгѣ, въ пылу пьянаго неистовства. Стенька приказалъ,

для потѣхи, повѣсить его на крюкѣ за ребро. Счастливѣе былъ персидскій посолъ, находившійся тогда въ Астрахани. Когда Стенька взялъ городъ, онъ съ своею свитою заперся въ башнѣ; персіяне оборонялись всего одинъ часъ времени, и должны были сдаться. Стенька привелъ посла на площадь передъ роковой раскатъ, однако не повелъ его туда, даже не снялъ съ него платья, а только отнялъ у него саблю. Бывшаго при немъ русскаго подъячаго Наума раздѣли до-нага и ужь хотѣли-было въ такомъ нарядѣ вести на раскатъ, но астраханцы выпросили ему жизнь. Изъ посольской свиты казаки убили только нѣсколько человѣкъ, которые упорно оборонялись въ башнѣ; другихъ за то, что сдались, помиловали, только обобрали до ниточки. За-то всѣ письма и бумаги, какія нашлись у посла и у его людей, Стенька велѣлъ изодрать—такова ужь у него была ненависть къ писаніямъ всякаго рода! Безпрестанно астраханцы собирали круги, разсуждали, ка́къ и надъ кѣмъ бы имъ еще потѣшиться. Кто имъ не потакалъ или хотѣлъ остановить ихъ кровожадность, того забивали до смерти палками или вѣшали за ноги. Даже казачьи и посадскія жены неистовствовали надъ вдовами дворянъ, дѣтей боярскихъ и приказныхъ; нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ взяли казаки себѣ въ жены, и Стенька приказывалъ священникамъ вѣнчать ихъ насильно, а тѣхъ священниковъ,

которые не слушались, присуждалъ сажать въ воду. Астраханцы, подражая своему «батюшкѣ», начали ѣсть въ постные дни молоко и мясо, и если кто ужасался нарушать эти обряды, того угощали побоями, а иногда заколачивали до смерти. Новички въ казачинѣ астраханцы были безжалостнѣе донцовъ: нѣсколько разъ приходили они толпами къ Стенькѣ и говорили:

— Многіе изъ приказныхъ людей и дворянъ схоронились; вели ихъ отыскать и побить, а то, вѣдь, какъ будетъ отъ государя въ Астрахань присылка, такъ они станутъ намъ первые непріятели.

— Когда я уѣду изъ Астрахани, тогда дѣлайте, что̀ хотите, отвѣчалъ Стенька.

При всѣхъ своихъ неистовствахъ, когда случился день тезоименитства царевича Ѳеодора, то, какъ-будто ради торжества, Стенька съ толпою казаковъ приходилъ къ митрополиту въ гости. Неизвѣстно, съ какимъ побужденіемъ это дѣлалось и что̀ говорилось на такомъ оригинальномъ свиданіи.

Собираясь оставить Астрахань, 13 іюля Стенька сидѣлъ пьяный въ кружалѣ и вдругъ призвалъ есаула и сказалъ:

— Ступай къ митрополиту и возьми у него старшаго сына боярина Прозоровскаго, Бориса, и приведи ко мнѣ.

Вдова Прозоровскаго, княгиня Прасковья Ѳедоров-

на, послѣ трагической кончины мужа, скрывалась въ палатахъ митрополита съ двумя сыновьями. Оба звались Борисами. Старшему было шестнадцать лѣтъ. Его привели къ Стенькѣ.

Стенька сказалъ ему:

— Гдѣ таможенныя пошлинныя деньги, что̀ собирались въ Астрахани съ торговыхъ людей? Отецъ твой ими завладѣлъ и промышлялъ?

— Отецъ мой никогда этими деньгами не корыстовался, отвѣчалъ молодой князь.—Онѣ собирались таможенными головами, головы приносили въ приказную палату, а принималъ ихъ подъячій денежнаго стола Алексѣй Алексѣевъ съ товарищами. Всѣ деньги пошли на жалованье служилымъ людямъ. Спроси у подъячаго.

Случайно подъячій избѣжалъ участи своихъ собратій. Его отыскали и привели къ Стенькѣ. Подъячій объяснилъ ему то же, что̀ князь.

— А гдѣ ваши животы? спросилъ Стенька у Бориса Ивановича.

— Животы отца моего ограбили; нашъ казначей отдавалъ ихъ по твоему приказу, а возилъ ихъ твой есаулъ Иванъ Андреевъ Хохловъ.

Стенька приказалъ повѣсить его вверхъ ногами на городской стѣнѣ, а подъячаго Алексѣя за ребро на крюкѣ.

— Принесите мнѣ другаго сына воеводы! закричалъ тогда Стенька.

Второму сыну Прозоровскаго было только восемь лѣтъ. Казаки вырвали малютку изъ рукъ матери и принесли къ Стенькѣ. Атаманъ приказалъ повѣсить его за ноги возлѣ брата.

Всю ночь висѣли они. Утромъ пріѣхалъ Стенька и приказалъ старшаго князя сбросить со стѣны, а малютку, отекшаго кровью, чуть-живаго еще, приказалъ сѣчь розгами и возвратить матери. Тѣло подъячаго было отдано также матери ([3]). Пусть кто можетъ, тотъ вообразитъ себѣ, что́ тогда чувствовали обѣ матери.

XIII.

Стенька оставилъ въ Астрахани атаманомъ Ваську Уса, а старшинами Ѳедьку Шелудяка и Ивана Терскаго. Подъ ихъ начальствомъ осталась половина астраханцевъ, записанныхъ въ казаки, половина московскихъ стрѣльцовъ и по два человѣка изъ каждаго десятка донскихъ казаковъ. Стенька собралъ съ собою остальныхъ, кто желалъ идти съ нимъ, и

([3]) «Матер.» 251—253. «Ист. воск. донск.» 65. «Акт. Арх. Эксп.» IV, 229. «Собр. госуд. грам.» IV, 254—255. «Stephan Razin», 21—22.

грянулъ вверхъ по Волгѣ. Казаки отправились вверхъ по Волгѣ на двухстахъ судахъ; по берегу шла конница въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ. Достигли они такимъ образомъ Царицына. Тутъ Стенька отправилъ отрядъ въ двѣ тысячи человѣкъ на Донъ съ казною, награбленною въ Астрахани, подъ начальствомъ атамановъ Фрола Минаева и Якова Гаврилова, а самъ на судахъ слѣдовалъ дальше. Съ нимъ тогда войска было не больше десяти тысячъ; была надежда, что оно скоро увеличится въ десять разъ.

Первый городъ, который предстоялъ Стенькѣ на пути, былъ Саратовъ. Это не нынѣшній губернскій городъ того же имени, но другой, лежавшій на луговой сторонѣ Волги, нѣсколько-выше нынѣшняго.

Саратовъ сдался безъ сопротивленія. Стенька приказалъ утопить тамошняго воеводу Козьму Лутохина; умертвили всѣхъ дворянъ и приказныхъ людей, а имѣніе передуванили. Въ городѣ введено казацкое устройство; былъ тамъ поставленъ атаманомъ Гришка Савельевъ.

Самара взята нѣсколько-труднѣе: между жителями этого города была партія, вѣрная царю. Съ приходомъ Стеньки поднялось междоусобіе. Казацкая партія была сильнѣе и побѣдила. Стенька вошелъ въ городъ, утопилъ воеводу Ивана Алфимова, перебилъ всѣхъ приказныхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, тодалъ на раздѣлъ ихъ имущество и ввелъ казацкое

устройство между жителями. Саратовцы и самарцы пошли съ атаманомъ далѣе [1].

Такимъ-образомъ Стенька въ первыхъ числахъ сентября дошелъ до Симбирска. Скорость, съ какою онъ прошелъ это большое пространство вверхъ противъ воды, покоряя себѣ города, выразилась въ народной пѣснѣ такими стихами:

Еще какъ-то намъ, ребята, пройти?
Астраханско славно царство пройдемъ съ вечера,
А саратовску губерню (анахронизмъ) на бѣлой зарѣ;
Мы Самарѣ-городочку не поклонимся,
Въ жегулевскихъ горахъ мы остановимся;
Вотъ мы чалочки причалимъ все шелковыя,
Вотъ мы сходоньки положимъ все кедровыя,
Атаманушку сведемъ двое подъ-руки,
Есаулушка, ребятушки, онъ самъ сойдетъ.
Какъ возговоритъ нашъ батюшка атаманушка:
«Еще какъ-бы намъ, ребятушки, Казань городъ взять».

Агенты Стеньки Разина разсѣялись въ предѣлахъ Московскаго Государства. Всего успѣшнѣе дѣйствовали они въ земляхъ нынѣшнихъ губерній Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, но проникали гораздо дальше, даже до новгородской земли, достигли до отдаленныхъ береговъ Бѣлаго Моря, прокрадывались и въ самую столицу. Въ своихъ воззваніяхъ, которыя Стенька посылалъ съ казаками, и въ своихъ рѣчахъ, которыя говорилъ, гдѣ только являлся самъ,

---

[1] «Ист. войск. донск.» 67.

онъ извѣщалъ, что идетъ истребить бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, искоренить всякое чиноначаліе и власть, установить во всей Руси казачество и учинить такъ, чтобъ всякъ-всякому былъ равенъ (²). «Я не хочу быть царемъ (говорилъ онъ), хочу жить съ вами, какъ братъ» (³). Легко было возмутить народъ ненавистью къ боярамъ и чиновнымъ людямъ; легко было поднять и рабовъ противъ господъ, но было трудно поколебать въ массѣ русскаго народа уваженіе къ царской особѣ. Стенька, поправшій и церковь и верховную власть, зналъ, что уваженіе къ нимъ въ русскомъ народѣ очень-крѣпко, и рѣшился прикрыться самъ личиною этого уваженія. Онъ изготовилъ два судна: одно было покрыто краснымъ, другое чернымъ бархатомъ. О первомъ онъ распространилъ слухъ, будто въ немъ находится сынъ Алексѣя Михайловича, царевичъ Алексѣй, умершій въ томъ же году 17 января. Стенькины прелестники толковали народу, что царевичъ не умеръ, а убѣжалъ отъ суровости отца и злобы бояръ, и что теперь Степанъ Тимоѳеевичъ идетъ возводить его на престолъ. Въ другомъ суднѣ, покрытомъ чернымъ бархатомъ, находился, какъ говорили прелестники, низверженный царемъ патріархъ Никонъ. Такимъ

(²) «Москвитянинъ» IV, 168.
(³) «Straus Reise», 255.

образомъ Стенька этими двумя путями хотѣлъ поселить въ народѣ неудовольствіе къ царю Алексѣю Михайловичу (4). Между-тѣмъ его агенты возмущали народъ всякими способами и говорили разное: въ одномъ мѣстѣ проповѣдывали казацкое равенство и уничтоженіе властей; въ другомъ возбуждали толпу именемъ царевича; здѣсь ополчали православныхъ за гонимаго патріарха; тамъ подущали старообрядцевъ враждою противъ нововведеній, за которыя обвиняли того же патріарха. Между-тѣмъ они вооружали и черемисъ, и чувашей, и мордву, раздували въ нихъ непріязнь противъ русскихъ вообще, а татаръ разгорячали фанатизмомъ мухаммеданства. Всѣ партіи, всѣ вѣрованія, всѣ страсти затрогивалъ Стенька, лишь бы произвести смуту и безпорядокъ. Холопъ вооружался на господина, служилый на своего начальника, язычникъ и мухаммеданинъ на христіанина. Стенька сносился съ крымскимъ ханомъ и пытался призвать на Русь его опустошительныя орды. По извѣстію современника (5), онъ было-завелъ даже сношеніе съ Персіею, которой такъ недавно насолилъ. Стенька послалъ къ шаху посольство; въ письмѣ своемъ онъ поддѣлывался къ восточнымъ обычаямъ и надавалъ себѣ самому высокопарныхъ

---

(4) «Stephan Razin» 18.
(5) Straus Reise, 256. «Stephan Razin» 18—22.

титуловъ, тогда-какъ въ обращеніи съ казаками оказывалъ презрѣніе къ какому бы то ни было титулу. Стенька предлагалъ шаху союзъ и требовалъ вспоможенія за такую любовь и расположеніе. При этомъ онъ угрожалъ, если ему откажутъ, опять посѣтить его государство, но уже съ двумя стами тысячъ войска. Шахъ приказалъ казакамъ, которые привезли такое письмо, отрубить головы и бросить собакамъ ихъ внутренности. Оставленъ въ живыхъ только одинъ и отправленъ къ Стенькѣ съ отвѣтомъ. Шахъ обѣщалъ на такую дикую свинью, какъ Стенька, послать своихъ охотниковъ, съ тѣмъ, чтобъ они его, живаго или мертваго, бросили на съѣденіе собакамъ. Стенька, получивъ этотъ отвѣтъ, пришелъ въ ярость, изрубилъ саблею невиннаго казака и велѣлъ бросить вóронамъ тѣло его за то, что онъ привезъ такую обиду. А этотъ казакъ радовался-было, что избѣжалъ смерти въ Персіи.

Стенька приступилъ къ Симбирску 5 сентября. Тамъ сидѣлъ, запершись, бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій. Городъ былъ укрѣпленъ двойнымъ укрѣпленіемъ: въ срединѣ находился собственно городъ, или кремль, на горѣ, а за нимъ слѣдовалъ посадъ, частію обведенный стѣною и рвомъ: тамъ былъ острогъ. Какъ только Стенька подошелъ къ Симбирску, жители сейчасъ же передались ему и впустили въ острогъ, чтобъ дѣйствовать самимъ вмѣстѣ съ каза-

ками. Не такъ-то скоро можно было взять городъ по его крѣпкому мѣстоположенію. Онъ былъ хорошо снабженъ пушками, заключалъ въ себѣ гарнизонъ изъ четырехъ стрѣлецкихъ приказовъ и значительное число дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ Симбирскаго Уѣзда и другихъ смежныхъ городовъ, искавшихъ тамъ спасенія по сосѣдству. Стенька возился около Симбирска цѣлый мѣсяцъ. Онъ укрѣпилъ острогъ, чтобъ имѣть защиту, если свѣжее войско явится откуда-нибудь на выручку Симбирска, а вокругъ города приказалъ выкопать высокій земляной валъ. Казаки взмостили на этотъ валъ пушки и бросали съ него въ городъ зажигательные снаряды—дрова, солому, сѣно. Пожаръ нѣсколько разъ зачинался, но его всегда тушили. Между-тѣмъ войско Стеньки съ каждымъ днемъ увеличивалось. Приходили къ нему бѣглые холопы и крестьяне; приходили толпы черемисъ, чувашей и мордвы. Милославскій нѣсколько разъ писалъ въ Казань и просилъ помощи, но не получалъ ея и часъ-отъ-часу положеніе его становилось безвыходнѣе. Пути были заняты мятежниками; повсюду народъ волновался; нельзя было гонцамъ пробираться. Еще немного времени—и бояринъ, конечно, не могъ бы никакимъ образомъ отъ воровскихъ казаковъ отсидѣться, какъ онъ выражался ([6]).

([6]) «Матер.» 180.

Помощь, которой онъ просилъ, послана казанскимъ воеводою, княземъ Урусовымъ, въ половинѣ сентября, подъ предводительствомъ окольничаго князя Юрія Борятинскаго. Онъ шелъ не по Волгѣ, а по сухопутью и долженъ былъ на пути сражаться съ бунтовавшими шайками чувашей и черемисовъ. Каждый шагъ ратные люди должны были покупать оружіемъ. Такимъ-образомъ Борятинскій достигъ Симбирска около октября.

Стенька зналъ путь его, и какъ-только услышалъ, что Борятинскій за двѣ версты отъ казацкаго стана, вышелъ противъ него самъ. Борятинскій, увидѣвъ, что казаки на него наступаютъ, приказалъ своему войску стоять неподвижно до-тѣхъ-поръ, какъ казаки сошлись съ нимъ уже на разстояніи не далѣе двадцати саженъ; тогда только ратные люди предупредили ихъ напоръ и стремительно на нихъ ударили. Жаркая была схватка. Люди перемѣшались до-того, что не могли отличать своихъ отъ чужихъ. Нестройныя, непривычныя къ военному дѣлу толпы мордвы и чувашей не въ силахъ были сладить съ войскомъ Борятинскаго, гдѣ были солдаты, выученные уже по европейскому образцу. Упорнѣе держались только донскіе казаки; самъ Стенька бился отчаянно; его хватили по головѣ саблею; пищаль прострѣлила ему ногу, и какой-то смѣлый алатырецъ, Семенъ Степановъ, схватилъ-было атамана и повалилъ на землю,

но самъ былъ убитъ надъ нимъ. Стенька увидѣлъ, что держаться болѣе нельзя, и побѣжалъ съ донцами въ башню. Съ утра до сумерекъ продолжалась эта битва. Ночь прекратила ее. Мятежники потеряли четыре пушки, знамена, литавры и сто-двадцать плѣнниковъ; изъ нихъ воевода оставилъ немногихъ для разспроса, а прочихъ тотчасъ же велѣлъ повѣсить.

На третій день послѣ того, 3 октября, Борятинскій сдѣлалъ мостъ на Свіягѣ, перевелъ свой обозъ, сталъ подъ кремлемъ съ саранской стороны и освободилъ Милославскаго изъ осады. Стенька сосредоточилъ свой обозъ на другой сторонѣ, на казанской, ближе къ Волгѣ, задумывая заранѣе убѣжать, когда не станетъ болѣе силы. Милославскій соединился съ Борятинскимъ.

Стенька въ наступившую ночь повелъ свое войско на приступъ; казаки бросали въ кремль большія огненныя приметы — хотѣли, во что̀ бы ни стало, произвесть пожаръ; но въ то время посланный въ тылъ отъ Свіяги полкъ полковника Андрея Чубарова такъ страшно закричалъ, что казаки подумали, что они стѣснены со всѣхъ сторонъ огромною силою. Тогда Стенька созвалъ своихъ донскихъ казаковъ на совѣтъ, тайно отъ прочихъ сообщниковъ-крестьянъ. Надежды на послѣднихъ было мало: воевать они не умѣли, и могли бы, при всемъ своемъ многолюдствѣ,

только испортить дѣло, когда бы пришлось имъ сражаться вновь съ непріятелемъ, сильнѣйшимъ и по числу, и по искусству. Казаки рѣшились оставить ихъ на произволъ судьбы и убѣжать. Чтобъ скрыть свое намѣреніе отъ крестьянъ, Стенька выстроилъ послѣднихъ въ боевой порядокъ и сказалъ:

— Стойте здѣсь, а я съ казаками пойду на новоприбылыхъ людей.

Пользуясь темною ночью, казаки сѣли въ суда и уплыли внизъ по Волгѣ. Утромъ мятежники увидѣли, что казаки ихъ оставили; въ страхѣ они покинули и острогъ, и обозъ, и пустились бѣжать къ Волгѣ; каждый хотѣлъ захватить еще суда. Суда дѣйствительно не всѣ еще уплыли; но воеводы смекнули, въ чемъ дѣло, и бросились за бѣжавшими. Борятинскій взялъ обозъ, ворвался въ острогъ, а потомъ зажегъ его и пустилъ своихъ ратныхъ людей въ погоню. Мятежники, припертые къ Волгѣ, поражаемые сзади и ружьями, и саблями, не попадали въ струги, а смремглавъ падали въ воду; другіе успѣвали овладѣть стругами, но падали съ нихъ отъ выстрѣловъ съ берега. Болѣе шестисотъ попалось въ плѣнъ живьёмъ, и они тотчасъ же были казнены безъ слѣдствія и суда: однихъ четвертовали, другихъ разстрѣливали, но большею частью вѣшали; весь окрестный берегъ Волги былъ уставленъ рядомъ висѣлицъ съ воровскими казаками и ихъ приставни-

ками. Жители подгородныхъ симбирскихъ слободъ явились съ повинною; воевода отобралъ изъ нихъ по человѣку съ слободы и наказалъ кнутомъ, а прочихъ только привелъ къ присягѣ ([7]).

Эта побѣда была чрезвычайно-важна. Можно сказать, что Борятинскій, одержавъ ее, спасъ русскій престолъ. Еслибъ успѣхъ этой битвы остался на сторонѣ Разина, мятежъ принялъ бы ужасный размѣръ. Стенька находилъ сочувствіе не только въ окрестныхъ жителяхъ, но и въ далекихъ углахъ Россіи; масса поднялась бы страшнымъ пластомъ... Борятинскій однимъ днемъ все разрушилъ. Какъ, съ одной стороны, успѣхъ Стеньки увеличивалъ число его сообщниковъ, такъ, съ другой, одинъ проигрышъ уронилъ его значеніе въ глазахъ обольщеннаго народа. Симбирская битва, столь напоминающая пораженіе южноруссовъ подъ Берестечкомъ, была вабанкъ воровскаго атамана.

XIV.

Прелестныя письма, разосланныя Стенькою, произвели скоро желанное дѣйствіе въ землѣ, близкой къ Симбирску, гдѣ стоялъ предводитель, озаренный славою недавнихъ успѣховъ. Пространство меж-

---

([7]) «Матер.» 63—66, 87—90.

ду Окою и Волгою на югъ до саратовскихъ степей, а на востокъ до Рязани и Воронежа, было въ огнѣ. Возмутители бродили партіями и поднимали народъ. Мужики помѣщичьи и вотчинные, мужики монастырскіе, дворцовые и тяглые умерщвляли своихъ господъ, прикащиковъ и начальныхъ людей, называли себя казаками, составляли шайки и шли дѣлать то же у сосѣдей. Язычники — мордва, чуваши и черемисы — поднялись на сѣверѣ отъ Симбирска. Они были возбуждены русскими возмутителями и собирались въ шайки подъ начальствомъ русскихъ, сами, кажется, не зная за что̀ бунтуютъ. Сдавались города; не было пощады воеводамъ и приказнымъ; гибель постигала того, кто не шелъ съ бунтовщиками. Какъ всегда бываетъ при народныхъ возстаніяхъ, и этотъ бунтъ отличался изобрѣтательностью въ жестокостяхъ. Преданіе говоритъ, что бунтовщики начиняли женщинъ порохомъ, зажигали и тѣшились такими оригинальными минами. Имя батюшки Степана Тимоѳеевича неслось все далѣе-и-далѣе, возжигая отвагу и дерзость; и уже въ самой Москвѣ поговаривали, что Стенька вовсе не воръ. «Что̀ тогда дѣлать, если Стенька придетъ къ Москвѣ?» спросилъ одинъ молодецъ у пожилаго. Тотъ отвѣчалъ: «Народъ долженъ встрѣтить его съ почестями, хлѣбомъ-солью!» Болтуна подслушали и повѣсили. Но потомъ поймали въ Москвѣ какого-то молодца, который ста-

рался распространять въ народѣ неповиновеніе къ царю. Ему отрубили руки и ноги, потомъ повѣсили ([1]).

Симбирское дѣло все разрушило. Мятежъ не пошелъ далѣе и впродолженіе зимы былъ задушенъ воеводами.

Освобожденный изъ осады, Милославскій жаловался, что причиною столь долгой осады Симбирска была медленность князя Урусова, главнаго казанскаго воеводы: Милославскій нѣсколько разъ просилъ его прислать вспомогательное войско на выручку, но войско пришло поздно, не ранѣе 1 октября. «Еслибъ (писалъ онъ) князь Петръ Семеновичъ Урусовъ подоспѣлъ въ пору къ Симбирску съ ратными людьми, то и вору Стенькѣ Разину съ воровскими казаками утечь было-бы нѐкуда, и черта была бы въ цѣлости: города Алатырь и Саранскъ и иные города и уѣзды до конца разорены бы не были; а это разоренье учинилось отъ нерадѣнья къ великому государю крайчаго и воеводы князя Петра Семеновича Урусова». Князь Урусовъ былъ смѣненъ, и начальство надъ дѣйствіями войска противъ мятежниковъ вручено князю Юрію Долгорукому, тому самому, который повѣсилъ Стенькина брата.

Послѣ погрома Стеньки, Борятинскій пошелъ въ

([1]) Relation. 16.

Алатырскій Уѣздъ, гдѣ собралось порядочное мятежное ополченіе изъ алатырцевъ, корсунцевъ, курмышцевъ, арзамасцевъ, саранцевъ, пензенцевъ. Народу было тысячъ пятнадцать въ этомъ ополченіи. 12-го ноября князь стоялъ близь мятежнаго села Усть-Уреня на берегу Кондарати; на другомъ берегу стояли его непріятели; разстояніе между ними было не болѣе полуверсты. Князь описывалъ это дѣло такъ: «И стояли полки противъ полковъ съ утра до обѣда; я того ожидалъ, чтобъ они перебрались за переправу ко мнѣ, а они за переправу ко мнѣ не пошли» (2). Наконецъ, когда надоѣло такое ожиданіе, князь приказалъ намостить сѣна черезъ рѣку; пѣхота перебралась. «Великъ былъ бой, стрѣльба пушечная и мушкетная безпрестанная (продолжаетъ князь), и я тѣхъ воровъ побилъ и обозъ взялъ, да одиннадцать пушекъ, да двадцать-четыре знамени, и разбилъ всѣхъ врознь; побѣжали они разными дорогами; и сѣкли воровъ конные и пѣшіе, такъ-что на полѣ въ обозѣ и въ улицахъ Усть-Уренской слободы за трупами нельзя было и проѣхать, а крови пролилось столько, какъ-будто отъ дождя большіе ручьи потекли». Плѣнные были частью казнены, частью отпущены послѣ привода ихъ ко кресту. Эта побѣда нанесла такой страхъ, что алатырцы

(2) «Матер.» 64.

вышли съ образами, съ повинною; тоже сдѣлалось съ Корсуномъ: мятежныя села этихъ уѣздовъ положили оружіе; болѣе-упорные бѣжали къ Саранску и къ Пензѣ; но когда войска занялись укрощеніемъ другихъ городовъ, въ декабрѣ въ Алатырскомъ Уѣздѣ опять собрались мятежническія скопища и отправились на село Апраксино: но посланный противъ нихъ думный дворянинъ Леонтьевъ побилъ ихъ на́-голову; зачинщики казнены, а толпа, состоявшая почти вся изъ язычниковъ, приведена къ шерти ([3]). Тогда ратные люди сожгли всѣ села и деревни, гдѣ былъ притонъ возмущенія. На сѣверъ отъ Симбирска, по всему протяженію нагорной стороны, въ уѣздахъ Цывильскомъ, Чебоксарскомъ, Козьмодемьянскомъ, Ядринскомъ и Курмышскомъ господствовало волненіе между черемисами, чувашами и мордвою. Ополченія ихъ было тогда до десяти тысячъ; но когда, послѣ разбитія Стеньки, на нихъ пошелъ съ войскомъ князь Данила Борятинскій, братъ симбирскаго побѣдителя, то они, послѣ первыхъ стычекъ, разбѣжались и потомъ со страхомъ шли приносить повинную. Такимъ-образомъ были очищены, какъ выражались тогда, уѣзды Цывильскій и Чебоксарскій. Борятинскій вѣшалъ немногихъ (зачинщиковъ), остальныхъ приводилъ къ шерти и отпускалъ.

([3]) «Матер.» 140.

Въ Козьмодемьянскомъ Уѣздѣ взволновались села архіепископскія и другія, принадлежавшія владѣльцамъ; толпа мятежниковъ понеслась къ городу; къ нимъ пристали загородныя слободы, а потомъ стрѣльцы, пушкари, ямщики и посадскіе. Козьмодемьянцы убили своего воеводу, убили подъячаго, выбрали старшиною какого-то посадскаго человѣка, освободили тюремныхъ сидѣльцевъ, одного изъ нихъ, Ильюшку Долгополова, избрали начальникомъ шайки и отправили для распространенія бунта на Ветлугѣ. По примѣру Козьмодемьянска взбунтовался и Василь. Тамошній воевода, не надѣясь сладить съ мятежниками, убѣжалъ; жители ограбили казну и сожгли всѣ царскія грамматы и все дѣлопроизводство. Толпа воровскихъ казаковъ взволновала Ядринскій Уѣздъ; составилась большая партія, большею-частью изъ черемисъ, и овладѣла Ядриномъ. Воевода, подъячіе и всѣ дворяне и дѣти боярскія были истреблены. Посадскіе приняли сторону мятежа. Но когда Борятинскій усмирилъ Козьмодемьянскій Уѣздъ и приступилъ къ Козьмодемьянску, жители этого города тотчасъ оробѣли. 2-го ноября они вышли къ воеводѣ съ повинною; впереди шли священники съ образами. Борятинскій началъ розыскъ: шестьдесятъ человѣкъ казнено смертью, сотнѣ мятежникамъ отрубили по пальцу на правой рукѣ; у другихъ отсѣкли совсѣмъ руки, а четыреста человѣкъ биты нещадно кнутомъ.

Василь, узнавъ, что̀ сдѣлалось съ Козьмодемьянскомъ, сдался добровольно и просилъ пощэды. Въ Ядринѣ оказали болѣе упорства. Партія воровскихъ казаковъ, овладѣвшая городомъ, простиралась до пятисотъ человѣкъ и могла удерживать нѣсколько времени духъ неповиновенія. Когда Борятинскій, для увѣщанія ядринцевъ, послалъ къ нимъ монаха и одного посадскаго, то они перваго сбросили съ башни, а втораго сожгли. Но послѣ того, возмутители, узнавъ, что на нихъ посылаются поиски, не стали болѣе упрямиться, оставили на произволъ судьбы посадскихъ, которыхъ ввели въ искушеніе, и сами разбѣжались. Городъ сдался. Его примѣру послѣдовалъ Курмышъ. Вездѣ повторялись сцены казней и присяги.

Когда Стенька пришелъ подъ Симбирскъ, прелестныя письма его дошли въ богатое и большое село Лысково на Волгѣ. Въ концѣ сентября двадцать человѣкъ лысковцевъ учинили между собою кругъ по казацкому обычаю и послали просить курмышскаго атамана Максима Осипова, чтобъ онъ прибылъ къ нимъ и установилъ порядокъ, какъ ведется въ казачествѣ.

Атаманъ пришелъ съ товарищами, и на встрѣчу ему вышли священники съ крестами и образа́ми. Толпа народа привѣтствовала его радостными криками. Тѣ же, которые не раздѣляли всеобщихъ чувствъ,

удалились въ Желтоводскій Макарьевскій Монастырь, на другую сторону Волги: обитель упорно оставалась вѣрна престолу. 1-го октября мятежники стали за Волгою и ударили изъ пушекъ, угрожая монастырю, потомъ послали туда казака и пять товарищей съ посланіемъ Стеньки Разина. Они требовали, чтобъ монастырь сдался и присталъ на ихъ сторону, и грозили взять его приступомъ, если не послушаетъ. Архимандритъ Пахомій, принявъ посланіе, отправилъ одного гонца въ Москву съ этимъ самымъ посланіемъ, а другаго въ Нижній просить воеводу Голохвастова прислать свѣжихъ силъ для охраненія монастыря. Осиповъ, не получая отвѣта, въ другой разъ послалъ одного старшину съ двумя лицами повторить то же требованіе. Архимандритъ и этихъ задержалъ и подвергъ разспросу, а разспросныя рѣчи отослалъ въ Москву. Атаманъ въ третій разъ послалъ двухъ священниковъ села Лыскова уговаривать архимандрита по-крайней-мѣрѣ отпустить посланныхъ. Архимандритъ отказалъ.

Тогда мятежники рѣшили взять монастырь приступомъ. 8 октября толпа вооруженныхъ жителей села Лыскова и Мурашкина, называясь казаками, переправилась черезъ Волгу и осадила монастырь со всѣхъ сторонъ: съ востока—отъ кузницъ, съ запада—съ огородовъ, съ юга—отъ гостиныхъ дворовъ и лавокъ. Монахамъ показалось, что мятежниковъ было тысячъ тридцать.

Ударили изъ пушекъ. Нагромоздили огромные костры лѣса, навалили кучи соломы и зажгли; поднялся пламень выше монастырскихъ стѣнъ, и мятежники дикимъ голосомъ кричали: «нечай! нечай!» То былъ ясакъ сообщниковъ Стеньки Разина въ этомъ краѣ. Архимандритъ сначала прибѣгъ къ духовному оружію, исповѣдывалъ и причащалъ всѣхъ, кто былъ въ то время въ обители, взялъ крестъ и святыя иконы, пошелъ по стѣнамъ, умоляя милосердіе Божіе объ удержаніи междоусобнаго меча; но потомъ начали отражать мятежниковъ силою. Въ монастырѣ было, кромѣ братіи, служебниковъ, работниковъ и крестьянъ изъ разныхъ селъ и деревень до полуторы тысячи человѣкъ, да тридцатъ душъ странниковъ-богомольцевъ. Всѣ тронулись увѣщаніями архимандрита, и старые, и малые, и мужи, и жены принялись храбро отражать приступъ мятежниковъ, лили на осаждавшихъ варъ, тушили пожаръ, который нѣсколько разъ начинался въ угольной башнѣ и въ воротахъ. «Окаянные измѣнники (говоритъ современникъ-повѣствователь) приступали съ горшимъ свирѣпствомъ: словно какъ медвѣдь, когда уязвятъ его, жесточе свирѣпствуетъ, или осы, если раздражены, то нападаютъ злѣе. Силы защитниковъ оскудѣвали. Башни и ворота загорались. Чернецы опять прибѣгали къ духовному оружію. Пронесли по стѣнамъ образъ чудотворца Макарія, покровителя обители. «Чудотворецъ пришелъ

къ намъ на помощь!» закричали всѣ, увидя икону, и такъ дружно принялись за дѣло, что угасили огонь, и мятежники отступили, не успѣвъ даже предать землѣ мертвецовъ своихъ, а свезли ихъ въ воловій загонъ и тамъ сожгли».

На другой день, на восходѣ солнца, атаманъ, или атаманишка, какъ его называютъ презрительно враги, послалъ въ монастырь священника изъ села Мурашкина, Максима Давидова.

Онъ сказалъ: «Казаки отступаютъ отъ монастыря и даютъ клятву, что больше не станутъ дѣлать приступовъ, если вы отпустите посланныхъ Першку съ товарищами; а коли не отдадите ихъ, то не отступятъ отъ монастыря до-тѣхъ-поръ, пока не разорятъ его и васъ всѣхъ не перебьютъ. Знайте, что силы наши прибавляются. Изъ-за Волги къ намъ придутъ новые казаки».

Архимандритъ посовѣтовался съ братіею и со всѣми осажденными. «Воровъ безпрестанно прибываетъ, а насъ убываетъ отъ боя. Не станемъ ихъ раздражать до конца»—сказали всѣ. И Архимандритъ отпустилъ имъ Першку съ товарищами.

Осиповъ точно отступилъ отъ монастыря. Тогда иноки и служебники стали въ монастырѣ хвалиться. «Вотъ, говорили, каковы мы! вотъ какова наша крѣпость, помышленіе и дерзость!» Одинъ другаго укорялъ и каждый себя самого предъ другими пре-

возносилъ. «О ! люди, неискусные въ божественныхъ писаніяхъ!» говорили имъ старцы: «не вѣдаете вы словесъ, написанныхъ у псалмопѣвца:« аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій; всуе вамъ есть утреневати». Не себѣ славу приписывайте, а Богу единому подобаетъ возсылать хвалу съ благодареніемъ. Придетъ за вашу гордость гнѣвъ Божій на насъ!»

И, дѣйствительно, прореченіе старцевъ сбылось черезъ нѣсколько дней. Осиповъ сдержалъ свое слово: съ такою поспѣшностью отошелъ, что нѣкоторые изъ его ватаги не попали въ струги, а въ рѣку; но явилась другая толпа самозванныхъ казаковъ подъ начальствомъ Мишки Чертоусенка. Онъ убѣдилъ Осипова снова идти подъ монастырь. Казацкое полчище подошло къ Волгѣ на перевозъ и когда начало переправляться, то ударило изъ пушекъ, заколотило въ барабаны и литавры, громко затрубило въ трубы; на защитниковъ обители нашелъ такой страхъ, что они боялись тѣни и всѣ разбѣжались врознь, оставя архимандрита съ братіею. Одинъ ссылочный конюхъ, по извѣстію современника–иностранца ([4]), жидъ происхожденіемъ, посланный въ монастырь на смиреніе, перебѣжалъ къ казакамъ и извѣстилъ ихъ объ этомъ. Тогда архимандритъ и братія, видя неминуемую бѣду, тоже убѣжали изъ обители, оставивъ въ ней отца–казначея и бывшаго симбир-

---

([4]) Relation. 22.

скаго архіепископа Тихона съ нѣсколькими братьями, которые рѣшились (говоритъ современникъ) положить свои головы въ святой обители. Мятежники свободно вошли туда и много добраго нашли. Зажиточные люди, почуявъ грозу, складывали тамъ свои поклады; были тамъ и купеческіе товары, отданные на сбереженіе подъ кровъ св. Макарія; все ограбили, все передуванили, истощили и кельи братскія, взяли и денежную казну, но братію и служебниковъ не умерщвляли, а удовольствовались тѣмъ, что причинили имъ веліе озлобленіе: вязали имъ назадъ руки, подводили къ плахѣ, какъ-будто-бы готовясь рубить головы, но оставили въ живыхъ—только попугали. Не долго гуляли удалые въ обители: 22 октября пришелъ съ войскомъ посланный княземъ Долгорукимъ князь Щербатовъ, разбилъ воровъ подъ Мурашкинымъ и прибылъ въ Лысково. Онъ началъ праведный розыскъ и казнилъ участниковъ мятежа. Одни были повѣшены, другіе посажены на колъ, иные прибиты гвоздями къ доскамъ, нѣкоторые изодраны крючьями или засѣчены до смерти. Въ числѣ казненныхъ былъ какой-то родственникъ Стеньки. Тѣ, которые успѣли убѣжать, не спаслись отъ смерти и, скитаясь въ пустынныхъ лѣсахъ, погибали отъ голода и стужи. Лысково и Мурашково поплатились очень-жестоко (5).

(5) «Stephan Razin» 26. Kurse wahrhafftige Erzählung von der blutigen Rebelion in der Moscau.

На Окѣ вотчина князя Одоевскаго взбунтовалась первая и дала примѣръ прочимъ; потомъ составлялись шайки подъ предводительствомъ казаковъ и старались не пропускать черезъ рѣку ратныхъ людей, которые во множествѣ подходили на театръ войны съ другаго берега Оки. Имъ удалось такимъ образомъ напасть на Павловъ-Перевозъ, гдѣ переходившіе ратные люди захвачены врасплохъ и побиты. Ободрясь успѣхомъ, они собрались на Лисовскій-Перевозъ и думали неожиданно напасть на переходившихъ, но одинъ священникъ села Избылецкаго предупредилъ военныхъ людей и далъ имъ средство приготовиться, такъ-что мятежники были отбиты. Этотъ священникъ послѣ за то потерпѣлъ побои и ушелъ чуть-живой. Толпы безпрестанно увеличивались и рѣшились напасть на Нижній. «Вотъ какъ Нижній возьмемъ (говорили они, хвастаясь и завлекая новыхъ товарищей), тогда вы, крестьяне, увидите царевича; а мы идемъ за царевича Алексѣя Алексѣевича и за батюшку нашего Степана Тимоѳеевича, а у насъ ясакъ Нечай: значитъ, что вы царевича не чаете, а онъ нечаянно придетъ къ вамъ!» Нестройныя толпы окружили Нижній и разставили по всѣмъ сторонамъ караулы, чтобъ ловить вѣстовщиковъ и бѣглецовъ, спасавшихся отъ гибели—разумѣется, болѣе всего владѣльцевъ и ихъ прикащиковъ. Пойманныхъ жестоко мучили и казнили тиранскою смертью. Они уже го-

товились приступить къ Нижнему, и Нижній былъ бы въ ихъ рукахъ: тамъ было немного ратныхъ людей; но мятежники услыхали, что Долгорукій, узнавъ объ опасности Нижняго, послалъ на выручку войско. Шайки стали сниматься съ своихъ становъ и не успѣли: князь Щербатовъ и Леонтьевъ погромили ихъ. Только остатки этихъ шаекъ, убѣжавъ, продолжали разбойничать по деревнямъ Нижегородскаго Уѣзда.

Въ Арзамасѣ нѣсколько времени князь Долгорукій имѣлъ главную стоянку. Въ концѣ сентября онъ услышалъ, что собирается въ окрестности сильная и многочисленная шайка бунтовщиковъ, и выступилъ изъ Арзамаса. Онъ встрѣтился съ мятежнымъ ополченіемъ подъ селомъ Паневымъ: въ ополченіи было тысячъ пятнадцать народа. Бой былъ отчаянный. Четыре раза схватывались мятежники съ царскими войсками и, наконецъ, были разбиты нá-голову. Половина ихъ легла на мѣстѣ, другая попалась въ плѣнъ и предана казнямъ ([6]). Князь взялъ у нихъ шесть пушекъ и возвратился въ Арзамасъ. По свидѣтельству современника, тамъ было главное мѣсто казней. «Страшно было смотрѣть на Арзамасъ (говоритъ этотъ современникъ): его предмѣстья казались совершеннымъ адомъ; повсюду стояли висѣлицы и на каждой висѣло по сорока и по пятидесяти труповъ;

([6]) «Собр. госуд. гр.» IV, 256. Kurze Erzählung.

тамъ валялись разбросанныя головы и дымились свѣжею кровью; здѣсь торчали колья, на которыхъ мучились преступники и часто были живы по три дня, испытывая неописанныя страданія. Впродолженіе трехъ мѣсяцевъ въ Арзамасѣ казнили одиннадцать тысячъ человѣкъ; ихъ осуждали не иначе, какъ соблюдая обряды правосудія и выслушавъ свидѣтелей (7).

Разомъ со всѣмъ этимъ возстаніе разлилось въ полосѣ, занимающей нынѣшнія губерніи Пензенскую и Тамбовскую. Когда Стенька взялъ симбирскій острогъ и велъ бой съ Милославскимъ, изъ села Урени вышло трое молодцовъ, пріѣхали въ Корсунъ и взбунтовали городъ; туда прибыло еще два человѣка донцовъ; научали они составлять круги, и въ первомъ кругѣ засудили на смерть воеводу, подъячаго и стрѣлецкаго голову. Учредивъ тамъ казацкое устройство, назначивъ начальство, они съ толпою корсунцевъ пошли къ Саранску. Едва только тамъ услышали, что изъ Корсуна идутъ къ нимъ казаки, тотчасъ убили воеводу и объявили себя на сторонѣ Стеньки. Только сто человѣкъ послѣ того вышло изъ Саранска подъ начальствомъ атамана Мишки Харитонова къ Пензѣ. Этого было достаточно, чтобъ Пенза пристала къ мятежу; тамъ убили воеводу Логинова, подъячаго,

(7) Relation. 21.

пушкарей и устроили казачину. Въ это время въ Пензу пришло шестьсотъ человѣкъ мятежниковъ изъ Саратова распространять возстаніе. Ими предводительствовалъ Гришка Савельевъ, тотъ самый, котораго Стенька оставилъ атаманомъ въ Саратовѣ. Саратовцы въ Пензѣ стали имъ за что-то недовольны, смѣнили его и вмѣсто него выбрали Ваську. Это былъ бѣглый солдатъ изъ Бѣлгорода, скрывался на Дону и присталъ къ Стенькѣ; а когда Стенька проходилъ черезъ Саратовъ, то оставилъ его въ этомъ городѣ. Въ Пензѣ пристало къ нимъ триста пензяковъ и пошли они къ Ломову подъ предводительствомъ двухъ атамановъ, Васьки и Мишки Харитонова. Нижній-Ломовъ сдался безъ выстрѣла; жители сами убили воеводу и подъячаго; 2-го октября мятежники подступили къ Верхнему-Ломову. Воевода Игнатій Корсаковъ выслалъ противъ нихъ своихъ горожанъ.

— Для чего вы сюда пришли? говорили они мятежникамъ.

Тѣ отвѣчали:

— Мы прибыли къ вамъ отъ батюшки нашего Степана Тимоѳеевича для вашего обереганія; а если вы учинитесь батюшкѣ нашему Степану Тимоѳеевичу и всему войску сильны, мы всѣхъ васъ, верхогородцевъ, побьемъ съ вашимъ воеводою, и городъ вашъ и дворы пожжемъ, и женъ и дѣтей вашихъ порубимъ, и разоримъ васъ безъ остатку.

Верхоломовцы впустили ихъ. Они сперва отслушали литургію, потомъ подлѣ церкви созвали кругъ говорили:

— Мы прибыли отъ батюшки нашего Степана Тимоѳеевича, чтобъ враговъ вашихъ воеводъ и подъячихъ искоренить, а вамъ дать льготные годы.

Жители вмѣстѣ съ ними бросились на воеводскій дворъ и разграбили его; кто не соглашался пристать къ нимъ, того умерщвляли; такъ убили одного священника, который не хотѣлъ послѣдовать своей братіи; иныхъ только ограбили да поколотили. Воеводу, по обычаю, хотѣли-было тотчасъ же убить, но жители выпросили ему жизнь; однако, черезъ два дни убили и его, какъ слѣдовало, сожгли царскія грамматы и все дѣлопроизводство и устроили казацкій порядокъ.

Изъ Ломова атаманы, усиливъ свою ватагу ломовцами, отправились къ Шацку, и на дорогѣ, въ селѣ Конобѣевѣ, сдѣлали сборъ: возвѣстили мужикамъ свободу, обратили ихъ въ казаковъ и выбрали имъ атамановъ. Но недолго мужики потѣшались. Когда Васька съ Мишкою пошли къ Шацку, воевода Яковъ Хитрово, начальствовавшій въ Шацкѣ, послалъ въ Конобѣево цѣлый полкъ съ частью другаго полка. Неустроенныя шайки были разбиты въ-пухъ. Новички побросали свое дубье, потеряли и свои знамена. Тѣмъ временемъ Мишка и Васька были, въ свою очередь, разбиты, не доходя до Шацка, и убѣжали въ

заповѣдный лѣсъ: тамъ ихъ догнали ратные люди и въ другой разъ разбили; атаманы воротились въ Ломовъ и хотѣли-было уйти прочь изъ этого края къ Стенькѣ, все еще думая, что онъ подъ Симбирскомъ, но ломовцы уговорили ихъ идти съ ними опять къ Шацку. Они пошли, но въ селѣ Раковѣ ихъ въ третій разъ разбили. Тогда Харитоновъ ушелъ въ Саранскъ, а Васька въ Керенскъ; керенцы поставили его атаманомъ, а жители троицкаго острога извѣстили, что Долгорукій пришелъ въ Красную Слободу, и уговорили его напасть на князя.

Въ то же время Темниковскій, Кадомскій и Тамбовскій Уѣзды пристали къ мятяжу. Темниковскіе крестьяне, подъ предводительствомъ какого-то попа Саввы, грабили господскіе домы, чинили надъ женскимъ поломъ поруганіе. Вмѣстѣ съ ними ходила старица (монахиня) вѣдьма; она носила съ собою заговорныя письма и коренья и посредствомъ такихъ волшебныхъ вещей пріобрѣтала побѣду. Она скликала толпу и предводительствовала мужиками. Въ Кадомѣ захватилъ власть донской воровской казакъ Лучка Ѳедоровъ. По всему уѣзду взбунтовались мужики. Въ лѣсахъ между Кадомомъ, Керенскомъ, Темниковымъ бунтовщики устроили засѣки, чтобъ дѣлать препятствія ратнымъ людямъ, когда они придутъ ихъ укрощать.

Юрій Долгорукій опять двинулся изъ Арзамаса, чтобъ укротить мятежъ, который принималъ болѣе-и-

болѣе значительные размѣры въ южныхъ странахъ собственно такъ-называемой саранской черты. Онъ обратился къ Темникову. Жители, столь скоро и легко приставшіе къ мятежу, какъ только узнали, что на нихъ идетъ большое войско, вышли за двѣ версты на встрѣчу съ крестами и иконами. Протопопъ и священники говорили за всѣхъ и просили прощенія, увѣряя, что они пристали къ мятежу поневолѣ. Они выдали и попа Савву, и старицу, и еще какого-то бѣглаго попа, возмущавшаго городъ. Долгорукій приказалъ поповъ повѣсить, а старицу сжечь въ срубѣ, какъ поступали въ то время съ колдуньями. Ее звали Алёною; была она родомъ изъ пригородной слободы подъ Арзамасомъ, находилась тамъ замужемъ, овдовѣла, постриглась и занималась тѣмъ, что портила людей; а когда поднялся бунтъ, то она пришла изъ Арзамаса въ Темниковъ, жила въ воеводскомъ дворѣ и учила вѣдовству атамана, правившаго Темниковымъ. Современники говорятъ [8], что она ходила въ мужскомъ платьѣ и была столь неустрашима, что когда ей прочитали приговоръ, то не измѣнилась въ лицѣ, а когда ее жгли въ срубѣ, то произнесла: «когда бы всѣ такъ воевали, какъ я, князь Юрій навострилъ бы отъ насъ лыжи». Нѣсколько дней раньше того, когда взяли Темни-

---

(8) «Матер.» 108.

ковъ, посланный Долгорукимъ стольникъ Степанъ Лихаревъ взялъ также легко Кадомъ и приказалъ всѣмъ возмутителямъ въ городѣ рубить головы, а въ селахъ вѣшать ихъ.

Изъ Темникова Долгорукій двинулся къ Красной Слободѣ. Это большое дворцовое селеніе (нынѣ городъ Краснослободскъ) также измѣнило и также не имѣло силы и духа защищаться: жители вышли съ крестами на встрѣчу и просили помилованія, увѣряя, что пристали поневолѣ. Они указали на пятьдесятъ-шесть человѣкъ, какъ на зачинщиковъ, и князь велѣлъ ихъ повѣсить по проѣзжимъ дорогамъ. Когда такимъ-образомъ князь утвердился въ Красной Слободѣ, мятежные жители троицкаго острога отправили въ Керенскъ просить къ себѣ Ваську, какъ выше сказано. Васька явился съ керенцами, но былъ разбитъ, не доходя восьми верстъ отъ города бросилъ мужиковъ и бѣжалъ въ Инсару, думая пробраться въ Саратовъ; но тутъ его обманомъ заманили и посадили въ тюрьму.

Съ-тѣхъ-поръ города и села сдавались одни за другими. 14 декабря Хитрово взялъ Керенскъ, 17 декабря князь Щербатовъ овладѣлъ Нижнимъ-Ломовымъ и послалъ рейтаръ и драгуновъ чинить промыселъ надъ Верхнимъ-Ломовымъ. Но Верхній-Ломовъ не далъ чинить надъ собою промыселъ: священники съ образами и крестами, а за ними и прочіе люди

вышли на встрѣчу и били челомъ государю о помилованіи и поднесли подполковникамъ и майорамъ повинную челобитную. Князь Щербатовъ проговорилъ имъ нравоученіе, чтобъ впередъ такъ не дѣлали, и велѣлъ снова присягнуть въ церкви по чиновной книгѣ на вѣрность государю. Ломовцы выдали своихъ старшинъ: двухъ русскихъ и одного татарина—ихъ повѣсили. На другомъ концѣ, въ то же время, князь Юрій Борятинскій усмирилъ уѣзды Атемарскій и Саранскій, взялъ Атемаръ, гнѣздо мятежниковъ, и, заставъ тамъ большое сборище, перевѣшалъ ихъ; потомъ разбилъ подъ Саранскомъ Мишку Харитонова и усмирилъ Саранскъ. 23-го декабря покорилась Пенза. Туда пошли полки съ начальными людьми и сотни съ сотниками, и только-что приблизились къ городу и готовились чинить промыселъ надъ ворами, какъ воры отворили ворота; оттуда вышло торжественное шествіе священниковъ съ крестами и иконами, а за ними и смиренные жилецкіе люди съ опущенными головами, предаваясь на волю карающей и милующей власти.

— Просимъ великаго государя смиловаться, говорили они:—чтобъ онъ великій государь не велѣлъ насъ жилецкихъ людей посѣченію и разоренію предавать. Ихъ обнадежили милостью государевою, увѣрили, что они останутся жить на своихъ мѣстахъ, и требовали выдачи зачинщиковъ. Пензенцы пока-

зали только на трехъ человѣкъ, да сами ратные люди нашли еще шесть московскихъ стрѣльцовъ, перебѣжавшихъ къ мятежникамъ. Но передъ тѣмъ большая толпа убѣжала изъ Пензы степью къ Саратову. Тридцать верстъ гнались за ними ратные люди, не догнали и слѣда не сыскали.

Въ концѣ декабря и въ началѣ января усмиренъ былъ Тамбовскій Уѣздъ ([9]).

Села покорялись одни за другими. Повсюду творилось это однообразно. Жители приносили повинную и обыкновенно увѣряли, что они воровали поневолѣ, хотя часто неправдоподобіе такой отговорки было очень-явно. Они выдавали зачинщиковъ, которыхъ воеводы тотчасъ допрашивали, потомъ вѣшали, инымъ рубили руки и ноги и пускали на страхъ прочимъ; менѣе-виновныхъ, которыхъ было безчисленное множество, пороли кнутомъ; наконецъ, вообще всѣхъ приводили къ присягѣ, а язычниковъ и мухаммеданъ къ шерти; воровскія письма, волновавшія умы, собирали и отправляли въ Москву въ казанскій дворецъ. Тогда, какъ показываютъ нѣкоторые акты, начальники насильно обращали мятежниковъ себѣ въ холопы, по общему понятію, что военноплѣнный дѣлался холопомъ того, кто его взялъ на войнѣ. Но

([9]) «Матер. для ист. возм. Стен. Раз.» 69—188, 264—268.

правительство запрещало это подъ крѣпкимъ страхомъ и приказывало въ разныхъ городахъ воеводамъ, а на дорогахъ заставнымъ головамъ останавливать всѣхъ, кто будетъ ѣхать съ плѣнниками, и возвращать послѣднихъ на мѣста жительства насчетъ тѣхъ, которые ихъ везли съ собою ([10]).

Вообще въ этихъ мѣстахъ въ народѣ было большое сочувствіе къ возстанію; скоро вспыхивали бунты; ничего не стоило взять городъ, овладѣть пушками, но не было ни порядка и энергіи, ни храбрости въ нестройныхъ толпахъ самозванныхъ казаковъ. Отважны они были только тогда, когда приходилось убить безоружнаго воеводу или господина, либо господскаго прикащика, и ограбить чужое достояніе, но коль-скоро являлся вооруженный отрядъ, особенно солдаты и рейтары, съ лучшимъ устройствомъ—мужики не выдерживали, часто сдавались безъ боя и хотѣли спасти жизнь отдачею на казнь тѣхъ, которые ихъ взбунтовали. Не разъ послѣ того распространялся ложный слухъ, что Стенька снова явился въ жилыхъ предѣлахъ украинныхъ городовъ—и мятежъ оживалъ; мужики, забывъ присягу, опять составляли шайки и опять сдавались и спасали себя казнью собратій, когда являлись къ нимъ ратные люди.

Въ то время, когда такъ волновались жители около-

([10]) Допол. VI. 63.

волжскаго пространства, братъ Стеньки, Фролка, поплылъ верхъ по Дону и напалъ на Коротоякъ; но, по извѣщенію коротояцкаго воеводы, князь Ромодановскій, стоявшій съ военными силами въ Острогожскѣ, поспѣшилъ туда на помощь въ-пору. Государевы ратные люди не только отбили приступъ воровскихъ казаковъ, но такъ ихъ поразили, что тѣ побросались въ свои струги и будары и побѣжали внизъ. Въ это самое время, когда Ромодановскій былъ въ Коротоякѣ, въ Острогожскѣ, имъ оставленномъ, вспыхнуло возмущеніе. Этотъ городокъ былъ основанъ въ 1652 году волынцами: тысяча человѣкъ пришли тогда на берега Тихой-Сосны, послѣ берестечскаго пораженія, искать новаго отечества и основали Острогожскъ. Онъ имѣлъ казацкое устройство и составлялъ съ другими пятью городами область Слободской Украины. Полковникомъ былъ тогда Иванъ Степановичъ Дзинковскій, сподвижникъ Хмельницкаго, приведшій казаковъ на новоселье. Впродолженіе восьмнадцати лѣтъ служилъ онъ вѣрно царю, а теперь казакъ соблазнился воззваніями Стеньки, старался возмутить своихъ подчиненныхъ, утопилъ воеводу Тимоѳея Панютина и болѣе ничего не могъ сдѣлать. Вѣрный царю сотникъ Герасимъ Карабутъ, при дѣйствіи троицкаго протопопа, успокоилъ казаковъ и связалъ Дзинковскаго: его посадили въ тюрьму съ главными одномышленниками. Жена Дзинков-

скаго послала изъ Острогожска одного казака на Донъ къ воровскимъ казакамъ и умоляла поспѣшить къ Острогожску на выручку. Кузнецъ попался въ руки ратныхъ людей съ письмомъ своей пани; измѣнникъ Ивашка Дзинковскій положилъ голову на плаху, а жена раздѣлила съ нимъ ту же участь за то, что хотѣла спасти его (11).

Возстаніе отзывалось и въ другихъ слободскихъ полкахъ. Эмиссары Стеньки успѣли-было разсѣять между жителями возмутительныя письма и взволновали Чугуевъ; бунтъ распространился и на другія мѣстности, но былъ укрощенъ содѣйствіемъ вѣрнаго сумскаго полковника Кондратьева (12).

Такъ же безполезно отозвалось возстаніе на сѣверѣ за Волгою въ Галицкомъ Уѣздѣ. Мятежники, гонимые съ нагорной стороны, перешли на луговую. Предводитель ихъ былъ воровскій казакъ Ильюшка. Онъ напалъ на Унжу, разбилъ тюрьму, освободилъ преступниковъ и, странствуя съ ними, возмущалъ села и деревни, пока не былъ пораженъ отрядомъ ратныхъ людей (13).

Подобнымъ образомъ скитались повсюду еще нѣсколько времени остатки мятежныхъ шаекъ, мало-по-

---

(11) Допол. VI, 61.

(12) «Матер. возм. Стен. Раз.», «Русск. Бес.», 1857, т. 2, стр. 72.

(13) «Матер.» 186—188.

малу попадаясь въ плѣнъ своимъ преслѣдователямъ. Ими-то, вѣроятно, была сложена заунывная пѣсня, которую поютъ до-сихъ-поръ:

Ахъ туманы вы, мои туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вамъ, туманушки, со синя моря долой,
Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца прочь!
Ты возмой, возмой, туча грозная!
Ты пролей, пролей, частъ-крупенъ дождикъ!
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтобъ тюремнички-братцы разбѣжалися,
Во темномъ бы лѣсу собиралися!
Во дубравушкѣ, во зелененькой,
Ночевали тутъ добры молодцы;
Подъ березонькой они становилися,
На восходъ Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горой взойди надъ высокою,
Надъ дубровушкой надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добра молодца,
Что́ Степана свѣтъ Тимоѳеевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ,
Добрыхъ молодцевъ, людей бѣглыихъ.
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички.

Мы весломъ махнемъ — корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ — караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ — дѣвицу возьмемъ.»

Волненіе достигло и Соловецкой Обители, гдѣ собралось уже скопище раскольниковъ, противниковъ никоновой реформы богослужебнаго текста, возбужденныхъ толками Лазаря и Аввакума. Казаки Стеньки проникли туда и нашли готовый запасъ для бунта. «Постойте, братіе, за истинную вѣру (говорили они), не креститесь тремя перстами: это антихристова печать!» Они говорили такъ, только притворяясь (замѣчаетъ современникъ), чтобъ вкрасться къ раскольникамъ въ довѣренность, а на самомъ дѣлѣ думали о томъ, чтобъ ограбить монастырь и самую братію побить. Будучи приняты съ участіемъ, они отстранили иноковъ и бѣльцовъ отъ дѣлъ, избрали начальниками свою братію Ѳаддейку Кожевника да Ивашку Сарафанова, и не только учили не повиноваться церкви, но и не считать царя государемъ ([14]). Послѣ разбитія Разина, шайки ихъ въ Соловецкомъ увеличились тѣми, которые спасались отъ казни.

Наконецъ и въ другихъ мѣстахъ—повсемѣстно на Руси—оказывались слѣды волненія; и еслибъ несчастіе Стеньки Разина не дало дѣлу другаго оборота, вѣроятно, эти слѣды не остались бы слабыми. Когда

([14]) «Спис. Солов. Обит.» 151.

Долгорукій и подчиненные ему воеводы усмиряли мятежъ въ околоволжскомъ краю, вездѣ народъ выжидалъ, что̀ будетъ дальше, и таилъ свое сочувствіе къ предводителю бунта. «Воры и мятежники (говоритъ современникъ) возмутили людей боярскихъ и прельстили ихъ сатанинскою прелестью ненависти къ боярамъ: отецъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата, другъ на друга выходили съ оружіемъ и бились до смерти; единоплеменники угождали ворамъ и были рады, когда слышали ложь, которую тѣ распускали. Разнесется вѣсть, что воры государевыхъ ратныхъ людей побили—и люди этому радовались; а скажутъ только, что ратные люди государевы воровъ побили—и станутъ люди унылы лицомъ и печалятся о погибели воровъ, ибо воры, обманывая людей, говорили имъ: мы идемъ бояръ побить а вамъ, добрымъ людямъ, дадимъ жить многіе льготные годы, и все народъ обманывали» ([15]). Въ другихъ мѣстахъ отправленные Стенькою зажигатели обращали въ пепелъ селенія и потомъ возбуждали къ мятежу лишенныхъ крова и состоянія ([16]); народъ страдалъ отъ Стеньки, страдалъ и отъ воеводъ. Современникъ-иностранецъ ([17]) говоритъ, что впродолженіе этой

([15]) «О бунтѣ Стен. Раз.», ежем. изд.акад. 1763, ноябрь, 420.

([16]) «Stephan Razin». 24.

([17]) Relation. 20.

ужасной зимы царскіе воеводы съ ратными людьми, укрощая возмущеніе, безъ жалости сожигали села и деревни, умерщвляли безъ разбора людей, обращали въ рабство, и такимъ-образомъ погибло до ста тысячъ народа, не считая казненныхъ по суду.

XV.

Симбирская катастрофа навсегда погубила дѣло, предпринятое Стенькою. До-тѣхъ-поръ ему служило счастье, все удавалось, и онъ оправдывалъ вѣрованіе съ свою сверхъестественную силу. Послѣ Симбирска въ равной степени шли неудачи за неудачами; обаяніе разсѣвалось. Онъ покинулъ возбужденную имъ чернь: ему заплатили теперь тѣмъ же. Когда онъ съ своими казаками, спасаясь отъ пораженія, присталъ къ Самарѣ, самарцы не впустили его въ городъ; не пустили его также и въ Саратовѣ, который такъ недавно сдался ему безъ боя. Стенька прибылъ въ Царицынъ и нѣсколько времени оправлялся отъ ранъ, полученныхъ подъ Симбирскомъ: онѣ, видно, были тяжелы, когда могли свалить такую натуру; но нравственное пораженіе было сильнѣе. Уже зимою Стенька съ горстью своихъ вѣрныхъ донцовъ и царицынцевъ прибылъ въ Качалинскій городокъ и принялся поправлять испорченнодѣло. Онъ написалъ въ Астрахань, чтобъ его

сообщники готовились выступить снова, а между-тѣмъ хотѣлъ поднять Донъ; но въ его отсутствіе устроивали ему на Дону гибель.

Атаманъ Корнило Яковлевъ умѣлъ удержаться въ опасное время всеобщаго волненія и искусно увертывался между двумя противными сторонами. Не отвѣдалъ онъ донскаго дна отъ мятежниковъ, которые немилосердо истребляли все, что̀ было противъ нихъ, и не попалъ подъ веревку во время всеобщей расправы. Къ-сожалѣнію, время не сохранило подробностей поведенія этого замѣчательнаго лица, и невозможно вполнѣ понять и изобразить этотъ недюжинный характеръ. Когда Стенька съ своею шайкою оставилъ Донъ, Корнило тайно отправилъ въ Москву товарища утопленнаго Евдокимова, но не послалъ никакой отписки, а только велѣлъ словесно объявить обо всемъ. Онъ былъ окруженъ партіею Стеньки и долженъ былъ потакать ей. Вслѣдъ затѣмъ прибыло съ Дона въ Москву посольство. Это былъ атаманъ Иванъ Аверкіевъ съ товарищами, числомъ двѣнадцатью. Они увѣряли въ преданности казаковъ царю, но имъ не вѣрили и сослали въ Холмогоры [1]. Какъ видно, самъ Корнило показывалъ видъ, что смотритъ несовсѣмъ-неодобрительно на мятежъ: въ царской грамматѣ, объявлявшей во все-

---

[1] «Матер.» 205.

общее свѣдѣніе о поступкахъ донскихъ казаковъ во время бунта Разина (²), сказано, что «Корнило Яковлевъ съ товарищи, которые съ нимъ (Стенькою) въ томъ зломъ умыслѣ были, отложа всякій страхъ, пришли на истину». Но въ-самомъ-дѣлѣ Корнило былъ глава партіи домовитыхъ и зажиточныхъ, оставался всегда врагомъ Стеньки и даже тогда, когда удачи въ Астрахани обѣщали грядущее торжество замысламъ мятежниковъ, старался расположить казаковъ на сторону престола и закона, но не успѣлъ и долженъ былъ покоряться всеобщему направленію умовъ, надѣясь дождаться благопріятнаго времени. Въ сентябрѣ станичный есаулъ Артемій Михайловъ привезъ царскую граммату, гдѣ царь уговаривалъ казаковъ не приставать на сторону богоотступника Стеньки и пребывать въ вѣрности государю. Корнило, стоя въ кругу, прослезился и сказалъ:

— Братцы-казаки! согрѣшили мы предъ Богомъ: отступили мы отъ святой христіанской вѣры и соборной апостольской церкви. Пора бы намъ покаяться и отложить свою дурость, а служить государю вѣрою и правдою, какъ наши отцы служили.

Замѣтивъ, что на нѣкоторыхъ эти слова дѣйствовали, Корнило въ другой и въ третій разъ загово-

---

(²) Доп. VI, 70.

рилъ въ томъ же смыслѣ: приверженцы его, значные казаки отвѣчали:

— Правда твоя, атаманъ; пошлемъ станицу къ великому государю, принесемъ ему повинную!

Они было-выбрали станичнаго атамана Родіона Калужнина, но сторонники Стеньки, которые назывались, вѣрно, въ противоположность другимъ, волжскіе казаки, закричали:

— Зачѣмъ посылать въ Москву станицу? Али захотѣлъ въ воду?

Потомъ они напустились на есаула, который привезъ граммату, за то, что прибылъ изъ Валуйки съ провожатыми оттуда.

— Для чего вы брали вожа и провожатыхъ? Нйшто сами дороги не знаете? Видимъ, видимъ, зачѣмъ вожъ и провожатые съ Валуйки отпущены: чтобъ у насъ вѣсти провѣдывать!

Корнило долженъ былъ уступить, и станица не была послана ([3]).

Но когда Стенька прибылъ на Донъ, не побывавъ наверху у государя въ Москвѣ, какъ обѣщалъ, не истребивъ бояръ, какъ надѣялись, но, разбитый боярами, покинувъ на кару соблазненный народъ, тогда Корнило сталъ дѣйствовать противъ него рѣшительнѣе и успѣшнѣе отвлекалъ отъ него сторонни-

([3]) «Матер.» 199.

ковъ. Весь Донъ сталъ настроенъ противъ Стеньки. Напрасно Стенька разсылалъ по станицамъ свои воровскія письма: бѣглецы изъ Московіи, которые прежде въ такомъ множествѣ толпились на Дону и составляли главную силу мятежнаго полчища, уже прежде были имъ выведены съ Дона, а настоящіе казаки не хотѣли отваживаться на дѣло, которое уже разъ было проиграно и, по всѣмъ вѣроятіямъ, не могло удасться въ другой разъ. Участіе донцовъ въ поджогѣ мятежа въ Московіи, при новой неудачѣ, могло навлечь ожесточеніе противъ казачества со стороны русскаго правительства и побудить его къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Донцы вспомнили, что хотя они и русскіе, но издавна признавали себя особымъ народомъ отъ великорусскихъ крестьянъ. Стенькины воззванія возбуждали не только холодность, но и вражду. Въ неистовой досадѣ, Стенька попавшихся ему въ руки нѣсколькихъ противниковъ жегъ въ печи вмѣсто дровъ (4).

Зная, что главный врагъ его Корнило Яковлевъ, а зерно его партіи въ Черкаскѣ, Стенька въ февралѣ отправился къ Черкаску. Сначала ласково, потомъ съ угрозами онъ требовалъ впустить его въ городъ. Ему отказали. Переговоры продолжались недѣлю. Черкаскъ былъ укрѣпленъ. Стенькины силы

---

(4) Доп. VI, 71.

были недостаточны. Въ послѣдній разъ послалъ онъ сказать, что придетъ снова и тогда побьетъ и изведетъ всѣхъ, а вслѣдъ затѣмъ самъ отошелъ для того, чтобъ набирать въ верховыхъ станицахъ товарищей и, можетъ-быть, двинуть своихъ сообщниковъ изъ Астрахани.

Освободившись отъ посѣщенія, Корнило Яковлевъ послалъ въ Москву станицу, извѣщалъ о нападеніи Стеньки на Черкаскъ, о его варварскихъ казняхъ надъ противниками, и просилъ прислать войска́ для защиты Черкаска и для истребленія гнѣзда мятежниковъ. Видно, Стенька тогда возбудилъ противъ себя большую вражду въ Черкаскѣ; донскіе казаки никогда не рѣшались приглашать къ себѣ московскія войска: это было противно ихъ постоянному желанію сохранить свою льготность и независимость отъ власти.

Царь, получивъ такое извѣстіе въ первую недѣлю великаго поста, пригласилъ къ себѣ старца патріарха Іосифа съ святителями и говорилъ:

— Нынѣ вѣдомо стало отъ донскихъ казаковъ, которые пришли въ Москву просить милости и отпущенія вины своей, что, по многому долготерпѣнію Божію, воръ Стенька отъ злобы своей не престаетъ и на святую церковь воюетъ тайно и явно, и православныхъ христіанъ тщится погубить пуще прежняго, и творитъ такое, чего и бусурманы не

чинятъ: православныхъ людей жжетъ вмѣсто дровъ; и мы, великій государь, ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержителѣ, имѣя усердное попеченіе о святой Его церкви, за помощію того Бога терпѣть ему вору не изволяемъ; и вы бъ, отецъ и богомолецъ и великій господинъ святѣйшій Іосифъ, патріархъ московскій и всея Руси, со всѣмъ священнымъ соборомъ совѣтъ свой предложили.

Патріархъ отвѣчалъ:

— По данной намъ отъ Бога благодати, не терпя святой Божіей церкви въ поруганіи и православныхъ христіанъ въ погубленіи, мы, смиренные пастыри словеснаго христова стада и блюстители его закона, того вора Стеньку отъ стада христова и отъ святой церкви, какъ гнилой удъ отъ тѣла, отсѣкаемъ и проклинаемъ!

Всѣ святители повторили то же, и въ тотъ же день, установленный церковью на поклоненіе святымъ иконамъ, на воспоминаніе преждебывшихъ благочестивыхъ царей и князей и всѣхъ православныхъ христіанъ, а еретикамъ и богоотступникамъ и поругателямъ святой Божіей церкви и мучителямъ христіанъ на вѣчное проклятіе, послѣ литургіи священный соборъ возгласилъ *анаѳема* вору и богоотступнику и обругателю святой церкви Стенькѣ Разину со всѣми его единомышленниками.

Немедленно послали на Донъ Корнилу Яковлеву

приказаніе чинить промыселъ надъ Стенькою Разинымъ и доставить его въ Москву на расправу, а бѣлогородскому воеводѣ, Князю Ромодановскому, велѣно отправить на Донъ стольника Косогова съ тысячью человѣкъ выборныхъ рейтаръ и драгунъ (5).

XVI.

Выше сказано, что когда Стенька отправился подъ Симбирскъ, въ Астрахани остался начальствовать атаманомъ Васька Усъ, или Чертоусъ, и съ нимъ двое старшинъ, Иванъ Терскій и Θедоръ Шелудякъ. Васька Усъ былъ главный атаманъ донскихъ казаковъ, овладѣвшихъ Астраханью, намѣстникъ батюшки Степана Тимоθеевича, и представлялъ собою верховную власть, а послѣдніе были старшины надъ астраханцами, которые, сверхъ этихъ старшинъ, имѣли еще подначальныхъ послѣднимъ есауловъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, какъ водилось на Дону въ казачествѣ. Терскъ присталъ къ мятежникамъ подъ начальствомъ Васьки Кабана, присланнаго съ шайкою изъ Астрахани.

Чрезъ нѣсколько времени городовое начальство въ Астрахани перемѣнилось. Астраханцы, по сознанію Θедьки Шелудяка впослѣдствіи, поссорились съ

(5) Доп. VI, 64, 71. «Пол. Соб. Зак.,» I. 864.

нимъ за ограбленные животы и хотѣли—было его убить. Онъ убѣжалъ въ Царицынъ. Иванъ Терскій ушелъ на Донъ. Старшинами были выбраны Иванъ Красулинъ, бывшій стрѣлецкимъ головою, и Обаимко Андреевъ ([1]).

Вскорѣ послѣ отхода Стеньки, 3-го августа, произошло въ Астрахани кровопролитіе: покончили еще нѣсколько уцѣлѣвшихъ въ первые дни рѣзни и отмѣченныхъ народною ненавистью. Въ числѣ ихъ былъ государевъ дворцовый промышленникъ Иванъ Турчаниновъ. Спасаясь отъ гибели, онъ спрятался въ палатахъ митрополита. Мятежники искали его тамъ и не нашли, и разъяренные на архипастыря за то, что скрываетъ осужденныхъ злобою толпы, ворвались къ нему съ неистовствомъ и кричали:

— Ты угождаешь боярамъ, а не намъ; коли такъ, такъ и тебѣ не уцѣлѣть и людей твоихъ домовыхъ всѣхъ перебьемъ.

Вдоволь набуянивши, они ушли, а приказные и домовые люди митрополита сошлись около своего владыки.

— Нынѣ ночью, сказалъ онъ: — было мнѣ видѣніе; вижу: стоитъ палата вельми чудна и украшенна; въ той палатѣ сидитъ предоблій бояринъ Іоаннъ Семеновичъ и съ нимъ сынъ его Борисъ Ива-

---

([1]) «Акт. истор.» IV, 402.

новичъ и братъ Михайло Семеновичъ; и сидятъ они всѣ трое вмѣстѣ и пьютъ питіе, сладкое паче меда, а надъ главами ихъ сіяютъ златые вѣнцы, украшенные каменіемъ многоцѣннымъ. Велѣли они и мнѣ сѣсть въ той же палатѣ, только не съ ними вмѣстѣ, а поодаль, а питья мнѣ не дали; говорятъ промежь себя: онъ еще къ намъ не поспѣлъ.

Разсказавъ это, архипастырь вздохнулъ и произнесъ: «Еще не пришелъ часъ мой!» (2) И долго онъ плакалъ, тряся головою. У него постоянно тряслась голова. Когда онъ былъ еще восьми лѣтъ и жилъ въ Астрахани, мѣстѣ своей родины—тогда Астрахань была въ рукахъ Марины и Заруцкаго—казаки ударили восьмилѣтняго мальчика по головѣ, и оттого тряслась у него голова до настоящаго времени (3).

Время проходило. Стенька былъ разбитъ и бѣжалъ. Его сообщники, одни за другими, бросали непривычное оружіе и расплачивались за свое увлеченіе висѣлицами, кнутами и присягами. Царскія милостивыя грамматы повсюду приглашали мятежниковъ къ повиновенію и обнадеживали ихъ прощеніемъ.

2-го ноября къ митрополиту явился татаринъ Ен-

---

(2) «Матер.» 256.
(3) Ibid. 260.

маметъ Мурза Енаевъ съ табунными головами и съ татарскими сотниками и вручилъ царскую граммату. Ее тайно привезъ узден черкесскаго князя Каспулата Муцаловича, постоянно-вѣрнаго слуги Россіи. 3-го ноября, послѣ заутрени, еще за два съ половиною часа до свѣта, митрополитъ призвалъ къ себѣ своего сына боярскаго, Петра Золоторева, прочиталъ ему граммату и со слезами сказалъ:

— Великъ и милостивъ государь, долготерпѣливъ и ждетъ обращенія измѣнниковъ. Возьми эту граммату и спиши съ ней три списка: если воры отымутъ у меня подлинную граммату, то останутся списки; одинъ списокъ положу въ соборной церкви въ алтарѣ, другой — въ домовой церкви, а третій у себя оставлю.

Петръ Золоторевъ списалъ одинъ списокъ и сталъ съ него списывать еще два, а митрополитъ позвалъ своего ключаря, Ѳедора Негодяева, показалъ ему граммату и сказалъ:

— Спиши списокъ съ этой грамматы и ступай съ нимъ къ вознесенскому игумену Сильвестру, возьми его съ собою и иди съ нимъ къ есаулу Андрею Лебедеву съ товарищами его; уговаривайте его, чтобъ онъ также свою братью воровъ уговаривалъ; а какъ настанетъ день, я прикажу заблаговѣстить и созову всѣхъ астраханскихъ людей, чтобъ увѣдали они милость государскую.

Ключарь отправился къ вознесенскому игумену Сильвестру, взялъ его съ собою и оба пошли къ есаулу. Между-тѣмъ, разсвѣтало и благовѣстъ въ соборѣ оглашалъ народу что-то важное, необыкновенное. Но только немногіе шли въ церковь по этому зову: всѣ тогда находились подъ страхомъ произвола атамана и старшинъ. Понявъ, что благовѣстъ призываетъ не къ обычному богослуженію, одни вовсе не выходили изъ домовъ, другіе же спѣшили не въ церковь, а на атаманскій дворъ, принять отъ атамана приказъ, ка̀къ поступать въ предстоящемъ случаѣ; а дворъ атаманскій въ Астрахани тогда былъ мѣстомъ народнаго собранія.

Есаулъ Лебедевъ, вмѣсто того, чтобъ объявить своей братьи такъ, ка́къ наказывалъ митрополитъ, пришелъ также во дворъ и сказалъ казакамъ:

— Митрополитъ, по наущенію бояръ, съ своими попами да съ дворовыми людьми, да съ дѣтьми боярскими, складываетъ какія-то грамматы и хочетъ насъ всѣхъ руками отдать боярамъ.

Васька Усъ не пошелъ въ церковь, а послалъ туда другихъ.

По приказанію митрополита, ключарь облачился въ священническую одежду и сталъ на амвонѣ. Митрополитъ стоялъ подлѣ него и всенародно вручилъ ему граммату.

Ключарь началъ читать ее. Граммата была неве-

лика: всего на одномъ столбцѣ написана мелкимъ письмомъ и отправлена изъ казанскаго дворца. Въ ней государь велѣлъ уговаривать мятежниковъ, чтобъ воры и клятвопреступники, астраханскіе жители, принесли вины свои Богу и великому государю и добили ему челомъ, и чтобъ также донскіе казаки принесли вины свои государю.

Прочитавъ граммату, священникъ отдалъ ее въ руки архипастыря, а митрополитъ сталъ-было, сообразно граммат҃ѣ, уговаривать мятежниковъ, но они, съ мрачнымъ лицомъ выслушавъ граммату, не дали митрополиту проповѣдывать и бросились на него съ крикомъ:

— Подай, подай сюда граммату! и вырвали ее у него изъ рукъ.

— Еретики! клятвопреступники! измѣнники! загремѣлъ митрополитъ.

— Чернецъ ты этакой! кричали мятежники:—зналъ бы ты свою келью! А тебѣ что́ за дѣло до насъ?

— Знаешь ли ты раскатъ? спрашивали другіе.

— Посадить его въ воду! кричали третьи.

— Нѣтъ, въ заточенье его! говорили четвертые.

Они отправились съ грамматою къ атаману.

На другой день мятежники пришли на митрополичій дворъ и увели съ собою ключаря. Ему связали назадъ руки, поставили въ кругу и начали бить палкою, приговаривая:

— Говори, кто граммату писалъ! Сознавайся, что вы, попы, съ митрополитомъ да съ домовыми дѣтьми боярскими, сами ее сложили.

— Нѣтъ, говорилъ ключарь: — граммата прямая, государева граммата, изъ Москвы прислана.

— А есть у митрополита съ этой грамматы списки?

Ключарь не вытерпѣлъ побоевъ и сознался, что митрополитъ оставилъ у себя три списка съ этой грамматы.

— Побрать у него всѣ списки, чтобъ не смущалъ народа! рѣшили въ кругѣ и на другой день послали къ митрополиту есаула. Упорствовать было невозможно: есаулъ требовалъ списковъ нечестью, и митрополитъ отдалъ всѣ.

Прошла зима. Возстаніе, произведенное Стенькою въ украинныхъ городахъ, улеглось. Астрахань продолжала управляться его сообщниками. Они не унывали. Ѳедька Шелудякъ помирился съ астраханцами и изъ Царицына собирался отправляться по Волгѣ вновь раздувать потухшій огонь бунта. Исходилъ великій постъ. Въ день великой пятницы, 21 апрѣля, явился къ митрополиту астраханскій стрѣлецъ Ганка Ларіоновъ Шелудякъ съ татарами и сказалъ:

— Юртовскіе татары привезли изъ Москвы государеву граммату и стоятъ за Волгою; не смѣютъ они въ городъ войти.

Митрополитъ очень обрадовался. Онъ зналъ, что рано или поздно, законная власть возвратитъ себѣ Астрахань, но желалъ достичь этого путемъ мирнымъ и счастливымъ для астраханцевъ. Онъ любилъ свою родину и хотѣлъ, чтобъ земляки его не пострадали и избавились отъ убійствъ и разореній —неминуемыхъ слѣдствій насильственнаго взятія города. Онъ призвалъ къ себѣ соборнаго священника Іоанна и сказалъ:

— Еще не истощилось милосердіе великаго государя. Иди вмѣстѣ съ человѣкомъ, извѣстившимъ насъ о царской грамматѣ, къ воровскимъ астраханскимъ старшинамъ, Ивану Красулину и Обаиму Андрееву, и скажи имъ, что государь опять прислалъ милостивую граммату; пусть они обратятся къ истинѣ и придутъ ко мнѣ для совѣта.

Священникъ пошелъ и, чрезъ нѣсколько времени воротившись снова къ митрополиту, сказалъ:

— Старшины стоятъ на базарѣ; тамъ много народа; я звалъ ихъ, но они не пошли.

— Такъ я самъ къ нимъ пойду, сказалъ митрополитъ, и, опираясь на свой пастырскій посохъ, пошелъ пѣшкомъ изъ кремля черезъ Пречистенскія Ворота въ Бѣлый-Городъ, гдѣ собирался базаръ. Тогда была большая торговля на рынкѣ, какъ обыкновенно бываетъ передъ большими праздниками.

Увидя владыку, народъ, естественно, столпился около него. Онъ говорилъ:

— Православные христіане! Мнѣ учинилось вѣдомо, что есть къ вамъ милость великаго государя, его государева призывная граммата; татары привезли ее и стоятъ за Волгою, а я не смѣю принять отъ нихъ государеву граммату, потому-что вы меня первою государевою грамматою поклепали, будто я самъ съ властьми да съ попами ее сложилъ и писалъ у себя дома. Поѣзжайте сами, возьмите и привезите мнѣ. А великій государь многомилостивъ: вины вамъ отдастъ.

Тутъ подошли старшины и закричали на народъ:

— Не смѣйте безъ атамана!

— Мы не смѣемъ безъ атамана... съ робостью повторили тѣ, которые внутренно готовы были исполнить порученіе митрополита.

Митрополитъ отправился назадъ, и при дверяхъ собора встрѣтили его атаманъ Васька Усъ и есаулъ Топорокъ. Вѣроятно, услышавъ, въ чемъ дѣло, они шли къ нему. Между ними завязалась перебранка. Дерзокъ былъ на рѣчи и Васька Усъ, но Топорокъ еще задористѣе. Онъ такъ раздражилъ митрополита, что тотъ замахнулся на него посохомъ и крикнулъ:

— Воръ ты, врагъ окаянный, еретикъ беззаконный!

Казаки подняли шумъ и крикъ, наконецъ, обругавъ митрополита, ушли отъ него.

На другой день, въ великую субботу утромъ, явился къ митрополиту есаулъ.

— Подай граммату! сказалъ онъ.

— У меня нѣтъ грамматы; она за Волгой у татаръ, отвѣчалъ митрополитъ.

Другой разъ пришли къ нему и сказали:

— Если ты не отдашь грамматъ, такъ мы всѣхъ людей твоихъ побьемъ и самому тебѣ отъ насъ достанется.

— Государевы грамматы, отвѣчалъ архипастырь:— у татаръ за Волгой. Пошлите за ними сами, кого знаете, и возьмите.

Казаки составили кругъ и рѣшили послать за грамматами. Ѣздилъ за ними Иванъ Овчинниковъ и привезъ въ двѣнадцать часовъ въ соборную церковь. За нимъ пріѣхалъ туда и Васька Усъ съ старшинами.

— Видите, сказалъ митрополитъ:—я не составлялъ самъ. При васъ распечатаю.

Онъ распечаталъ грамматы при атаманахъ. Они глядѣли пристально. Потомъ митрополитъ приказалъ читать вслухъ.

Но атаманъ и старшины перебили его и сказали:

— Намъ здѣсь нечего дѣлать. На то есть у насъ кругъ. Мы пойдемъ въ кругъ.

И вышли изъ собора.

Митрополитъ взялъ съ собою священниковъ, дѣтей

боярскихъ и дворовыхъ людей и отправился за ними въ кругъ, держа въ рукахъ двѣ грамматы.

Онъ велѣлъ читать ихъ соборному протопопу Іоанну. Сначала прочитана была граммата къ астраханцамъ и отдана Ивану Красулину, какъ городовому старшинѣ; потомъ прочитана другая къ митрополиту. Обѣ были слово-въ-слово сходны.

По прочтеніи грамматъ, голоса закричали:

— Вольно имъ писать—боярамъ самимъ! Коли бъ эта граммата была прямая государева, она была бы за красною печатью. А вося онъ, митрополитъ, самъ сложилъ ее съ властями да съ попами!

— Эхъ, тужитъ по немъ раскатъ! говорили другіе.

— Да еще осталось до того раската! подхватили третьи. Не тѣ дни теперь захватили, а то бъ онъ узналъ у насъ, какъ атаманы-молодцы смуту чинятъ! Вся бѣда и смута отъ него: онъ переписывается и съ Терекомъ, и съ Дономъ; по его письмамъ и Терекъ и Донъ отъ насъ отложились!

Какъ ни зловѣщи были эти угрозы, но митрополитъ не испугался и, обратившись къ астраханцамъ, говорилъ:

— Астраханскіе жители! велѣно по грамматѣ великаго государя перехватать донскихъ воровъ и посадить въ тюрьму до указа великаго государя, а вамъ принести свою вину великому государю. Онъ, государь, многомилостивъ, вины вамъ отдастъ, а вы

положитесь на меня; я стою затѣмъ, что государь васъ, окаянныхъ, ничѣмъ не велитъ тронуть.

Казаки съ бѣшенствомъ подошли къ нему и кричали:

— Какъ? воровъ донскихъ? Кого намъ хватать? Кого намъ сажать въ тюрьму? Мы всѣ вѣдь воры. Возьмите-ка, кричали они потомъ:—возьмите-ка самого митрополита, да посадите въ каменную будку.

— Полно, полно! останавливали другіе толпу:— теперь пристигла святая недѣля—не годится! Охъ, мы бъ тебѣ дали память!

— Отдай мнѣ граммату! сказалъ митрополиту Иванъ Красулинъ.

— Хоть бы пришлось мнѣ здѣсь и помереть, не отдамъ! сказалъ митрополитъ. — У тебя есть такая жь государева граммата.

Уваженіе къ святой недѣлѣ въ народѣ помѣшало начальникамъ наложить въ то время руки на митрополита.

Прошла пасха. Какъ видно, нетерпѣливо ожидали ея конца враги митрополита, чтобъ приняться за него. Въ ѳомино-воскресенье, послѣ обѣдни, составился кругъ. Атаманъ послалъ за ключаремъ. Онъ въ тотъ день только-что отслужилъ обѣдню.

— Кто складывалъ эти грамматы и кто писалъ ихъ? Признавайся! говорили казаки.

— Складывать ихъ было невозможно, сказалъ отецъ

Өедоръ:—вы сами знаете, что онѣ не составныя, когда сами же взяли у татаръ, которые сюда ихъ привезли.

Онъ прибавилъ нѣсколько укорительныхъ выраженій. Казаки заволновались, и атаманъ приказалъ казаку Чеусу повести священника за городъ и изрубить.

Приговоръ былъ исполненъ.

Кругъ не расходился. Потребовали еще двухъ митрополитовыхъ дѣтей боярскихъ, Семена Трофимова и Өедора Владыкина. Ихъ взяли очень-неуважительно, притащили въ кругъ и начали допрашивать:

— Кто у васъ съ митрополитомъ складываетъ граммоты? кто съ московскими боярами списывается?

Дѣти боярскія стали-было отрицать обвиненія, но казаки закричали:

— На васъ есть извѣтъ. Извѣщалъ намъ въ кругѣ казакъ Оська Серебрениковъ. Подайте сюда Оську!

Оську Серебреникова поставили въ кругъ. Оська Серебрениковъ закричалъ громкимъ голосомъ:

— Вы съ вашимъ митрополитомъ у него въ кельѣ составляете ложныя воровскія письма, а митрополичьи люди вѣдаютъ про всякія письма, чтó митрополиту пишутъ, и откуда получаетъ!

— Пытать ихъ, жечь на огнѣ! кричали въ кругѣ.

— Нѣтъ, изрубимъ ихъ! говорили другіе.

— Въ воду посадить! шумѣли третьи.

— Да что изъ того будетъ, что ихъ рубить и казнить? отозвались четвертые. — Ихъ казнимъ, а у митрополита будутъ иные писцы; пора бъ намъ приняться за самого митрополита. Убьемъ-ка его, такъ у насъ въ городѣ смуты не будетъ.

Дѣтей боярскихъ посадили подъ караулъ въ воротныхъ башняхъ, но черезъ четыре дня отпустили.

Слыша, между-тѣмъ, плохія для себя вѣсти, казаки составили приговоръ, гдѣ обязывались упорствовать въ своемъ дѣлѣ. Иванъ Красулинъ съ товарищами понесъ приговоръ митрополиту и требовалъ, чтобъ онъ подписалъ его.

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Я такого воровскаго приговора не подпишу, а одно скажу вамъ: отстаньте вы отъ своего богопротивнаго воровства, обратитесь къ истинѣ и принесите повинную великому государю!

Онъ началъ поучать его, приводя доказательства изъ священнаго писанія; но казаки отвѣчали невѣжливою бранью и ушли. Ненависть къ митрополиту усилилась.

Ѳедоръ Шелудякъ былъ тогда съ войскомъ въ Царицынѣ и узналъ подробнѣе, что Донъ рѣшительно отложился отъ ихъ партіи; Терекъ тоже. Отвсюду приходили вѣсти о паденіи ихъ дѣла. Между-тѣмъ, изъ Астрахани написали къ нему о митрополитѣ.

Онъ послалъ въ Астрахань казака, извѣщалъ казачій кругъ, что и самъ слышалъ, ка́къ митрополитъ имъ вредитъ, и приглашалъ казачество раздѣлаться съ нимъ.

11 мая астраханцы получили это извѣстіе и собрали кругъ. Старшинами были тогда Иванъ Красулинъ, Дмитрій Яранецъ да Ѳеофилъ Колокольниковъ. Они послали трехъ человѣкъ: Степана Севрина, астраханскаго посадскаго, и двухъ есауловъ, Кабанова и Бешлѣева, звать митрополита.

Было время передъ обѣдней. Совершалась проскомидія. Митрополитъ былъ въ храмѣ.

Вошедши въ церковь, два есаула сказали митрополиту грубо:

— Иди въ кругъ; тебя зовутъ.

Къ этому они прибавили нѣсколько невѣжливыхъ выраженій.

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Добро; пойду, только облачусь въ святительскую одежду.

Онъ вошелъ въ алтарь и сталъ облачаться, а посланные вышли изъ церкви и стали на паперти. Показалось имъ что-то долго.

— Что̀ это? сказалъ одинъ изъ нихъ:—митрополитъ ужь не заперся ли съ попами въ алтарѣ?

— Пойдемъ-ка въ кругъ, сказалъ другой:—скажемъ, что нейдетъ, такъ и нечестью вытащатъ изъ церкви!

Но митрополитъ вдругъ вышелъ въ полномъ облаченіи, въ митрѣ, съ крестомъ въ рукахъ. За нимъ шли: его крестовый священникъ Ефремъ, священникъ съ его учуга Іосифъ, по прозванію Оселка, соборные священники и протодьяконъ. Раздался благовѣстъ въ большой колоколъ, сзывавшій всѣхъ приходскихъ священниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ пошли, но уже не были допущены въ кругъ, не успѣвъ пристать къ митрополиту, другіе попрятались: они предвидѣли, что добромъ не кончится.

Митрополитъ отправился въ казачій кругъ. Его съ священниками поставили посреди передъ атаманомъ Ваською Усомъ, который стоялъ съ знаками своего достоинства.

Митрополитъ обратился къ нему и сказалъ:

— Зачѣмъ вы звали меня, воры и клятвопреступники?

Васька, вмѣсто отвѣта, обратился къ прибывшему отъ Шелудяка казаку Коченовскому:

— Что ты сталъ? Выступайся, съ чѣмъ пріѣхалъ отъ войска! Говори-то перво!

Коченовскій говорилъ митрополиту:

— Я присланъ отъ войска съ рѣчами: ты, митрополитъ, переписываешься съ Терекомъ и съ Дономъ, и, по твоимъ письмамъ, Терекъ и Донъ отложились отъ насъ.

— Я съ ними не переписывался, отвѣчалъ ми-

трополитъ:—а хотя бы и переписывался, такъ это вѣдь не съ Литвою и не съ Крымомъ; я и вамъ говорилъ и теперь говорю, чтобъ вы отъ воровства отстали и вины свои принесли великому государю.

Нѣсколько голосовъ завопили:

— Чтó онъ таитъ свое воровство, не переписывался будто? Какой правый человѣкъ! Чтó онъ пришелъ сюда въ кругъ съ крестомъ? Мы вѣдь и сами христіане, а ты пришелъ будто къ невѣрнымъ.

— Снимайте съ него одежду, братцы! закричали злѣйшіе его враги.

Но тутъ одинъ казакъ, по имени Миронъ, выступивъ изъ круговаго ряда, заслонилъ собою митрополита и сказалъ:

— Чтó это вы, братцы? опомнитесь! на такой великій санъ хотите руки возложить! Намъ къ такому великому сану и прикоснуться нельзя!

Стоявшій близь него казакъ Алексѣй Грузиновъ не далъ ему продолжать: заревѣвъ неистово, кинулся онъ на Мирона, схватилъ за волосы и потащилъ за кругъ; за нимъ бросились другіе казаки, начали колотить Мирона и убили его, а потомъ опять сомкнулись въ кругъ около митрополита.

Замѣчанія убитаго Мирона пробудили въ казакахъ уваженіе къ святительскому облаченію. Они разсудили, что мучить и терзать митрополита можно, но прикоснуться къ его саккосу—точно грѣхъ.

— Вы! кричали они на священниковъ:—снимайте съ митрополита санъ. Снимай ты! крикнули они на отца Ефрема и толкали его.

Ефремъ не рѣшался тронуть митрополита, тѣмъ болѣе, что разоблачать была, и по церковному чину, не его обязанность.

— Берись ты! кричали казаки на отца Іосифа.

Іосифъ приблизился; митрополитъ самъ снялъ съ головы митру, а съ груди панагію и отдалъ ему; но Іосифъ не зналъ, чтò ему дѣлать; руки его дрожали...

— Возьми крестъ! сказалъ митрополитъ отцу Ефрему.—Приходитъ часъ мой! Прискорбна была душа моя даже до смерти днесь! Протодьяконъ Ѳедоръ! снимай санъ мой, разоблачай!

Протодіаконъ сперва не рѣшался, предвидя, для чего хотятъ его разоблачать. Митрополитъ сказалъ:

— Чтò ты сталъ? чтò не разоблачаешь? Уже пришелъ часъ мой!

Протодіаконъ снялъ омофоръ и отдалъ священнику.

— Продолжай! сказалъ митрополитъ, и протодіаконъ снялъ съ него саккосъ. Митрополитъ остался въ черной бархатной ряскѣ (подрясникѣ) съ открытой головою: его камилавка оставалась въ соборѣ. Отецъ Іосифъ накрылъ ему голову своею камилавкою.

— Теперь ступайте-себѣ прочь; до васъ намъ нѣтъ дѣла! сказали казаки священникамъ.

Повели митрополита на зелейный дворъ (гдѣ хранился порохъ). Шло съ нимъ человѣкъ двадцать, а между ними палачъ князя Семена Львова, Ларка, которому прежде назначалось казнить мятежниковъ, а на самомъ дѣлѣ пришлось казнить господъ. Сняли съ митрополита ряску, сняли потомъ другую и оставили его въ одной черной суконной свиткѣ, которую онъ носилъ вмѣсто рубахи; потомъ палачъ связалъ митрополиту руки и ноги, продѣлъ между рукъ и ногъ бревно и положилъ на огонь. Бѣглый солдатъ Семенъ Сука наступилъ ему на брюхо ногою и говорилъ:

— Скажи теперь, митрополитъ, съ кѣмъ ты переписывался?

Митрополитъ, вмѣсто отвѣта, лежа на огнѣ и стараясь заглушить страданія, громко читалъ молитву, прерывая ее проклятіями своимъ палачамъ.

Его перевернули вверхъ спиною. Солдатъ началъ мять ему ноги. Потомъ допрашивали его объ имуществѣ.

— Говори, чьи у тебя животы?

— У меня ничьихъ животовъ нѣтъ, отвѣчалъ страдалецъ.

— А сколько у тебя казны?

— Всего полтораста рублей.

Обожженнаго, изувѣченнаго старика сняли съ огня, одѣли въ ряску и повели на казнь. Отъ страшной боли онъ едва могъ двигаться и пошелъ,

хромая, потому-что солдатъ измялъ ему ногу. Алёшка Грузиновъ поддерживалъ его.

— На раскатъ, на раскатъ! кричали казаки.

Митрополита вели черезъ то мѣсто, гдѣ только-что передъ этимъ былъ кругъ. Тѣло Мирона лежало неприбраное. Архипастырь наклонился къ нему и осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ. Поравнялись съ соборомъ. Митрополитъ помолился, прося у Бога твердости испить послѣднюю чашу. Наконецъ, Грузиновъ и его товарищи взвели его на высоту раската и посадили на краю, свѣсивъ ноги, къ востоку, прямо противъ собора. Алёшка сталъ его толкать.

Тогда митрополитъ, въ томъ судорожномъ отчаяніи, какое овладѣваетъ человѣкомъ при видѣ неизбѣжной смерти, ухватился за своего палача и чуть-было не сволокъ его съ собою. Подскочили другіе, вытащили его снова на террасу и положили на бокъ. Онъ вцѣпился руками и ногами за край раската, но убійцы ногами уперлись во всю длину его тѣла и столкнули его.

«И упалъ онъ, великій святитель (говоритъ современное извѣстіе), на востокъ передъ раскатными дверьми, къ собору правою щекою, и тое щеку сшибъ до крови, да изъ носа вышло руды съ половину горсти».

Минутъ двадцат убійцы стояли на раскатѣ повѣся головы и ничего не находились сказать одинъ

другому: имъ стало какъ-будто страшно своего дѣла. А внизу также молчаливо стоялъ Васька Усъ съ своими товарищами.

Священники въ соборѣ услыхали, чтó дѣлается. Соборный священникъ, отецъ Кириллъ, совершалъ литургію и первый выбѣжалъ изъ церкви; за нимъ бѣжалъ священникъ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, отецъ Козьма. Святитель еще трепетался, испуская послѣднее дыханіе. Отецъ Кириллъ припалъ ему къ груди, а Козьма къ ногамъ: они рыдали и просили послѣдняго прощанія. Но митрополитъ былъ безотвѣтенъ.

Атаманъ, увидѣвъ такую сцену, закричалъ:

— Прочь! гоните ихъ!

Есаулъ Воронокъ кинулся съ толпою казаковъ и началъ гнать священниковъ отъ тѣла. Они убѣжали въ соборъ, получивъ нѣсколько ударовъ. Тѣло лежало на мѣстѣ около часа. Между-тѣмъ казаки услышали въ соборѣ шумъ, и пятнадцать человѣкъ ворвались въ церковь.

— Что вы тутъ стучите? кричали они.

— Никто тутъ не стучитъ, говорили священники.

— Вонъ отсюда! закричали казаки и выгнали ихъ изъ храма.

Наконецъ Васька приказалъ прибрать тѣло, а самъ съ казаками отправился судить князя Семена Львова. Товарищъ Прозоровскаго, неизвѣстно по какому по-

воду, до-сихъ-поръ оставался живъ и находился въ неволѣ. Теперь его привели въ кругъ, потомъ отвели на пытку, а наконецъ палачъ Ларка отрубилъ ему голову.

Тѣло митрополита Іосифа было внесено священниками на коврѣ въ соборъ. Священники смотрѣли на него съ ужасомъ: спина и брюхо были покрыты черными пятнами и пузырями отъ огня; борода и волосы опалены; голова разбита. Его облачили въ архіерейскія одежды и положили посрединѣ храма въ уготованномъ (вѣроятно, имъ самимъ для себя) гробѣ. На другой день раздался протяжный благовѣстъ, какъ обычно звонили на преставленіе святителей; всѣ священники сошлись изъ приходскихъ церквей; о народѣ не говоритъ современное извѣстіе: вѣроятно, отъ страха никто не осмѣлился отдать послѣдній долгъ архіерею. Совершили погребеніе и понесли тѣло въ гробницу подъ придѣломъ св. Аѳанасія и Кирилла. Но какъ только поставили архипастыря въ послѣднемъ пріютѣ, въ церковь вошла толпа казаковъ, побрякивая саблями, и закричала:

— Попы! идите въ нашъ кругъ! всѣ идите сейчасъ!

Приходскіе священники повиновались. Тамъ подъячій держалъ написанную бумагу.

Стоя въ кругѣ, Васька сказалъ казацкому подъячему:

— Читай.

Подъячій читалъ:

«Лѣта такого-то, мы, атаманы, и всѣ казаки донскіе, астраханскіе, терекскіе и гребенскіе, и пушкари, и затинщики, и астраханскіе посадскіе люди, и гостиные торговые люди, написали межъ собою приговоръ, что жить намъ здѣсь въ Астрахани въ любви и совѣтѣ и никого въ Астрахани не побивать и стоять другъ за друга единодушно и идти вверхъ и побивать и выводить измѣнниковъ-бояръ...»

— Довольно! перервалъ его Васька:—прикладывайте руки, попы, и за себя и за своихъ духовныхъ дѣтей!

Священники показали-было видъ несогласія, но Васька закричалъ:

— Прикладывайте, а не то мы васъ всѣхъ до смерти перебьемъ!

Они подписывали, хотя многіе изъ нихъ и не дослышали, въ чемъ дѣло. Еще не доставало соборныхъ священниковъ. Васька послалъ за ними; они сошлись, и протопопъ Іоаннъ, прочитавъ приговоръ, подписалъ за всю свою братью. Потомъ приневолили къ подпискѣ и дьяконовъ. Въ заключеніе всего, казаки торжественно отнесли этотъ приговоръ въ троицкій монастырь. Васька Усъ отдалъ его келарю Аврааму. Келарь сохранялъ его въ ризницѣ, опасаясь, чтобъ братія не похитила его. Нѣсколько дней послѣ того, Васька заставлялъ подписывать этотъ при-

говоръ монаховъ, которые не попали въ кругъ въ день составленія приговора.

Девять дней тѣло митрополита лежало въ открытой гробницѣ; на десятый устлали гробницу камнями и закрыли досками. Никто не могъ явно вздохнуть о немъ, страшась грознаго Васьки. Но недолго онъ былъ грозенъ; чрезъ нѣсколько времени онъ умеръ отъ ужасной болѣзни: его съѣли черви.

XVII.

Въ апрѣлѣ казаки поплыли изъ Черкаска къ Кагальницкому городку; 14 апрѣля сожгли его до основанія и, по войсковому суду, перевѣшали всѣхъ до единаго сообщниковъ Стеньки, исключая самого атамана и брата его Фролки. Вѣроятно, въ числѣ умерщвленныхъ были и ихъ семейства, которыя тогда находились въ Кагальникѣ. Неизвѣстны подробности взятія Стеньки. Въ государевыхъ грамматахъ говорится объ этомъ розно: въ одной—что Кагальникъ взятъ приступомъ [1]; въ другой [2], что Стенька былъ связанъ ужемъ желѣзнымъ отъ донскихъ казаковъ, *которые обратились отъ злобъ своихъ.* Со-

---

[1] «Акт. Арх. Эксп.» 234.
[2] «Пол. Соб. Зак.» 1814.

временные иностранцы и малороссійская лѣтопись говорятъ, что Стенька взятъ былъ обманомъ ([3]). Корнило Яковлевъ былъ его крестный отецъ, и Стенька имѣлъ къ нему уваженіе: это объясняетъ нѣсколько, почему Стенька щадилъ этого старика во время своей силы, когда, какъ кажется, могъ его низвергнуть. Корнило подступилъ къ Кагальнику и вступилъ съ нимъ въ переговоры.

— Ты въ опасности, говорилъ онъ: — тебя или убьютъ или выдадутъ. Дѣло твое пропало. Ты уже не въ силахъ противостать могуществу царя. Принеси-ка лучше повинную и проси помилованія. Я получилъ отъ великаго государя граммату о томъ, что онъ прощаетъ тебя и желаетъ тебя видѣть въ Москвѣ. Поѣдемъ вмѣстѣ: тамъ ты разскажешь, какія обиды тебя искусили на воровство.

Стенька мало вѣрилъ такимъ убѣжденіямъ, но повиновался изъ отчаянія, потому-что дѣло его было окончательно проиграно, а жизнью онъ не дорожилъ. Корнило сначала оставилъ его на свободѣ ([4]), но потомъ заковалъ въ кандалы ([5]) вмѣстѣ съ братомъ. Стенька, говоритъ современникъ ([6]), не надѣялся по-

---

([3]) Relation. 25. «Stephan Razin», 27. «Лѣтоп. самовидца» стр. 50.

([4]) «Stephan Razin». 27.

([5]) «Акт. Арх. Эксп.» IV, 236.

([6]) Relation. 28.

добнаго поступка отъ лица, ему столь близкаго; но тотъ, кто былъ вѣроломнымъ противъ своего законнаго государя, не заслуживалъ ничего лучшаго.

Стенька и Фролка были привезены въ Черкаскъ. Преданіе говоритъ, что казаки очень боялись, чтобъ Стенька не ушелъ изъ-неволи: на то онъ былъ чернокнижникъ; никакая тюрьма не удержала бы его, никакое желѣзо не устояло бы противъ его вѣдовства. Поэтому его сковали освященною цѣпью и содержали въ церковномъ притворѣ, надѣясь, что только сила святыни уничтожитъ его волшебство (7). Въ концѣ апрѣля обоихъ удалыхъ братьевъ повезли въ Москву. Самъ Корнило Яковлевъ провожалъ ихъ съ другимъ значнымъ казакомъ, Михайломъ Самаренинымъ, и съ конвоемъ. Въ ихъ обозѣ отправляли трехъ драгоцѣнныхъ персидскихъ аргамаковъ, которыхъ везли нѣкогда на бусѣ, ограбленной Стенькою во время его возвращенія изъ персидскаго похода. Вмѣстѣ съ ними казаки возвращали царю три золотные ковра, взятые на той же бусѣ и принадлежавшіе, поэтому, царской казнѣ.

Фролъ былъ отъ природы тихаго нрава и затосковалъ.

---

(7) Разсказываютъ, будто въ Черкаскѣ до-сихъ-поръ сохраняется эта освященная цѣпь въ кладовой при соборѣ.

— Вотъ, братъ, это ты виною нашимъ бѣдамъ! говорилъ онъ съ огорченіемъ.

Стенька отвѣчалъ:

— Никакой бѣды нѣтъ. Насъ примутъ почестно; самые большіе господа выйдутъ на встрѣчу посмотрѣть на насъ!

4 іюня распространилась въ Москвѣ вѣсть, что казаки везутъ Стеньку. Толпы народа посыпали за городъ смотрѣть на чудовище, котораго имя столько времени не сходило съ устъ всего русскаго люда. За нѣсколько верстъ отъ столицы поѣздъ остановился. Стенька былъ еще одѣтъ въ свое богатое платье; съ него сняли его и одѣли въ лохмотья. Изъ Москвы привезли большую телегу съ висѣлицею. Тогда Стеньку поставили на телегу и привязали цѣпью за шею къ перекладинѣ висѣлицы, а руки и ноги прикрѣпили цѣпями къ телегѣ. За телегою долженъ былъ бѣжать, какъ собака, Фролка, привязанный цѣпью за шею къ окраинѣ телеги.

Въ такой тріумфальной колесницѣ въѣхалъ атаманъ воровскихъ казаковъ въ столицу московскаго государя, у котораго онъ грозилъ сжечь дѣла. Онъ слѣдовалъ съ хладнокровнымъ видомъ, опустивъ глаза, какъ-бы стараясь, чтобъ никто не прочиталъ, что́ у него было на душѣ. Одни смотрѣли на него съ ненавистью, другіе—съ состраданіемъ. Безъ-сомнѣнія, были еще такіе, что желали бы иного въѣзда

этому человѣку, бывшему столько времени идоломъ черни.

Ихъ привезли прямо въ земскій приказъ, и тотчасъ начали допросъ. Стенька молчалъ.

Его повели къ пыткѣ. Первая пытка былъ кнутъ— толстая ременная полоса въ палецъ толщиною и въ пять локтей длиною. Преступнику связывали назадъ руки и поднимали вверхъ, потомъ связывали ремнемъ ноги; палачъ садился на ремень и вытягивалъ тѣло такъ, что руки выходили изъ составовъ и становились въ ровень съ головою, а другой палачъ билъ по спинѣ кнутомъ. Тѣло вздувалось, лопалось, открывались язвы, какъ отъ ножа. Уже Стенька получилъ такихъ ударовъ около сотни, и ужь, конечно, палачъ не оказывалъ состраданія къ такому подсудимому. Но Стенька не испустилъ стона. Всѣ, стоявшіе около него, дивились.

Тогда ему связали руки и ноги, продѣли сквозь нихъ бревно и положили на горящіе уголья. Стенька молчалъ.

Тогда по избитому, обожженному тѣлу начали водить раскаленнымъ желѣзомъ. Стенька молчалъ.

Ему дали роздыхъ. Принялись за Фролку. Болѣе слабый, онъ началъ испускать крики и вопли отъ боли.

— Экая ты баба! сказалъ Стенька. Вспомни наше прежнее житье; долго мы прожили со славою,

повелѣвали тысячами людей: надобно жь теперь бодро переносить и несчастіе. Что́, это развѣ больно? Словно баба уколола!

Стеньку принялись пытать еще однимъ родомъ мученій. Ему обрили макушку и оставили виски. Вотъ какъ! сказалъ Стенька брату: слыхали мы, что ученымъ людямъ вѣнцы на голову кладутъ, а мы, братъ, съ тобой простаки, да намъ такую почесть воздаютъ!

Ему начали лить на макушку по каплѣ холодной воды. Это было мученіе, противъ котораго никто не могъ устоять; самыя твердыя натуры теряли присутствіе духа. Стенька вытерпѣлъ и эту муку и не произнесъ ни одного стона.

Все тѣло его представляло безобразную, багровую массу волдырей. Съ досады, что его ничто не донимаетъ, начали Стеньку колотить со всего размаха по ногамъ. Молчалъ Стенька ([8])...

Перенесши всѣ страданія, не высказавъ ни одного слова, Стенька не могъ быть обвиненъ собственнымъ сознаніемъ ([9]) (говоритъ современникъ); только очевидное и гласное преступленіе не затруднило приговорить его къ смерти.

Преданіе говоритъ, что, сидя въ темницѣ и дожидаясь послѣднихъ смертныхъ мученій, Стенька сло-

([8]) Relation. 28.
([9]) «Stephan Razin».

жилъ пѣсню и теперь повсюду извѣстную, гдѣ онъ, какъ-бы въ знаменіе своей славы, завѣщаетъ похоронить себя на распутіи трехъ дорогъ земли русской:

Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Межь московской, астраханской, славной кіевской;
Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ,
Во ногахъ мнѣ положите саблю вострую.
Кто пройдетъ, или проѣдетъ — остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли, моей вострой испужается:
Что лежитъ тутъ воръ удалый добрый молодецъ,
Стенька Разинъ Тимоѳеевъ по прозванію!

6 іюня его вывели на лобное мѣсто вмѣстѣ съ братомъ. Множество народа стеклось на кровавое зрѣлище. Прочитали длинный приговоръ, гдѣ изложены были всѣ преступленія обвиненныхъ. Стенька слушалъ спокойно, съ гордымъ видомъ. По окончаніи чтенія, палачъ взялъ его подъ-руки. Стенька обратился къ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы (Василія Блаженнаго), перекрестился, потомъ поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ: «простите!»

Его положили между двухъ досокъ. Палачъ отрубилъ ему сначала правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно. Стенька при этихъ страданіяхъ не издалъ ни одного стона, не показалъ знака, что чувствуетъ боль. Онъ (говоритъ современникъ) ([10]) какъ-будто хотѣлъ показать народу, что

([10]) «Stephan Razin» 29.

мститъ гордымъ молчаніемъ за свои муки, за которыя не въ силахъ уже отомстить оружіемъ. Ужасное зрѣлище истязаній надъ братомъ окончательно лишили послѣдняго мужества Фролку, видѣвшаго то́, что́ ожидало его самого черезъ нѣсколько минутъ.

— Я знаю слово государево! закричалъ онъ.

— Молчи, собака! сказалъ ему Стенька.

То были послѣднія его слова. Палачъ отрубилъ ему голову. Его туловище разсѣкли на части и воткнули на колья, какъ и голову, а внутренности бросили собакамъ на съѣденіе ([11]).

Для Фролки казнь была отсрочена. Его подвергли снова допросу. Онъ сказалъ:

— Отъ большой пытки я не пришелъ въ память и не высказалъ всего, а теперь опамятовался и скажу все, что́ у меня въ памяти. Были у моего брата воровскія письма, присланныя откуда ни на есть, и эти всякія бумаги онъ зарылъ въ землю для того, что какъ въ домѣ у него никого не было, такъ онъ собралъ ихъ въ денежный кувшинъ, засмолилъ и зарылъ въ землю на островѣ, на рѣкѣ Дону, на урочищѣ Прорвѣ, подъ вербою, а эта верба посерединѣ крива, а около ней густыя вербы; а около острова будетъ версты двѣ или три. Да еще за два дня до прихода Корнилы Яковлева, Степанъ,

---

([11]) Ibid. Relation. 29. Kurze Erzählung.

братъ, посылалъ меня въ Царицынъ взять его рухлядь у посадскаго человѣка Дружинки Потапова; говорилъ онъ, что у него есть костяной городъ, образцомъ сдѣланъ будто Цареградъ... Подлинно не знаю, у кого взялъ онъ его: у князя ли Семена, либо у кизильбаша, только Стенька велѣлъ взять этотъ городъ, да сундукъ съ платьемъ.

Впослѣдствіи, въ сентябрѣ того же года, казацкій атаманъ съ выборными казаками ѣздили искать этихъ писемъ на островѣ, пробовали землю щупами и ничего не нашли ([12]). Современные иностранцы ([13]) говорятъ, что Фролъ получилъ жизнь и осужденъ на вѣчное тюремное заточеніе.

Какъ бывало мнѣ, ясну соколу, да времечко:
Я леталъ младъ-ясенъ соколъ по поднебесью,
Я билъ побивалъ гусей-лебедей,
Еще билъ побивалъ мелку пташечку.
Какъ, бывало, мелкой пташечкѣ пролету нѣтъ.
А нонѣча мнѣ, ясну соколу, время нѣтъ.
Сижу я, младъ-ясенъ соколъ, во поиманѣ,
Я во той ли во золотой во клѣточкѣ,
Во клѣточкѣ на жестяной на шесточкѣ.
У сокола ножки спутаны,
На ноженькахъ путочки шелковыя,
Занавѣсочки на глазынькахъ жемчужныя!
Какъ бывало мнѣ, добру молодцу, да времечко:
Я ходилъ, гулялъ, добрый молодецъ, по синю морю,

([12]) «Матер. для ист. Стен. Раз.» 200.
([13]) Das grosse Reich von Moscovien. 109.

Ужь я билъ, разбивалъ суда-корабли,
Я татарскіе, персидскіе, армянскіе,
Еще билъ, разбивалъ легки лодочки:
Какъ бывало легкимъ лодочкамъ проходу нѣтъ;
А нонѣча мнѣ, добру молодцу, время нѣтъ!
Сижу я, добрый молодецъ, во поиманѣ,
Я во той ли во злодѣйкѣ земляной тюрьмѣ.
У добра молодца ноженьки сокованы,
На ноженькахъ оковушки нѣмецкія,
На рученькахъ у молодца замки затюремные,
А на шеюшкѣ у молодца рогатки желѣзныя.

Корнило Яковлевъ и Михайло Самаренинъ возвратились на Донъ вмѣстѣ съ стольникомъ Косоговымъ, который везъ казакамъ милостивую царскую граммату, хлѣбные и пушечные запасы и денежное жалованье. Очень обрадовались казаки хлѣбнымъ запасамъ, потому-что у нихъ былъ тогда неурожай, а недавнія смуты вовсе не благопріятствовали успѣхамъ земледѣлія. Казачество встрѣтило пословъ за пять верстъ отъ Черкаска. Войсковымъ атаманомъ былъ тогда Логинъ Семеновъ. Когда, по обычаю, былъ собранъ кругъ, Косоговъ сообщилъ, что атаманы Корнило Яковлевъ и Михайла Самаренинъ въ Москвѣ дали за все казачество обѣщаніе принест присягу на вѣрность государю. Только домовитые и значные казаки согласились безъ отговорокъ; люди молодые и незнатные, бо́льшею частью прежніе приверженники Стеньки, приняли такое требованіе неохотно.

— Мы (они говорили) рады служить великому государю и безъ крестнаго цалованія, а креста цаловать не́чего.

Молодцы еще считали себя не подданными, а вольными людьми, служащими царю не по обязанности, а по охотѣ. Но партія старѣйшихъ взяла верхъ. Три круга собирались одинъ за другимъ. На третьемъ кругѣ старшіе проговорили:

— Даемъ великому государю обѣщаніе учинить предъ святымъ евангеліемъ, цѣлымъ войскомъ; а кто изъ насъ на обѣщаніе не пойдетъ, того казнить смертью по воинскому праву нашему и пограбить его животы; а пока не принесутъ всѣ обѣщанія, положимъ крѣпкій заказъ во всѣхъ куреняхъ не продавать ни вина, ни другаго питья, и кто къ обѣщанію пойдетъ пьянъ, такому человѣку, какъ и продавцу вина, учинимъ жестокое наказаніе.

29 августа, черный священникъ Боголѣпъ привелъ къ присягѣ атамановъ и прочихъ казаковъ по чиновной книгѣ передъ стольникомъ и дьякомъ.

— Теперь, сказалъ послѣ того стольникъ:—атаманы и казаки! сослужите великому государю вѣрную службу: идите со всѣмъ войскомъ подъ Астрахань противъ оставшихся тамъ единомышленниковъ Стеньки.

— Радостными сердцами пойдемъ подъ Астрахань

и будемъ служить великому государю! отвѣчали казаки ([14]).

А между-тѣмъ остатки приверженцевъ казненнаго Стеньки, спасшіеся отъ бойни ихъ братьи въ Кагальникѣ, подъ знаменемъ Алёшки-Каторжнаго, въ отчаяніи бѣжали въ Астрахань, грустно запѣвая:

Помутился славный тихій Донъ
Отъ Черкаска до Черна Моря!
Помѣшался весь казачій кругъ!
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимоѳеевича
По прозванью Стеньки Разина!
Поимали добра молодца,
Завязали руки бѣлыя,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной Площади
Отрубили буйну голову!

XVIII.

Но не пришлось имъ служить подъ Астраханью, какъ обѣщали. Они отговаривались тѣмъ, что крымскій ханъ съ стотысячною ордою, вѣроятно, по сношеніямъ съ астраханскими мятежниками, готовится идти къ Азову, и Донъ требуетъ обороны. Дѣло обошлось и безъ ихъ помощи.

([14]) «Матер. для ист. Стен. Раз.»

Өедька Шелудякъ отправился съ астраханцами и царицынцами вверхъ по Волгѣ, захватилъ въ свою ватагу саратовцевъ; потомъ пристали къ нему самарцы съ Ивашкомъ Константиновымъ. Это полчище въ іюнѣ достигло Симбирска. Тамъ начальствовалъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ. Мятежники стали подъ городомъ и послали челобитную, какъ-будто-бы просить прощенія, но написали ее въ такомъ тонѣ, какъ люди, нелишенные надежды оправдаться. Они писали, что вооружались противъ царскихъ измѣнниковъ-бояръ и называли измѣнниками по имени князя Юрія Долгорукаго и боярина Хитрово, царскаго оружейничаго. Имъ отвѣчали — и за это Шереметевъ впослѣдствіи получилъ выговоръ отъ царя. Впрочемъ, отвѣтъ его былъ, конечно, неудовлетворителенъ для Шелудяка, когда, вслѣдъ затѣмъ, казаки начали приступъ.

На этомъ приступѣ они были отбиты. Повторили его въ другой разъ и также были разбиты. Наконецъ, около 23 іюня, Шереметевъ сдѣлалъ на нихъ сильную вылазку и такъ поразилъ, что они потеряли пушки, ружья, запасы и бѣжали безъ оглядки къ Самарѣ, оставивъ въ рукахъ побѣдителя плѣнныхъ, которые потомъ были казнены.

Изъ Самары все полчище разбѣжалось. Өедька Шелудякъ убѣжалъ съ астраханцами въ Астрахань; саратовцы и царицынцы разошлись по домамъ; са-

марцы остались въ своемъ городѣ, а съ ними было нѣсколько изъ другихъ городовъ; всего въ Самарѣ набралось ихъ двѣ тысячи. Они послали отъ себя Лукьяна Сергѣева просить пощады.

Какъ только въ Москвѣ получили извѣстіе о побѣдѣ Шереметева, былъ отправленъ на судахъ съ московскими стрѣльцами и тамбовскими солдатами бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій. Царь далъ ему право, въ случаѣ надобности, увѣрить мятежниковъ царскимъ прощеніемъ. Чтобъ придать этому походу значеніе того государскаго милосердія, которое *великія и страшныя вины отпускаетъ не иного чего ради*, по словамъ сказанія о Стенькѣ Разинѣ, *токмо ища погибшихъ душъ къ покаянію и обращенію*, бояринъ получилъ икону Пресвятыя Богородицы, называемую живоносный источникъ въ чудесѣхъ.

Это ополченіе достигло Астрахани въ послѣднихъ числахъ августа. Вѣрные своему приговору, надѣясь притомъ, какъ видно, на содѣйствіе крымскаго хана, мятяжники рѣшились не поддаваться, и услышавъ, что бояринъ приближается, поплыли противъ него на стругахъ, чтобъ не дать ему достигнуть до города. Милославскій присталъ у Болдинскаго Устья, выше города, и приказалъ укрѣпляться, а междутѣмъ послалъ въ Астрахань предложеніе сдаться и принести повинную. Упорно отвергли его удалые.

Предводитель новой шайки, приставшей къ нимъ изъ донскихъ остатковъ стенькиной, Алёшка-Каторжный, перешелъ на нагорную сторону, чтобъ пресѣкать сообщеніе Милославскаго съ верховымъ краемъ по Волгѣ, и схватилъ гонца съ царскою грамматой, а вслѣдъ затѣмъ астраханцы сдѣлали нападеніе на боярскій станъ на Болдинскомъ Устьѣ. Тогда Милославскій, 12 сентября, приказалъ на нагорной сторонѣ, на рѣчкѣ Соленой, сдѣлать земляной городокъ. Не успѣли ратные люди окончить своей работы, какъ Ѳедька Шелудякъ и Каторжный напали на царское войско. Они были отбиты, и, убѣгая обратно, многіе попадали въ Волгу, другіе попались въ плѣнъ и не были казнены, какъ прежде дѣлалось.

Съ-тѣхъ-поръ бояринъ стоялъ подъ Астраханью три мѣсяца, стараясь дѣйствовать болѣе убѣжденіемъ, чѣмъ оружіемъ. Ѳедька и его главные сообщники рѣшились защищаться до весны; но положеніе Астрахани дѣлалось со дня на день печальнѣе: тамъ былъ недостатокъ съѣстныхъ запасовъ и люди стали голодать. Многіе являлись къ Милославскому съ повинною. Бояринъ не только не казнилъ ихъ, но ласкалъ, кормилъ и поилъ. Эти примѣры ободряли и другихъ къ такимъ же поступкамъ. Между-тѣмъ явился черкесскій князь Каспулатъ Муцаловичъ, осадилъ Астрахань съ другой стороны, и такимъ образомъ положеніе ея стало безвыходно. Рвеніе къ мятежу

угасало. Уже партія Ѳедьки значительно умалилась. Въ досадѣ, казаки, неистово нехотѣвшіе сдаваться, всѣмъ на страхъ, хотѣли перебить вдовъ и дѣтей тѣхъ, которые были прежде умерщвлены при Стенькѣ и Васькѣ Усѣ; но это намѣреніе почему-то не исполнилось. Милославскій послалъ въ Астрахань еще новое предложеніе и увѣрялъ, что всѣмъ будетъ пощада и великій государь, по милости своей, отпуститъ имъ вины.

24 ноября Ѳедька, видя, что въ Астрахани нѣтъ болѣе единомыслія, взялъ изъ ризницы троицкаго монастыря приговоръ, составленный на другой день смерти митрополита Іосифа, и изорвалъ его. Вѣроятно, желая обдѣлать сдачу города какъ можно выгоднѣе, онъ вступилъ въ сношенія съ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ, но тотъ, выманивъ его на переговоры, задержалъ.

Астраханцы, лишенные самаго упорнаго мятежника, послали къ Милославскому сказать, что они сдаются. Это было 26 ноября. Милославскій приказалъ дѣлать мостъ на рѣкѣ Кутумѣ для торжественнаго входа государева войска.

На другой день, 27 ноября, мостъ былъ готовъ. Всѣ ратные люди пошли пѣшіе, а Милославскій впереди несъ въ рукахъ икону; всѣ были безъ шапокъ и въ лучшихъ платьяхъ; священники пѣли молебствіе, а на встрѣчу къ боярину выходили съ икона-

ми также священники, и за ними всѣ астраханцы, большіе и малые. Когда обѣ процесіи встрѣтились, астраханцы упали на землю и завопили:

«Истинно-достойны мы смертнаго посѣченія; но какъ Богъ милосердый грѣшниковъ прощаетъ, такъ и мы просимъ великаго государя наши вины отдать!»

Бояринъ отвѣчалъ:

— По милости великаго государя, вамъ всѣмъ — всякихъ чиновъ людямъ, кто былъ въ воровствѣ, вины всѣмъ отданы, и вы государскою милостью уволены.

При радостныхъ восклицаніяхъ народа, при веселомъ звонѣ колоколовъ, бояринъ вошелъ въ соборную церковь, поставилъ тамъ свою икону и, призвавъ иконописца, сказалъ:

— Спиши съ этой иконы новую, да поставится она въ семъ храмѣ въ память предъидущимъ родамъ!

Потомъ онъ принялъ печать Царства Астраханскаго, приказную избу, осмотрѣлъ всѣ укрѣпленія, поставилъ караулы на башняхъ, водворилъ стрѣльцовъ, и такимъ образомъ возвратилъ Астрахань власти царя.

Никто не былъ казненъ; никто не былъ задержанъ; не было никакого разбирательства. Самые важные преступники остались безъ преслѣдованія. Самъ Ѳедька Шелудякъ жилъ на свободѣ и потомъ находился во дворѣ боярина. Не обошлась, однако, имъ даромъ

такая льготность. Они, по обычаю времени, должны были передать свои награбленныя богатства въ руки боярина и воеводы и чиновныхъ людей, головъ, подъячихъ, дворянъ и проч. Такимъ-образомъ Ивашка Красулинъ подарилъ боярину шубу и саблю, которая на дуванѣ досталась ему послѣ князя Семена Львова; Ѳеофилка Колокольниковъ далъ ему перстень съ камнемъ да горлатную лисью шапку, да, сверхъ того, все свое имущество долженъ былъ отдать въ приказную избу. Митька Яранецъ далъ ему панцырь, а его подъячихъ обдѣлилъ матеріями. Есаулъ Ларинъ далъ ему турецкую пищаль. Убійца митрополита, Алёшка Грузиновъ, когда сами астраханскіе жители обвиняли его въ этомъ убійствѣ, отдѣлался тѣмъ, что роздалъ кафтаны да шапки приказнымъ людямъ и получилъ отпускъ изъ Астрахани. Монахи искупляли свое сношеніе съ мятежниками тысячами рыбъ, приносимыхъ боярину. Многіе отдавались въ холопы воеводѣ, дьякамъ, подъячимъ и стрѣлецкимъ головамъ. Они какъ-будто желали теперь загладить свою прежнюю вольницу добровольнымъ порабощеніемъ. Къ этому понуждалъ ихъ большой недостатокъ съѣстнаго и бѣдность, одолѣвшая ихъ послѣ того, какъ они все, что̀ награбили, прежде пропивали, а потомъ отдавали начальнымъ людямъ; да къ-тому же многіе между ними были бѣглые люди и хотѣли избавиться возврата къ прежнимъ господамъ.

Правительство сначала не было, повидимому, недовольно милосердіемъ Милославскаго: по-крайней-мѣрѣ, по его отзыву, впослѣдствіи, оно въ своихъ грамматахъ дозволяло отпускать покаявшихся мятежниковъ. Но лѣтомъ 1671 года присланъ въ Астрахань князь Яковъ Одоевскій для суда и расправы. Начались допросы, пытки, казни. Ѳедька Шелудякъ былъ взятъ изъ двора Милославскаго. Вслѣдъ затѣмъ взято изъ того же двора тридцать-два человѣка бѣглыхъ боярскихъ людей, участниковъ мятежа и вступившихъ въ услуженіе къ боярину.

Милославскій былъ этимъ недоволенъ, и на запросы Одоевскаго прямо указывалъ на царскія грамматы, въ которыхъ прощались астраханскимъ мятежникамъ всѣ ихъ вины. Но ему въ новыя дѣла вступаться не велѣно.

Отыскивали и препровождали въ Астрахань тѣхъ, которые, съ позволенія Милославскаго, находились въ другихъ городахъ. Такимъ-образомъ изъ Саратова были привезены: Алёшка Грузиновъ, убійца митрополита Іосифа, бывшій въ Астрахани тысячникомъ' Ивашка Грѣховъ, теперь мирно-промышлявшій наемною работою на рыбныхъ ловляхъ, и бѣглый человѣкъ князя Львова, Пашка Полякъ. Главные преступники, какъ, напримѣръ, Ѳедька Шелудякъ, Алёшка Грузиновъ, Ѳеофилка Колокольниковъ, Красулинъ и другіе были повѣшены. Одинъ, по имени

Корнилко Семеновъ, сожженъ живой за то, что у него нэшли тетрадку заговорнаго письма. Другіе были отправлены на службу въ верховые города съ бояриномъ Милославскимъ, который, однако, не подвергся ничему за свои взятки.

Новый астраханскій митрополитъ Пароеній приказалъ вынуть гробъ своего предшественника и поставить посреди церкви. Такъ стоялъ онъ три дня, и астраханскіе жители приходили просить у покойника прощенія, а потомъ, въ знакъ уваженія къ его мученической кончинѣ, погребли его въ главной соборной церкви, въ углу за святительскимъ мѣстомъ. Набожные люди видѣли въ немъ праведнаго страдальца. Носились вѣсти о знаменіяхъ, которыми небо свидѣтельствовало о его праведности. 16 августа 1671 года, въ астраханской приказной палатѣ отбирали показанія о такихъ знаменіяхъ. Двое пушкарей объявили, что, черезъ недѣлю послѣ смерти митрополита, они стояли на караулѣ близь зелейнаго двора и увидали ночью свѣчу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ архипастырь былъ сброшенъ съ раската. Это видѣніе повторялось три ночи сряду и продолжалось каждый разъ три часа. Другой, отставной стрѣлецъ Иванъ Глухой, говорилъ:

— Когда воровскіе казаки и астраханскіе жители столкнули съ раската митрополита Іосифа, я скорбѣлъ ногою, грыжною болѣзнью. Въ первую ночь

послѣ этого дня, во второмъ часу ночи, какъ есть, кто-то меня за больную ногу дернулъ; я въ то время всталъ и сталъ ужастенъ, и ненарокомъ поглядѣлъ отъ себя изъ чердака въ красное окошко къ соборной церкви отъ урочища улицы гостинаго двора и тогда на раскатѣ у соборной церкви увидѣлъ я: три свѣчи горятъ; отъ середней свѣчи какъ-будто искры и пламя великое, а надъ нею будто кубецъ; не въ обычай было мнѣ то чудо; размышлялъ я всяко, и въ ту ночь девять разъ вставалъ смотрѣть, а тѣ свѣчи горѣли неугасимо. Про такое чудо я никому не повѣдалъ, ни домашнимъ, а только поутру, какъ всталъ, скорбною ногою здоровъ сталъ. Съ того числа, съ мая 11 по 6 августа, съ вечера до утра, какъ только встану и погляжу, горѣли свѣчи неугасимо. Седьмаго августа а извѣщалъ объ этомъ протопопа да старца митрополичьяго чашника, а протопопъ мнѣ сказалъ, что многіе люди видятъ свѣчи на томъ мѣстѣ, гдѣ митрополитъ упалъ на землю. Съ этого времени я больше ничего не видалъ и съ той поры обрекался поставить образъ успенія Пресвятыя Богородицы на томъ мѣстѣ, гдѣ митрополитъ погребенъ.

Митрополитъ Іосифъ не былъ причисленъ къ лику святыхъ; но до-сихъ-поръ въ Астрахани набожные люди поклоняются его могилѣ.

XIX.

Уже истекаетъ два столѣтія съ-тѣхъ–поръ, какъ прокатилась по Руси эта страшная гроза, и народная память сохранила ее въ блѣдныхъ, фантастическихъ о́бразахъ. Имя Стеньки Разина извѣстно и старому и малому въ томъ краю, гдѣ совершались его похожденія. Берега Волги усѣяны урочищами съ его именемъ. Въ одномъ мѣстѣ набережный шиханъ (холмъ) называется «Столъ Стеньки Разина», потому-что онъ тамъ обѣдалъ съ своими товарищами; въ другомъ такой же холмъ называется «Шапкой Стеньки Разина», потому-что будто-бы онъ оставилъ на немъ свою шапку; въ третьемъ—ущелье, поросшее лѣсомъ, называется «Тюрьмою Стеньки Разина»: тамъ, говорятъ, онъ запиралъ въ подземельяхъ взятыхъ въ плѣнъ господъ. На сѣверъ и на югъ отъ городовъ Камышина и Царицына, по нагорному берегу Волги — рядъ бугровъ, которые называются «Буграми Стеньки Разина», въ память того, будто-бы онъ тамъ закладывалъ свой станъ. Всѣ эти бугры схожи между собою тѣмъ, что отдѣляются отъ материка ущельями, которыя въ весеннее время наполняются полою водою; всѣ эти бугры—экземпляры одного идеальнаго бугра, существующаго въ народномъ воображеніи. Въ одномъ селѣ указываютъ

на бугоръ и говорятъ: «вотъ бугоръ Стеньки Разина; тутъ былъ его станъ», а въ другомъ селѣ говорятъ: «неправда, не тамъ этотъ бугоръ, а вотъ онъ!» Старые люди разсказывали, что давно видны были тутъ окопы, и погреба, и желѣзныя двери. Въ погребахъ Стенька спряталъ свое богатство; и теперь тамъ лежитъ, да взять нельзя: заклято! Стенька Разинъ на своей кошмѣ-самолеткѣ-самоплавкѣ перелеталъ съ Дона на Волгу, а съ Волги на Донъ. На Дону было у него мѣсто—называется камень, а на Волгѣ былъ у него бугоръ. Пограбитъ суда на Дону—полетитъ на Волгу; пограбитъ суда на Волгѣ—полетитъ на Донъ. Не было спуску ни царскимъ судамъ, ни купеческимъ, ни большимъ, ни мелкимъ: со всѣхъ судовъ Стенька бралъ подать; а кто вздумаетъ обороняться, тѣхъ топилъ, а господъ большихъ ловилъ да въ тюрьму сажалъ. Вотъ и шлетъ къ нему самъ царь: «Зачѣмъ, говоритъ, ты царскихъ судовъ не пропускаешь?» А Стенька говоритъ: «Я, молъ, ваше царское величество, не знаю, какія есть суда царскія, какія нецарскія». Царь приказалъ на всѣхъ царскихъ судахъ ставить гербы. Стенька поэтому не трогалъ ихъ и пропускалъ, и дани не бралъ. Царь за это прислалъ къ нему въ подарокъ шапку. Только тогда купцы сговорились, да и на свои суда стали ставить гербы, а Стенька, какъ это узналъ, и говоритъ: «нельзя разобрать, какія суда есть цар-

скія, какія нецарскія!» и опять со всѣхъ судовъ сталъ брать дань. Много лѣтъ онъ такимъ образомъ леталъ съ Дона на Волгу, съ Волги на Донъ; а взять его никакимъ войскомъ нельзя было, для-того, что онъ былъ чернокнижникъ. Потомъ собралъ онъ шайку и поплылъ въ Персію и воевалъ онъ тамъ два года и набралъ такъ много богатства, что и счесть и сметить невозможно, а какъ ворочался, въ Астрахани воеводы не хотѣли пропустить его. Стенька говоритъ: «Пропустите меня, воеводы; я вамъ ничего дурнаго не дѣлаю!» Воеводы таки не пропустили, а велѣли палить на него изъ ружей и изъ пушекъ; только Стенька какъ былъ чернокнижникъ, его нельзя было донять ничѣмъ; онъ такое слово зналъ, что ядра и пули отъ него отскакивали. Тогда подманила его дѣвка Маша, какъ въ пѣснѣ поется; но и тутъ Стенька улизнулъ отъ бѣды, и за эту штуку не простилъ воеводамъ. На другой годъ онъ пришелъ въ Астрахань съ войскомъ и осадилъ кругомъ городъ. А въ Астрахани жили больше все невѣрные. Стенька приказалъ палить холостыми зарядами и послалъ сказать, что жалѣетъ православныхъ христіанъ, а проситъ, чтобъ христіане отворили ему ворота. Христіане и отворили ворота; онъ, какъ вошелъ, всѣхъ невѣрныхъ ограбилъ, а иныхъ до смерти побилъ, и воеводъ побилъ, за то, что его не пропускали, какъ онъ ворочался изъ Персіи, а

христіанамъ ничего худаго не сдѣлалъ. Тогда былъ въ Астрахани митрополитъ; сталъ онъ его, Стеньку, корить и говоритъ ему: «Вишь какая у тебя шапка—царскій подарокъ; надобно, чтобъ тебѣ теперь за твои дѣла царь на ноги прислалъ подарокъ—кандалы». И сталъ его митрополитъ уговаривать, чтобъ онъ покаялся и принесъ повинную Богу и государю. Стенька осерчалъ на него за это, да притворился будто и въ самомъ дѣлѣ пришелъ въ чувствіе и хочетъ покаяться, и говоритъ митрополиту: «Хорошо, я покаюсь; пойдемъ на соборную колокольню; я стану съ тобой вмѣстѣ и оттуда передъ всѣмъ народомъ принесу покаяніе, чтобъ всѣ видѣли, да и тоже покаялись». Какъ взошли они на колокольню, Стенька схватилъ митрополита поперегъ да и скинулъ внизъ. «Вотъ, говоритъ, тебѣ мое покаяніе!»

За это его семью соборами прокляли!

Товарищи его какъ узнали, что онъ семью соборами проклятъ, связали его и отправили въ Москву. Стенька, ѣдучи, сидитъ въ желѣзахъ, да только посмѣивается. Привезли его въ Москву и посадили въ тюрьму. Стенька дотронулся до кандаловъ разрывомъ-травою — кандалы спали; потомъ Стенька нашелъ уголёкъ, нарисовалъ на стѣнѣ лодку, и весла, и воду, все какъ есть, да, какъ извѣстно, былъ колдунъ, сѣлъ въ эту лодку и очутился на Волгѣ. Только ужь не пришлось ему больше гулять: ни Волга-

матушка, ни мать-сыра земля не приняли его. Нѣтъ ему смерти. Онъ и до-сихъ-поръ живъ ([1]). Одни говорятъ, что онъ бродитъ по городамъ и лѣсамъ и помогаетъ иногда бѣглымъ и безпаспортнымъ. Но больше говорятъ, что онъ сидитъ гдѣ-то въ горѣ и мучится.

Возвращались русскіе матросы изъ тюркменскаго плѣна; проходили они черезъ русскій городъ; было дѣло праздничное; православные христіане собрались около нихъ послушать разсказовъ о чужедальнихъ бусурманскихъ сторонахъ. Матросы говорили:

— Какъ бѣжали мы изъ плѣна, такъ проходили черезъ персидскую землю по берегу Каспійскаго Моря. Тамъ, надъ берегами, стоятъ высокія, страшныя горы. Случилась гроза. Мы подъ гору, сѣли и говоримъ между собою порусски, какъ вдругъ позади насъ кто-то отозвался: «Здравствуйте, русскіе люди!» Мы оглянулись: анъ изъ щели, изъ горы, вылазитъ старикъ—сѣдой-сѣдой, старый, древній—ажно мохомъ поросъ. «А что?» спрашиваетъ насъ: «вы ходите по русской землѣ: не зажигаютъ

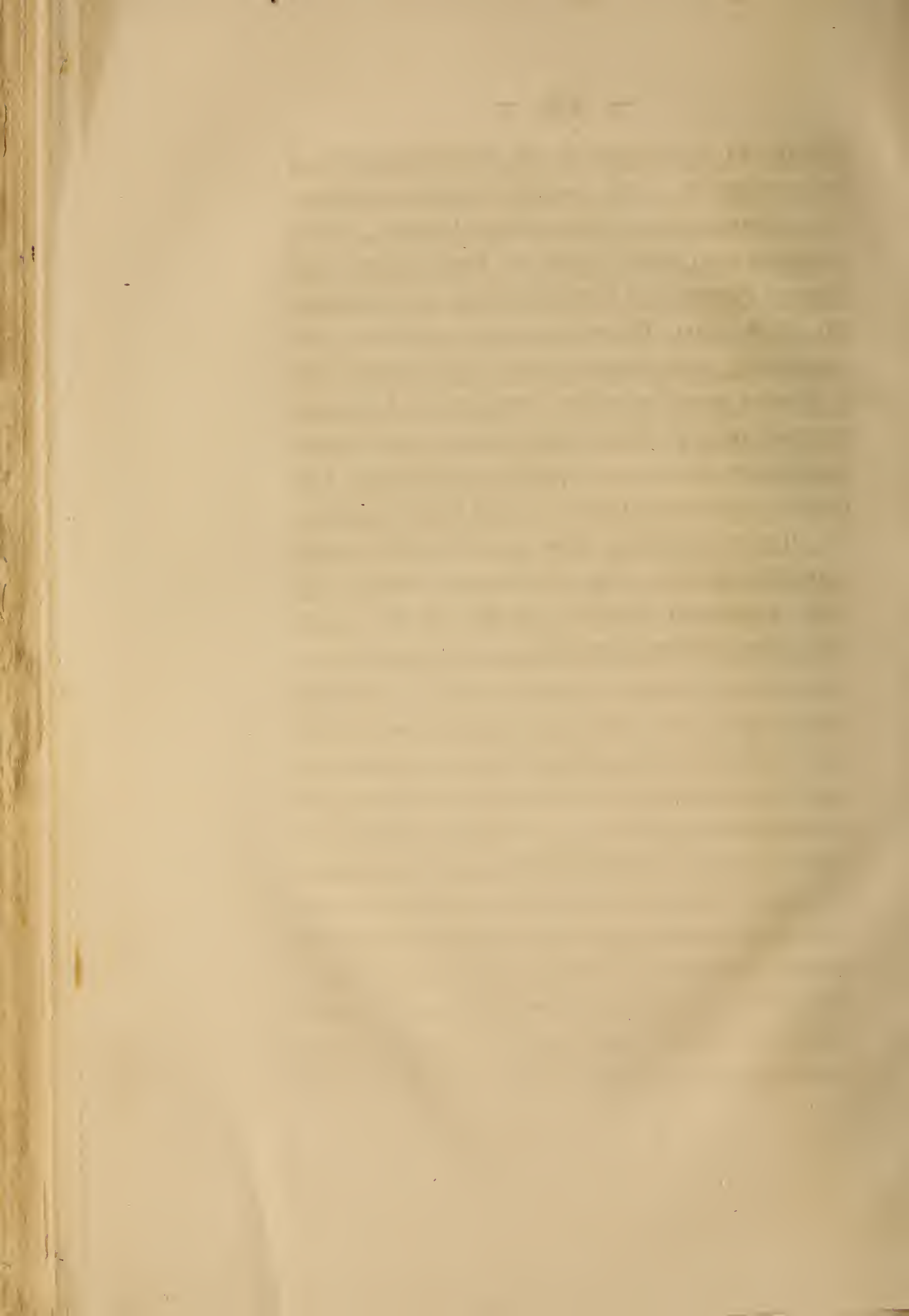
([1]) Многіе боятся произносить его имя и почти никто не выскажетъ о немъ всего, что знаетъ и думаетъ: опасаются говорить, какъ-будто рѣчь идетъ не о преданіи старины глубокой, а о важномъ преступникѣ, убѣжавшемъ изъ тюрьмы и преслѣдуемомъ полицейскими властями.

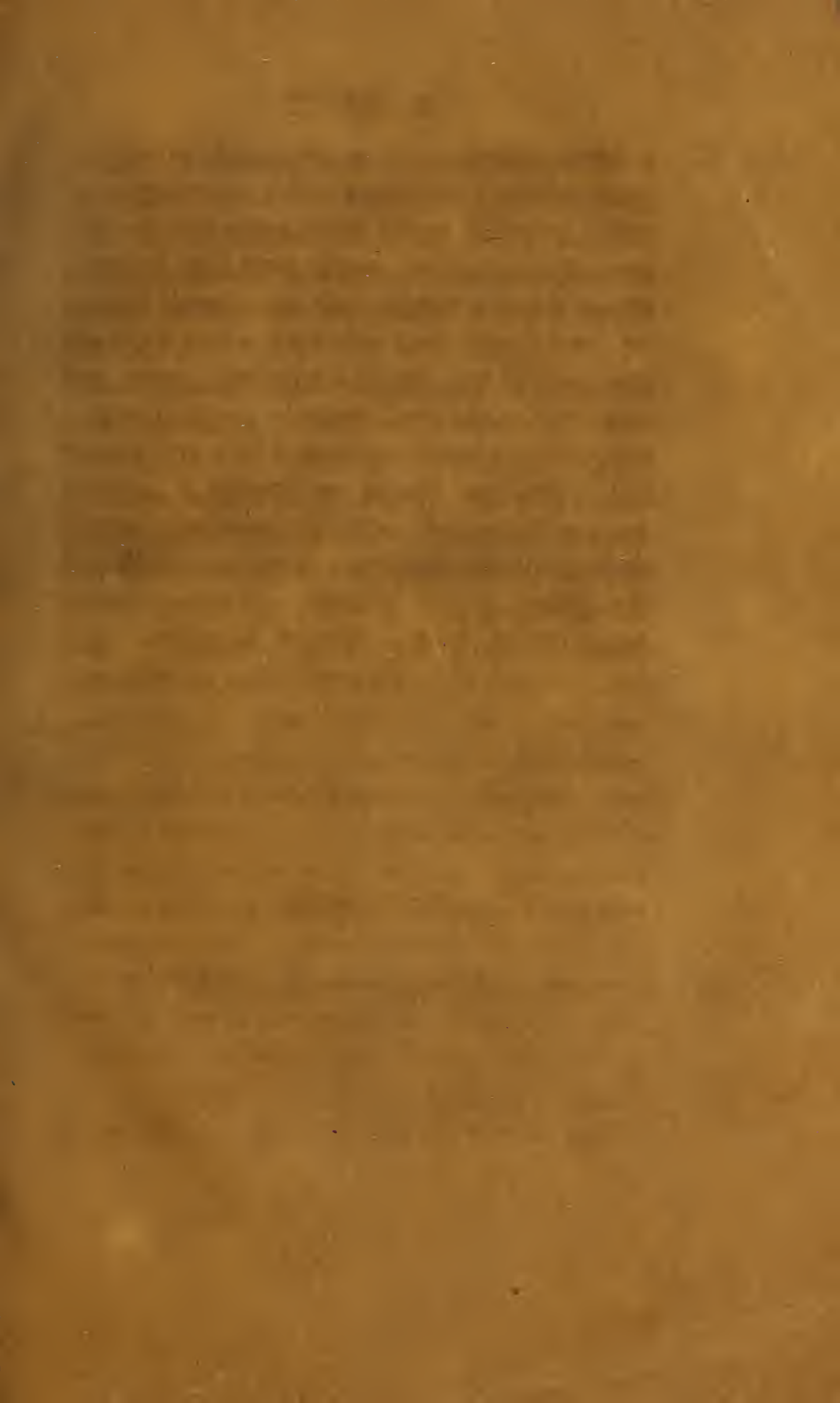
тамъ сальныхъ свѣчей вмѣсто восковыхъ?» Мы ему говоримъ:—«Давно, дѣдушка, были на Руси; шесть лѣтъ въ неволѣ пробыли; а ка́къ живали еще на Руси, такъ этого не видали и не слыхали!» «Ну, а бывали вы въ Божіей церкви въ обѣднѣ на первое воскресенье великаго поста?»—«Какъ же, дѣдушка, бывали!»—«А слыхали, ка́къ проклинаютъ Стеньку Разина?»—«Слыхали».—«Такъ знайте жь, я Стенька Разинъ. Меня земля не приняла за мои грѣхи: за нихъ я проклятъ. Суждено мнѣ страшно мучиться. Два змѣя сосали меня—одинъ змѣй со полуночи до полудня, другой со полудня до полуночи; сто лѣтъ прошло—одинъ змѣй отлетѣлъ, другой остался, прилетаетъ ко мнѣ въ полночь и сосетъ меня за сердце; я мучусь, къ полудню умираю и лежу совсѣмъ мертвый, а послѣ полудня оживаю, и вотъ, какъ видите, живъ и выхожу изъ горы; только далеко нельзя мнѣ идти: змѣй не пускаетъ; а какъ пройдетъ сто лѣтъ, на Руси грѣхи умножатся, да люди Бога станутъ забывать, и сальныя свѣчи зажгутъ вмѣсто восковыхъ передъ образа́ми, тогда я пойду опять по свѣту и стану бушевать пуще прежняго. Разскажите объ этомъ всѣмъ на святой Руси!»

За городомъ Царицынымъ, въ степной деревнѣ, жилъ, а можетъ-быть, и теперь живетъ, стодесятилѣтній старикъ, и глухой, и слѣпой, и чуть движется, и трудно съ нимъ говорить: надобно на ухо

кричать во все горло; но онъ сохранилъ память и воодушевляется, когда вспомнитъ старыя времена. Онъ собственными глазами видалъ Пугачева. «Тогда (говорилъ онъ) иные думали, что Пугачевъ-то и есть Стенька Разинъ; сто лѣтъ кончилось, онъ и вышелъ изъ своей горы». Впрочемъ, самъ старикъ не вѣритъ этому; зато вѣритъ вполнѣ, что Стенька живъ и придетъ снова. «Стенька (говорилъ онъ) это мука мірская! это кара Божія! Онъ придетъ, непремѣнно придетъ, и станетъ по рукамъ разбирать... Онъ придетъ, непремѣнно придетъ... Ему нельзя не придти. Передъ суднымъ днемъ придетъ. Охъ! тяжкія настанутъ времена... Не дай, Господи, всякому доброму крещеному человѣку дожить до той поры, какъ опять придетъ Стенька!»

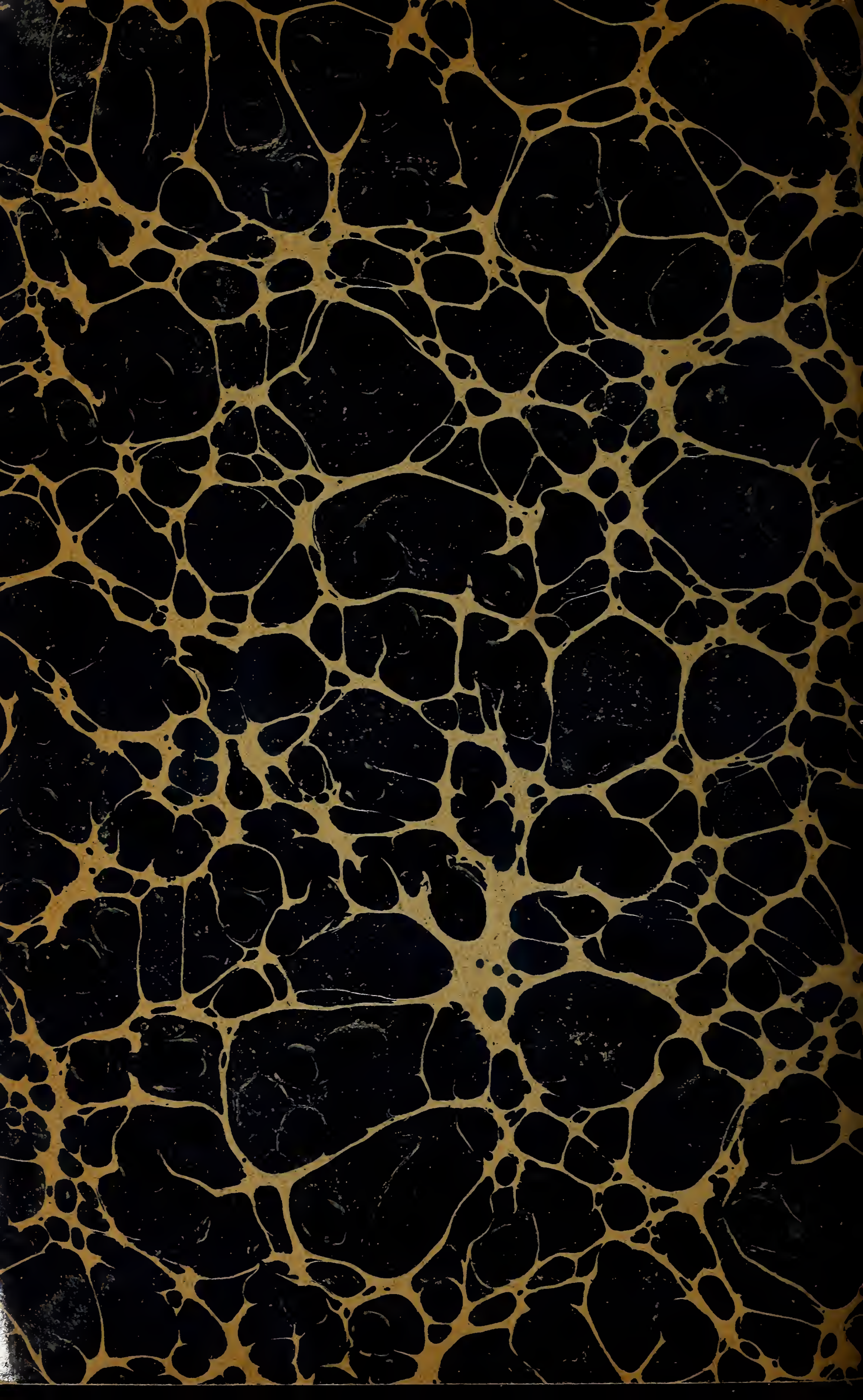
Цѣна 75 коп. сер.

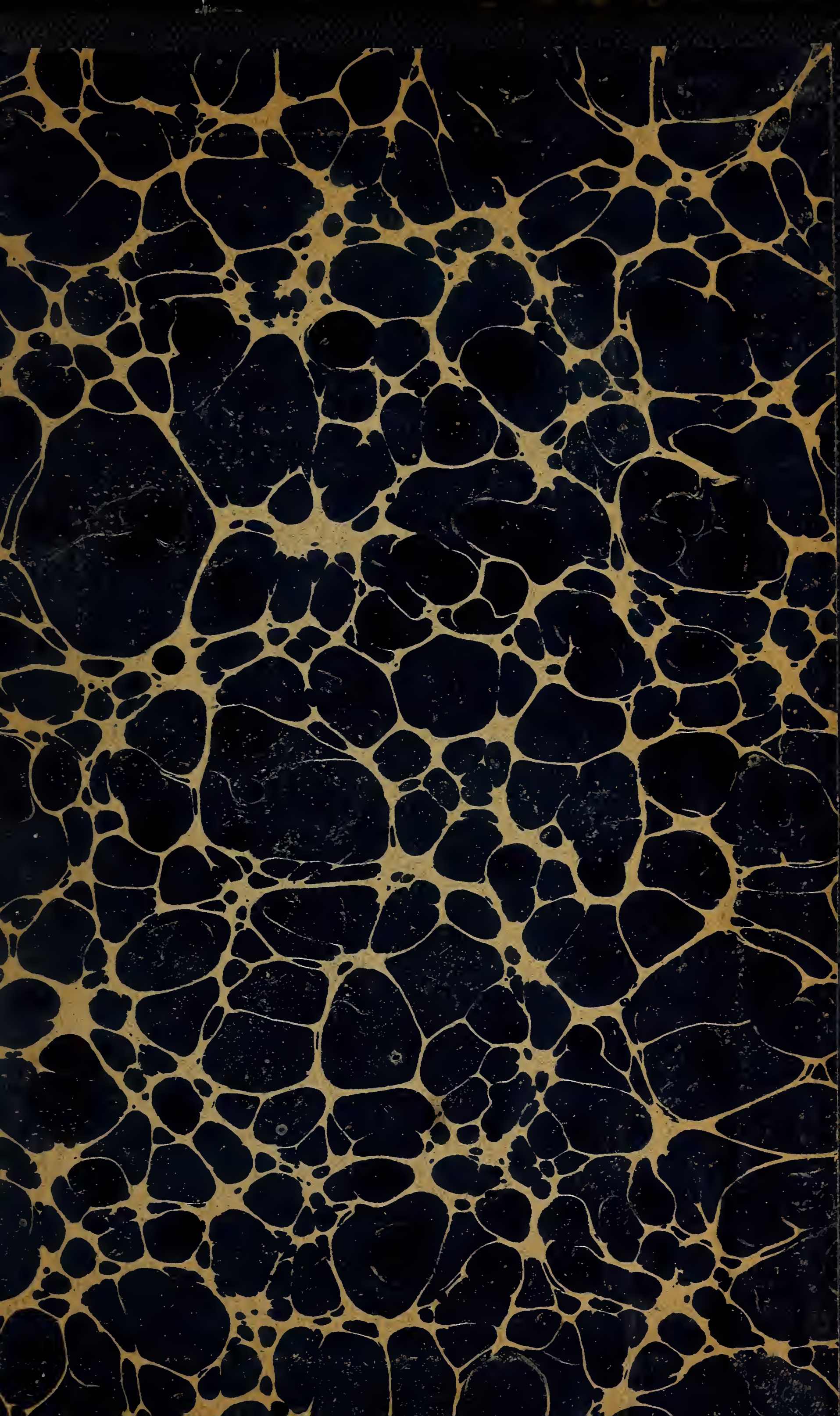

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 203 386 7